

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DM 10,- 3 руб.

D 21651 F

POSSEV 1/1992

Отсветил...

Не в силе Бог, а в правде! - Александр Невский

№ 1 (1405)

Январь-февраль 1992

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XLVIII

СОДЕРЖАНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

А. Артемов. На старте содружества (3)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Татьяна Иванова. Пора воскресенья и деанья (6). - В мутной воде. Интервью с вице-адмиралом **Е. Д. Черновым** (14)

О НАШЕМ БУДУЩЕМ

Е. Романов. Принять вызов Истории (18)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Адель Калиниченко. КГБ умер. Да здравствует КГБ? Два интервью в Санкт-Петербурге (23)

ПОЗИЦИЯ

Николай Толстых. "Волкодав - прав, а людоед - нет" (31). - "Происходящее сегодня - это маскарад..." Интервью журналистки **Наталии Белоцерковской** с писателем **В. И. Беловым** (41)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

В. Поремский. Национализм? (47). - **Ю. Лабас.** Родина или "права человека"? (49). - **М. Нуруллин.** Наш общий враг - недобитые коммунистические структуры (54)

ПО РОССИИ

Геннадий Александров. Записки из курской глубинки (56)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Александр Аннин. Концлагерь человеческих душ (65). - **В. Софронов.** Храм или свалка для людей? (69)

ФИЛОСОФИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Валерий Сендеров. Цель или средство? (71)

КУЛЬТУРА

Юрий Прохоров. Такой язык... (79)

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Михаил Назаров. Три ветви зарубежного православия (84)

НАСЛЕДИЕ БОЛЬШЕВИЗМА

Д. Штурман. Самый откровенный аморалист. О теории и практике большевизма Л. Троцком (98)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Юлия Жуковская. Обманутый временем (109)

60 ЛЕТ НТС

Ярослав Трушнович. Невдалеке от фронта. К истории Народно-Трудового Союза российских солидаристов (116). – Общественный комитет имени Александра Трушновича в Москве (124)

ФОНД СВОБОДНОЙ РОССИИ (125)

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

А. И. Костин (126)

В основе нового устройства общества мы видим прежде всего отказ от всякого утопизма, от любой попытки строительства "земного рая" при помощи государственной власти. Счастье - предмет частных забот. Задача же политики - оградить жизнь от конкретного зла на земле, избежать ада. Какая-то мера принуждения неизбежна, чтобы оградить зло, но принуждением нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит границы государственной власти и подчиняет политическую деятельность ценностям, которые выше ее.

В обществе не избежать конфликтов. Но первичны в нем не борьба, а сотрудничество и солидарность, без которых и борьба невозможна. Общество, ставящее во главу угла солидарность, стремится не подавлять конфликты, ущемляя одну из сторон, а разрешать их, выявляя общие для обеих сторон ценности и соподчиняя им столкнувшиеся интересы.

"Путь к будущей России". Политические основы Народно-Трудового Союза российских солидаристов

На старте содружества

А. АРТЕМОВ

Научно-философский подход требует уяснять явления и процессы с учетом не только их внутренних свойств и факторов, но и взаимодействия их с внешним миром, его явлениями и процессами в пространстве и времени. Всё это полно перемен, угасаний привычного и расцветов необычного, порой неожиданных и трудно объяснимых.

Перемены в нашей стране периода так называемой перестройки начались, главным образом, в силу внутренних причин, в первую очередь банкротства государственно-политической идеологии и краха социально-экономической системы. Но нарастающее ускорение их определялось уже включением в действие всё новых факторов, внутренних и внешних. Попытки торможения со стороны консервативных и реакционных сил лишь обостряли возникающие конфликты, придавая им революционный характер.

Декабрьские события с кинематографической быстротой осуществили ликвидацию отстроенной за десятилетия государственности и замену ее новой, еще рыхлой. Если учесть всю сложность обстановки и исходить из естественного и обычно неполного соответствия между идеальным и реальным, между желательным и возможным (а политика, как известно, есть искусство возможного), то имеется достаточно оснований считать нынешний результат за оптимальный. Хотя бы по замыслу, по заданию (а демократия тоже, как известно, есть не столько данное, сколько заданное), по возможности и вероятности дальнейшего развития. И можно полагать, что практика, жизнь внесут положительные поправки.

Распад Союза ССР, с его устоявшимися основами и конструкцией, был предопределен в принципе. Речь могла идти лишь о возможности маневра по амортизации ущерба, по сохранению или воссозданию исторического единства на новых основах и в новом виде.

Развитие процессов национальной дифференциации во всем мире, распад блока коммунистических диктатур и раскрепощение пораженных ими народов закономерно оказали влияние на судьбы советской государственности. Границы ее были пробиты в наиболее слабом звене: прибалтийские республики явочным порядком объявили о своей независимости. При этом они опирались на незаконность насильственного включения их в состав СССР, на международное неприятие этого включения, а также на статью 72-ю действующей Конституции СССР: "За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР".

Закон о порядке выхода, полный категорических преград, был издан Верховным Советом СССР уже вдогонку начавшемуся процессу и

не оказал никакого влияния. Республики с ним не считались, а центральная власть не решалась применять силу. Союзные республики, одна за другой, стали брать курс на самостоятельность.

Маневры Горбачева по "обновлению" Союза ССР на базе федеративного принципа, сочетающего самостоятельность с единением, не приводили к намеченной цели. В референдуме – с вопросом "Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности" – 17 марта 1991 г. приняли участие почти все республики (кроме Молдавии, Грузии и Армении, не считая прибалтийских). Всюду голосовало большинство граждан (75–98%) и всюду большинство голосовавших ответило "да" (70–98%). Но затем союзные республики (в лице верховных советов) стали отвергать проекты "Союзного договора", считая условия федерирования противоречащими их понятиям суверенитета.

Клятвы в верности "социалистическому выбору", медлительность в либерализации экономики, охранение действенности аппарата подрывали доверие народа к центральному руководству. А сохранение федерации с сильным центром во всех проектах Союзного договора (с ноября по июль – четыре проекта) отпугивало республики. Все это обострилось из-за августовского путча, показавшего возможности возврата диктатуры.

27 ноября 1991 г. был опубликован новый, пятый проект "Договора о Союзе Суверенных Государств", где уже впервые Союз определен как "конфедеративное демократическое государство". Однако в нем сохранялись центральные органы прежнего значения: парламент, правительство и президент, избираемый путем прямых выборов.

Но 1 декабря на референдуме 90% участников проголосовало за независимость Украины, и новоизбранный президент Кравчук заявил, что обсуждение Союзного договора не имеет смысла. Как бы ни относиться к легитимности республиканских государственных структур и к надежности процедуры референдума, все же вряд ли можно в нынешних условиях тут сильно фальсифицировать народную волю.

Российский президент Ельцин решил, что без Украины Союз невозможен, и по его инициативе 8 декабря в Минске было заключено соглашение о создании "Содружества независимых государств" между Россией, Украиной и Белоруссией в качестве подлинной конфедерации. В течение декабря к Содружеству примкнули почти все республики Союза ССР, который таким образом перестал существовать. Его центральные органы самораспустились, президент Горбачев перестал быть президентом.

Конфедерации "дисперсные", вроде Британского Содружества, объединяющего страны, разбросанные по всем континентам, не создают центральных органов, ограничиваясь периодическими совещаниями глав правительств. Но конфедерации региональные, объединяющие географически близкие, соседствующие страны, как правило, по понятным причинам общности, отстраивают координационные центры, постоянно действующие. Так, в Ассоциации Юго-Восточно-Азиатских

государств (АСЕАН), в Лиге арабских государств (ЛАГ), в Организации центрально-американских государств (ОЦАГ) созданы постоянные комитеты по отдельным отраслям (экономика, торговля, транспорт, экология, научные исследования), которыми руководит центральное бюро во главе с генеральным секретарем.

Для нашего Содружества предусмотрен Совет глав государств и Совет глав правительств, которые собираются два раза в год, а также совещания министров иностранных дел, обороны, экономики, финансов, транспорта, связи, социального обеспечения, внутренних дел, которые встречаются четыре раза в год. Почти наверняка со временем возникнут постоянные комитеты и центральное бюро с генеральным секретарем.

НТС стоял и стоит за единство наших народов, но за свободное единство и допустимость разнообразия его форм – от автономии до конфедерации. Ядром конфедерации неизбежно будет Россия. И для российских солидаристов целостность Российской Федерации является центральной ценностью, покушения на которую они будут противостоять и противодействовать всеми допустимыми путями и средствами. Здесь – граница для сепаратистского разгула. Поэтому должны быть созданы – в рамках международных норм – законы и механизмы по защите как частных свобод, так и общих интересов. Противоправные расчленительские действия надо пресекать, а с законно отошедшими – строить новые отношения только на основе взаимной выгоды. Опыт Закавказья уже показал, что уход от России не гарантирует благоденствия.

На новом старте у России полно своих хлопот. Президент и его команда никак не могут справиться с закоснелой и эгоистической номенклатурой, реформы пробуксовывают, экономическое положение ухудшается, народное недовольство растет. Надо бы переизбрать органы власти и самоуправления, но для успешных выборов надо сперва добиться улучшений жизни народа; получается заколдованный круг. Думается, рвать его придется пока твердым руководством президента в опоре на силы порядка – армию, милицию, суд, госинспекцию (контролирующую, очищающую, инструктирующую предприятия и учреждения). И экономические реформы, нацеленные на социально-рыночные отношения, должны сочетать рыночную свободу с социальной защитой низов. На переходный период придется, в меру необходимости, сохранять государственное регулирование в ряде сфер (цены, пособия, субсидии).

Особой проблемой для нового порядка оказалось само его имя. "Содружество независимых государств" звучит нелепо: в мире полно независимых государств и немало их содружеств. Надо искать специфическое, отличающее название. А это, скорее всего, – географический признак. Наше пространство – Северная Евразия, и наше Содружество – Северноевразийская конфедерация (СК, СЕК или СЕАК). Есть и другие решения, и над этим надо работать.

Пора воскресенья и деанья

Татьяна ИВАНОВА

...Особенно озадачивают печальные лица сверстников. Как, спрашиваю, живешь. Да так как-то всё... Ничего к лучшему не меняется... Что дальше будет – неизвестно... Бунта боюсь, русского бунта, бессмысленного и беспощадного...

Поразительно, как много люди хотят от жизни, от судьбы, как они ненасытны. Поразительна и высота их самооценки: за какие-то заслуги им должны показывать кино дальше, дальше, дальше, и с каждым днем интереснее. Поразителен и страх перед тем самым народом, к которому сами принадлежат.

Послушайте. На этой земле семьдесят с лишком лет жили и умирали люди, даже не мечтавшие о том, чтобы пережить то, что выпало нам. Трех дней, по мощи пережитого, по яркости впечатлений подобных трем дням, пережитым нами в августе 1991 года, в истории этой страны не бывало. О победе, которую пережили мы после полудня 21 августа, может быть, только грезил, только в радостных снах чаяли ее миллионы трагически погибших, замученных, униженных, оскорбленных, миллионы, чьи кости на дне Беломорско-Балтийского канала, под мостовыми Норильска, под рельсами в черных тоннелях метро. Нам-то с вами за что выпало такое счастье? И не грех ли теперь ждать и хотеть чего-то еще, сверх? И не благороднее ли, понимая, что 22 августа можно было бы и спокойно помереть, потому что жизнь сбылась, удалась, состоялась, – не благороднее ли использовать весь остаток жизни, раз она длится, на то, чтобы по мере сил облегчать путь другим. Для самих себя, одаренных сверх всякой меры, больше ничего не желая.

И не хватит ли высокомерия в отношении к соотечественникам? Ну когда в последний раз видели вы русский бунт, бессмысленный и беспощадный? В жестокие, голодные нищие предвоенные годы? В послевоенную разруху? Может, в Новочеркасске он был тридцать лет назад? Может, в Поволжье, где никогда не знали сытости и не видели мяса в магазинах? Может, на Урале? Когда поднялись шахтеры, можно было ожидать, что они пойдут сокрушать свои обкомы и горкомы и повыбросят партийных работников из кабинетов в окна вместе со столами и стульями. А они не смяли ни единого цветочка на газонах под теми ненавистными окнами. Весь "вандализм", вся "тяга к разрушению" этого народа воплотилась в разбитой табличке на стене горкома КПСС на Старой площади (откуда на Москву наслали танки!), да еще в том, что поколупали постаменты под памятниками кровавым коммунистическим вождям и унесли камешки домой на память.

Этот народ еще не доказал, что он просвещен и великодушен? Он еще под подозрением? Интеллигенция полагает, что она всё еще лучше него, больше понимает, тоньше чувствует и вправе, скорбно опуская уголки губ, его поучать?

А мне представляется, что один из итогов семи последних десятилетий (счастливый это итог или несчастный, я еще не обдумывала), но один из итогов в том и состоит, что более нет такого отдельного от народа класса, надстройки, прослойки или как там еще. Перестали существовать две отдельные субстанции – народ и интеллигенция. Общество делится теперь на две неравные части: наибольшую – интеллигентный народ, и наименьшую – все виды люмпенов. В первую категорию входят все. А во вторую – необразованные, злобные, агрессивные, завистливые, неумные люди как с высшим и самым высшим образованием, как на "Вольво" и черных "Волгах", так и грязные бомжи, и разучившиеся растить даже лук на собственном огороде колхозники. Интеллигентный народ – и прочие. Бунт прочих действительно возможен. Точнее, не бунт, а бунты. Они, эти бунты, не могут быть осмысленными и милосердными. Но опасности для России не представляют. Потому что была только одна сила, способная организовать "прочих" и направить их разрушительную энергию в нужное ей русло. Этой силы более не существует.

...Последний этап диктатуры КПСС имеет точную дату начала. Черный день 13 января 1991 года. Трагедия в Вильнюсе. Решающий день для нашей истории. День-граница. День-рубеж. Люди, наверное, вспоминают его по-своему. Я расскажу, что пережила сама. Видимо, примерно то же чувствовали в тот день миллионы. Иначе ГКЧП по сию пору исполнял бы свой танец маленьких лебедей.

Это была какая-то отчаянная ярость... Ясно, что о н и решили собрать империю обратно под свою власть любой ценой. Посчитаем цену. Им нужно распустить все парламенты всех республик. Запретить все партии и общественные организации. Закрыть все газеты, кроме правоверных. Арестовать, а еще лучше уничтожить всех лидеров. После этого они втянутся в хронический саботаж на всех производствах, не обязательно демонстративный, скорее даже тихий; как никто в мире, мы научились делать вид, что работаем. Они втянутся в пятнадцать партизанских войн. Как умеет уйти в леса Прибалтика, все помнят. Как станет стрелять каждый куст, каждая скала на Кавказе, каждый горек, старше семи лет. Как умеет ненавидеть Украина, никому не надо рассказывать...

Россия... Самая огромная страна... "На таком расстоянии любой приказ превращается в буги-вуги"... Бессрочная российская забастовка, начатая семь десятилетий назад, продлится. Работать Россия не будет. Лагеря? Пять лет за опоздание? Расстрел за брак? Но ведь это уже было. Тяжелые камни под страхом таскать можно, да. Но все, что сложнее, нельзя хорошо делать под страхом. Сталинский сапог поворачивал реки вспять, но повернуты они у нас хуже, чем в свободных странах. А возможностей, талантов, потенций за годы страха сгублено в этой стране столько, сколько во всех остальных странах вместе взятых не сгубили и за всю историю человечества. Из-под палки Россия никогда не работала, а теперь уж точно не будет рабо-

тать. Пимпочку заело, а склад, гражданин начальник, на обеде, гаечный ключ негде взять. Жидковата баланда, гражданин начальник.

Да и вольной мысли теперь куда больше, чем во все предыдущие пятилетки. Куда же они лезут, когда всё так ясно? Неужели надо быть семи пядей во лбу, чтобы уразуметь такие простые вещи?

"Идейные". "Родина! Держава! Коммунизм!" Встают в экстазе, бешено аплодируют, в глазах восторг. Не пожалеем жизни, чтобы отстоять наши светлые идеалы! Кровь прольем, а сохраним наше нерушимое многонациональное социалистическое государство! Толстые, с двойными затылками, с обвисшими щеками, со склеротическими прожилками на лице, – чьей жизни они не пожалеют, чьей крови? Своей? Если бы своей – их право. Но они давно банкроты, им нечем платить за свои восторги, за свои святые идеалы, – нечем, кроме жизни наших сыновей. Значит, миллионы мальчишек пойдут на погибель.

Ну, хватит. Так я для себя решила. Всё. С этого проклятого, с этого 13 числа с ненавистным, опостылевшим, тупым режимом нужно бороться. Как честные люди боролись с оккупационными, с вражескими режимами во все времена, во всех странах. Что я могу? А ничего не могу... Только листовки писать. Значит, надо писать листовки.

И на первый случай, самое главное сейчас, после проклятого 13 числа: надо объяснять людям, что это последний этап диктатуры КПСС. Что он обязательно кончится. Что скорее всего он кончится при ныне живущих. И как бы ни было трудно, нужно вести себя достойно. Нужно помнить, что все предыдущие этапы диктатуры КПСС заканчивались "разбором полетов". Глобальная разборка происходила только что, в годы перестройки. Сколько пережито стыда детьми верных слуг режима, внуками... А как ежились и корежились те, кто в недавние застойные годы вел себя непорядочно... Жизнь теперь была не мила им. И дорого дали бы они, чтобы не приходилось оправдываться, изворачиваться, лгать. Редко люди учатся на чужих ошибках, но в порядке исключения давайте все же научимся. Давайте избавим себя и своих детей от скорого позора. И положим все силы на то, чтобы нынешний последний этап диктатуры КПСС кончился как можно скорее.

Я должна была как можно скорее, как можно яснее сказать людям: не бойтесь. Не надо бояться. Что они могут сделать с нами? В тюрьму посадят? Окажемся там в обществе друг друга и переживем, дотерпим до смерти красной хунты. Убьют? Так и черт с ней, с этой жизнью, зато хоть дети смогут нами гордиться.

И я отправилась всё это говорить, говорить, повторять – на "Свободу", на "Радио России", на "Эхо Москвы".

Радио России передавало тогда на каких-то загадочных волнах, ловить их было не легче, чем "Свободу". Придя к ним, я сразу поняла, что нахожусь среди единомышленников. Та же отчаянная решимость, ни тени страха. И в редакции "Эха" то же: говорим и будем говорить только правду, только то, что думаем. В проклятые дни и ночи они не выходили из эфира сутками, их жалкая допотопная аппаратура перегревалась. Я старше их всех, я говорила: чуть поосторожнее, ребята, вас же прихлопнут, чуть помягче... А зачем нам эфир, если нельзя

говорить всю правду и так, как считаешь нужным, отвечали они, зачем нам его беречь?

Надо было искать и другие трибуны. "Новое время" печатало мои листовки. Именно так я определяла жанр, в котором работала постоянно, начиная с 13 января. И он, этот жанр, удивительным образом вписывался в весь контекст журнала. Глубокие аналитические статьи, памфлеты, фельетоны, интервью, рисунки и карикатуры, фотографии и всегда неожиданная картинка на обложке – всё "Новое время" каждый свой номер делало под толстовским девизом: делай, что должно, и пусть будет, что будет.

...За Вильнюсом последовала Рига. Был референдум. О н и задумали его и провели, чтобы совершить то, что о н и потом совершили в августе, на законных основаниях. Нас было много, людей, чья профессия – слово, понимающих, что цель референдума подвести базу под новый тоталитаризм – диктатуру по воле большинства. И мы писали, писали, писали свои листовки. Никаким, самым малотиражным, самым малоавторитетным изданием нельзя было пренебрегать. Потому что о н и, как всегда, вели тотальную пропаганду. Эфир, телеэкран, газеты с миллионными тиражами, вся сеть партийных изданий на местах, местные радиостанции, райкомы со всеми своими факсами, телефаксами, шифровками, кабинетами политпросвещения и ленинскими комнатами, политотделы. Какая страшная обработка мозгов!.. Было ясно, что иезуитский вопрос получит положительный ответ. Было ясно, что после этого положительного ответа руки у них будут развязаны. Тиражи демократических изданий нечего и сравнивать с тиражами партийных. И разве в состоянии радио России перекричать все программы центрального радио. Что уж и говорить про "Эхо"...

С какой нежной любовью я думаю о тех, кто писал, и писал, и писал в эти газеты, газетки и газетенки, выступал по радио, почти неловимо в эфире. Славы там было не сыскать. Деньги невеликие. Да и главное: выполнять упражнения на заданную тему чрезвычайно трудно. Игра ума и стилистические изыски имеют чисто прикладное значение: надо написать так, чтобы как можно больше людей поняли тебя, поняли, что им морочат голову, что их хотят использовать для черного, жестокого, кровавого дела, надо, чтобы люди поверили тебе. И при этом знаешь, что победы все равно не одержать, до большинства все равно не докричаться, на свою сторону его все равно не склонить. Слишком огромная страна. И слишком коротки и неловимы радиоволны, и слишком малы тиражи.

Какие люди писали агитки! Какие таланты работали листовки! И как неутомимо, безотказно. Пишущий народ, сам себя мобилизовавший на борьбу за свободу, работал, как зверь.

Писала демократическая Россия. Именно так, без всяких кавычек. Я давно уже знала, что демократическая Россия пишется именно так. Потому что видела во время наших замечательных московских митингов людей с рупорами, которые ведут колонны, видела листовки на столбах и автобусных остановках, видела трехцветные российские флаги – и всё время отмечала про себя: кто-то берет в руки рупор, кто-то клеит листовки, кто-то шьет флаги.

Кто шьет флаги, кто мыкается с рупором, кто клеит к столбам листовки? Надо отдавать себе отчет: ни одна из демократических побед была бы невозможна без этих людей. И более того, не будь этих людей, всё красноречие демократических лидеров, всё журналистское искусство демократических изданий, демократического эфира и экрана просто не имело бы смысла, не могло существовать.

...В ночь с 12 на 13 июня я крутила приемник, ловя информацию с избирательных участков. Окна в соседних домах светились, многие не ложились спать в ту ночь. А часам к трем под радостные вести, наверное, распили бутылочку, запели, вышли на улицу... Кто-то затягивал: "Жила бы страна родная...", а кто-то другой: "Хасбулат удалой, бедна сакля твоя..." И ничего не допевали до конца, смеялись...

Какой счастливый был день! Демократическая Россия проголосовала за всё, за что стояла "Демократическая Россия" – и движение, и лидеры, и журналисты. Решение о том, чтобы переименовать Ленинград обратно в Петербург – это было даже слишком. Никто не верил, что оно соберет большинство голосов. Еще одиннадцатого июня я слышала по радио выступления многих самых уважаемых демократических лидеров, они говорили – вот, мол, несвоевременно, надо бы было позднее, сейчас ясно, что большинства голосов не собрать...

Это поразительно, как мы высокомерны! Это просто чудо, как мы ухитряемся думать, что мы дальновиднее, умнее, демократичнее своего народа, что мы – отдельно, что мы – лучше! И даже тот день, 12 июня, нас ничему не научил. Хотя люди голосовали не только за Санкт-Петербург, они проголосовали даже и за то, чтобы объединить Москву и область, разумеется, до конца не понимая, зачем это нужно, а единственно потому, что профессор Попов убежден, что это нужно. Профессор Попов... Человек с нестандартной внешностью, не с мхатовской речью, в либеральном джемпере... По всем внешним параметрам ему труднее, кажется, покорить большинство, чем Борису Николаевичу, Илье нашему Муромцу. И по всем уже глубинным параметрам тот факт, что профессор все-таки покорило большинство, должен был бы заставить нас переменить отношение к этому самому большинству, заставить нас относиться к нему с тем уважением, которого оно достойно, и уж во всяком случае не смеет считать себя лучше. Но нет. С поразительным упорством, с какой-то тупой бестактностью мы, не стесняясь, позволяем себе вслух говорить и писать, что боимся русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Погодите, Господь еще нас накажет за это, и Пушкиным не оправдаемся.

...После 12 июня я позволила себе расслабиться. Победа, лето, листовки иссушили. Можно отдохнуть. А 19 августа вышла из леса близко к вечеру с полной корзинкой грибов, устала, едва плетусь, солнышко светит, тихо в поселке... С новым годом, говорит мне встречный. С новой, говорит, жизнью. С военным переворотом.

Когда утром я уезжала в Москву, мама сказала: тебя не пустят в город, у тебя нет паспорта, на вокзалах будут стоять патрули, ты не знаешь, как это бывает, а я знаю, окажешься в милиции, вот и всё. Руку, ответила я, руку даю на отсечение, у них уйдет две недели, чтобы установить посты на вокзалах, а потом они установят посты с одной стороны, и мы будем проходить с другой.

Идиоты, думала я, негодяи, мерзавцы, сволочи, сейчас будут хватать людей, арестовывать, стрелять, всё без толку, ничего ни за что у них не выйдет, в этой стране больше никогда не будет порядка, если не будет свободы, ведь им втолковывали, ведь им объясняли, на уровне курочки рябы объясняли: здесь никто ничего никогда не станет делать по приказу, это не тот народ, не та страна. Она будет работать только в условиях свободы. Что они наработают со своим чрезвычайным положением? Баланды, может, и хватит, но на сервелат им точно не хватит, а они ж привыкли к сервелату... Идиоты, сколько будет крови... Негодяи, ведь армия неизбежно расколется, ведь 53 процента военнослужащих голосовали за Ельцина, при тотальной обработке мозгов, при всех ваших ленинских комнатах и военно-исторических журналах, при обязательной подписке на "Правду", "Советскую Россию", "Наш современник" и "Молодую гвардию", при том, что ваш лелеемый "День" только и публиковал, что гимны чрезвычайному положению да оды поочередно каждому из членов ГКЧП, а "Слово народу" опубликовал и вовсе на красной подложке, чтобы было совсем красиво, чтоб как знамя... Пакостники, что ж вы наделали, ведь когда расколется армия, это и будет та самая война, о которой вас тысячу раз предупреждали, страшная, безжалостная, с попытками применить атомную бомбу. Ведь мир взорвется, негодяи, ведь шарик расколется от ваших игр...

Страшные это были мысли. И молчала, мрачно молчала, ничем не шурша – газет больше нет – подмосковная электричка.

Среди множества ошеломительных и невероятных впечатлений 19-21 августа, мое впечатление о "Новом времени" из наиярчайших. 20-го утром секретарь Оля Петрова была первой, кого я увидела. "Всё будет хорошо, Т. И., вот увидите. Армия уже переходит на нашу сторону. Всё скоро кончится". Откуда такой оптимизм?! "А сейчас к нам заходил какой-то полковник, он сказал, что танки уже на стороне России, Кантемировская..." Так, Оля, это всё? Все поводы для оптимизма? "Да нет же, Т. И., не в этом вообще дело! Я просто представить себе не могу, чтобы эти клопы вонючие нами правили!" О, вот это основательно...

У работающих в "Новом времени" к моменту путча КПСС было написано на пятнадцать лет без права переписки с последующим поражением в правах, моя же дерзкая легкомысленная писанина именно своим наглым смехом, открытым презрением ко всем этим маленьким лебедям во главе с настоящим мужчиной Геней, очевидно усугубляла и без того сугубую нашу коллективную вину.

...Скорее, говорят, скорее, все уже свое отписали, тебя только ждем. Вот машинка, и у тебя пятнадцать минут. Но кто ж нас будет печатать, нас же запретили?.. Сами напечатаем, сами расклеим, пиши скорее, не рассуждай.

И через пятнадцать минут я закончила текст. Он назывался "Штаб Российской свободы". Им открывался набор журнальных страниц под общей шапкой "Они совершили переворот, но у них дрожат руки". Двое замечательных юношей лет по семнадцати, в плащпалатках приехали от Белого дома и спрятали под полами огромные пачки наших размноженных в редакции на ксероксе листовок. Редакцион-

ные молодые пошли на улицы расклеивать... Потом рассказывали, как дедушки с орденскими планками и энергичные бабушки бегали за милиционерами, требовали арестовать наших подпольщиков и подпольщиков.

Потом я шла по переходу, листовка на стенке, моя, моя подпись под нею, люди стоят, читают. Я заплакала от страха. Вот прямо сейчас меня арестуют, поволокут в тюрьму, а дома сын и родители старые. Но никто меня не арестовал по дороге к Белому дому.

Когда утром 20 августа я увидела над Белым домом в синем небе шар с флагом демократической России... А на площади тысячи, многие тысячи людей... Но я не буду рассказывать об этом. Столько уже рассказано! И так прекрасно рассказано. Скажу только, что баррикада через Калининский проспект будет стоять у меня перед глазами до конца моих дней, как и троллейбусы, перегораживающие мост, и изрытая, изувеченная противотанковыми рвами Смоленская набережная. При виде их я испытала почему-то не что-нибудь, а щемлящую любовь к своей Москве, именно к Москве, древнему родному городу, и никогда не испытанную прежде боль за нее, за Москву.

Несколько дней после победы показывали хронику. И многие смотрели телевизор, не отрываясь. Победа была одержана в Москве? Так думалось, пока на экране не возникли другие города, городишки, поселки. Господи, какая-то Удомля Тверской губернии. Домик местного кабельного телевидения. Местные депутаты на экране, чубы пригладили мокрыми ладонями: это переворот, это путч, Удомля будет подчиняться законной российской власти, а вокруг домика местные жители с вилами – готовятся защищать свой телецентр... Мелькала на экране непокорившаяся демократическая Россия, интеллигентный народ, готовый "стояти до конца".

Нет, предсказания дело неблагоприятное в этой стране – слишком большой и сложной системе, где такое величайшее множество факторов, взаимодействуя, отталкиваясь, влияют на ход событий. Я не думала, что найдутся идиоты, которые решатся на переворот с применением вооруженных сил. И когда они все же нашлись, я знала, что если с ними не управиться до конца недели, они будут топтать здесь сапожиками года два-три, но, по правде говоря, не представляла себе, как можно управиться с ними за неделю.

У нас возможен только один, единственный вариант гражданской войны (об этом в своих листовках я написала раз двадцать): партия со своими вооруженными отрядами против народа. Штаб этой войны – на Старой площади. КПСС, вооруженная армией, КГБ и МВД есть хунта.

19 августа всё вышло как по-писаному. Но даже 21 августа я не надеялась, что КПСС опечатают. Нет, не надеялась. Не держала такой вариант даже в воображении. Думала, теперь, наконец, похороним дедушку Ленина, пройдет грандиозная депамятниковизация (хватит держать памятники убийцам и организаторам коллективных убийств на главных площадях и украшать их портретами кабинетов, классы, аудитории), приступим, наконец, к департизации в соответствии с замечательным ельцинским указом (каждое слово – музыка). Но что опечатают штаб гражданской войны... Что у маршалов и полководцев

гражданской войны отберут средства связи... Нет, об этом я не мечтала.

Это слишком много, слишком хорошо.

И что же теперь? Теперь – нормальная жизнь. Трудная? Конечно, трудная, откуда же взяться легкой.

Казна пуста. Устарело морально и физически всё оборудование на всех предприятиях. Деревни голы, в брошенных домах заколочены окна. Реки отравлены, лучшая, близкая нефть выкачана, проедена на сервелате. Всё это произошло не за сто дней президентства, не при демократах, не за годы перестройки. И воспетая Прохановым афганская подлая война, из которой мы до сих пор не в состоянии до конца выпутаться, выкачивавшая из несчастной страны предпоследние силы, началась тоже давно.

22 августа – вот был первый день свободы в этой стране. Это равно освобождению от оккупации. Комментатор "Вестей" Евгений Киселев сравнил этот день с днем освобождения от татаро-монгольского ига, и сравнение не кажется мне чрезмерным. Гнет КПСС был по срокам короче, но дань, которую она собрала с порабожденных ею народов, так велика, что ее и сосчитать невозможно, и обыкновенная математика не годится для этого жуткого счета.

У многих – в том числе и у меня – впереди бедная жизнь. Но у многих – богатая. Какой простор для дела сейчас – для настоящего дела. Дай-то Бог, чтобы было как можно больше богатых, счастливых, удачливых. Какие хорошие – вопреки всему, вопреки всей лжи – выросли дети. Какие смелые, умные, начитанные, незакомплексованные. Свободные...

Демократы ссорятся друг с другом, уходят в отставки, стоят в пикетах под окнами друг у дружки. Пусть. Любые споры, ссоры, отставки, парламентские и правительственные кризисы – всё норма, всё как у людей. Главное, что больше нет силы, которая хотела бы и могла всех поработить, загнать в стойло, посадить на баланду, заставить с утра до вечера смотреть "Лебединое озеро". Нет этой силы. Ее опечатали, и она сгинула, как от креста нечистая сила. Вот с нею спорить было опасно. Под ее окнами пикеты были знаком борьбы не на жизнь, а на смерть. Листовки против нее могли привести в тюрьму. И демонстрации с лозунгами "Долой КПСС" – любая из демонстраций – могли быть и расстреляны, и задавлены танками.

Мы все это прекрасно понимали. А для тех, кто понимал не прекрасно, в трагическую годовщину Новочеркаска генеральный прокурор Трубин опубликовал в "Правде" статью, где говорилось не что-нибудь, а именно то, что митингующих против КПСС положено давить, сажать и расстреливать. Неважно, какими это было написано словами.

Жизнь входит в колею. Настолько быстро и успешно, насколько это возможно в условиях, когда рухнула империя и опечатана главная структура, управлявшая этой империей с самого верху до самого низу, пронизавшая нитями управления, вплоть до тончайших, всю страну, каждую ее пору и клетку, в каждое мгновение жизни.

...Жуткое количество листовок написала я в исторический период с 13 января по 21 августа. Некоторые из них (ряд статей из "Демократической России", из "Нового времени") удостоились высокой похва-

лы: были расклеены на автобусных остановках и столбах не ведомыми мне руками. Кто-то варил очень крепкий клей, ставил на землю кружку, слышал за спиной злобное шипение. Некоторые перепечатавались демократическими изданиями в других городах и ныне независимых республиках. И я, покупая газету в переходе на Пушкинской, встречала вдруг свою собственную статью. А одна листовочка была вручена мне самой во время митинга – статья из "Независимой", где хунта КПСС как раз была названа хунтой.

И теперь я думаю, что для того и любила всю жизнь книжки, для того училась в университете, ходила в Ленинку, потом работала свою любимую работу, выписывала два десятка журналов, писала и читала, читала и писала – всё для того, чтобы 20 августа написать одну-единственную страничку под шапку "Они совершили переворот, но у них дрожат руки", под заголовком "Штаб российской свободы". Вся жизнь была для этой странички. Ничего важнее я не писала никогда.

В мутной воде

Вице-адмирал, Герой Советского Союза Евгений Дмитриевич Чернов известен на родине как оппонент главкома ВМФ Чернавина в вопросе о гибели подводной лодки "Комсомолец". Точка зрения вице-адмирала, долгие годы командовавшего флотилией подводных лодок, такова: "Комсомолец" можно было спасти. И не технические неполадки, а слабая боевая подготовка экипажа сыграла свою роковую роль.

Но на сегодняшний день еще более таинственной, чем гибель подводной лодки, представляется роль главкома ВМФ в дни путча. Пролить немного света на эту туманную историю я попросила Евгения Дмитриевича Чернова:

– В ночь с 20 на 21 августа был такой эпизод. Прошел слух о том, что товарищ Чернавин наконец очнулся от бездействия, вернулся к управлению флотом и дал указание: морякам Ленинградской военно-морской базы не участвовать в акциях ГКЧП, всем находиться в своих военных городках, заниматься по плану боевой подготовки.

Известие о том, что моряки не выйдут на поддержку путчистов, было с ликованием встречено защитниками Мариинского дворца. А оказалось, что как раз в ту ночь, когда не участвовавшие напрямую в путче генералы коллегии Министерства обороны, такие, как Шапошников, Грачев, Максимов, окончательно сделали выбор в пользу законной власти, адмирал Чернавин остался верен своему выбору: организовал в это время акцию по "встрече" на аэродроме в Бельбеке самолета с российским правительством. Таким образом, первым управляющим действием Чернавина был не приказ флоту не принимать участия в действиях путчистов, а другая команда. Это был приказ на использование морской пехоты Черноморского флота для захвата или уничтожения самолета с российским руководством при посадке его на аэродроме в Бельбеке. Об этом неопровержимо свиде-

тельствует рассказ командира роты морской пехоты А. Баранова, морских пехотинцев, прапорщика А. Донцу, сержантов Г. Филиппова, А. Батенко, едва не ставших убийцами руководства российского правительства. Эти люди дали интервью журналистам К. Тиновичскому, Н. Черкашину и А. Косульникову, опубликовавшим свои статьи в газетах "Советский спорт" (10 сентября), "Час пик" (30 сентября), "Комсомольская правда" (25 октября) 1991 года.

– Евгений Дмитриевич, на чем основаны ваши утверждения о злодейской роли ВМФ в флоросских событиях?

– Судите сами. Утром 21 августа, около 9 часов, полковник Кочешков, командир морских пехотинцев, перед строем бригады объявил приказ находиться в повышенной боевой готовности к выполнению всех распоряжений командования... расформировать роту, предназначенную для охраны Президента, "потому как охранять больше некого". В 10 часов утра разведбатальону бригады морской пехоты была поставлена задача получить оружие и прибыть на аэродром в Бельбек. По приезде на аэродром начальник береговых ракетных войск и морской пехоты Черноморского флота генерал-майор Романенко поставил боевую задачу, состоявшую в том, чтобы захватить несанкционированный самолет, который должен приземлиться на аэродроме в Бельбеке, возможно, с Президентом РСФСР Ельциным.

"Сразу пошла разработка плана: с какой стороны он может приземлиться, кто может находиться в этом самолете и как его захватывать". После этого командир бригады собрал офицеров и прапорщиков и отдал боевой приказ: "Ожидается самолет, после посадки которого ему будет дана команда сдаться, или самолет будет уничтожен". Были установлены сигналы на открытие предупредительного огня на поражение.

– Евгений Дмитриевич, прошло уже несколько месяцев с момента первой публикации о флоросских событиях в советской прессе, но и сегодня неизвестно, кто отдал приказ на применение морской пехоты Военно-Морского Флота в готовящейся хроровой акции на аэродроме в Бельбеке. Может быть, установить это очень сложно?

– Установить это сложно лишь потому, что для сокрытия истины применяется целый арсенал давно отработанных и проверенных приемов, в которых нынешний руководитель Военно-Морского Флота, наш "моряк № 1" шибко поднаторел. Это трудно еще и потому, что журналисты боятся договорить известную им правду до конца, а те, кому поручено разобратся и установить роль высокопоставленных военных в путче, по-прежнему с опаской посматривают на верхние этажи власти. Ведь отметил же Президент СССР Горбачев на пресс-конференции, что Черноморский флот не участвовал в акциях заговорщиков. Вот и лгут хором, не опасаясь разоблачения, высокие должностные лица Черноморского флота – адмиралы Кравченко, Ларионов, генерал Романенко, полковник Кочешков, который лично инструктировал подчиненных ему морских пехотинцев: "...в случае невыполнения требований этим самолетом следует открыть огонь на его поражение... Сначала должен прилететь министр обороны, мы его пропускаем, а затем уже должен прилететь ЭТОТ самолет".

И молчит главнокомандующий Чернавин, и нет ни слуху, ни духу об адмирале Хронопуло.

Да очнитесь же, граждане! Как говорится, и ежу понятно, кто мог отдать приказ морской пехоте Черноморского флота. И чьи непосредственно приказы исполнял адмирал Хронопуло – исполнитель, а не инициатор. Когда речь шла об освобождении Президента в первый день путча, он бездействовал по приказанию своего прямого начальника адмирала Чернавина, а на аэродроме Бельбек 21 августа он выполнял его же приказ.

Хронопуло никогда не осмелился бы действовать в подобных ситуациях самостоятельно, поскольку всей своей предыдущей службой он не был приучен к самостоятельности, ибо инициатива на флоте наказуема. Точно так же никогда без ведома и одобрения главкома он не выполнил бы такие приказания, полученные от Язова или Крючкова. У Хронопуло есть свой главнокомандующий, и только его приказание он обязан выполнять.

Чернавин мог не допустить использование морской пехоты, но не сделал этого. И пошла пехота на бельбекский аэродром. И всего семь минут оставалось до посадки самолета с Силаевым, Рудким и Бака-тиным! Всего семь минут!

"Команда "отбой" прозвучала, когда самолет уже сделал круг над аэродромом... Морским пехотинцам приказано было поспрятаться в виноградниках, примыкающих к аэродрому..."

– Но мы можем предположить, что Чернавин – тоже исполнитель? Он ведь не сам себе голова, он "замыкается" на Язова.

– Адмирал флота Чернавин – заместитель министра обороны, Главнокомандующий Военно-Морским Флотом – находится на высшей ступени военной иерархии. Человек, занимающий такой пост, должен обладать высоким интеллектом, высочайшей порядочностью, правовой компетентностью и еще – чувством ответственности за судьбу государства. Он должен постоянно думать о чести флота. Он был обязан определить сразу, что Язов совершил государственный переворот, и выполнить требование присяги по восстановлению законной власти. Если он этого не понял, то не соответствует своей высокой должности. А если пошел на эту авантюру сознательно или знал о ней и не принял меры, – значит, он клятвопреступник. Кстати, вспомним, что и его подпись стояла в "письме 53-х", в свое время опубликованном в прессе.

– Евгений Дмитриевич, кому же это надо, чтобы Чернавин представлял, вопреки объективной реальности, как борец против ГКЧП?

– Прежде всего, ему самому. А также тем, кто не хочет реальных, решительных перемен и имеет пока власть. Они выводят из поля зрения общественности совершенно очевидные обстоятельства путча, привычно и умело "не слышат" и замалчивают понятные всем нам факты. Это те, для кого подобные глухота и бездействие стали проверенным оружием политической борьбы. Им на все наплевать, лишь бы сохранить свое личное благополучие. И на то, что флотом сейчас правит наглая, изворотливая, вероломная бездарность, а главными до-

стоинствами считаются не компетентность, ум и бескорыстие, а умение угодить стоящему выше.

Поражает и другое – это равнодушие соотечественников, прекрасно разбирающихся в сути происходящего и равнодушно наблюдающих, как издеваются над правдой. Уверенность чиновников именно в таком поведении может и порождает их полную глухоту к открытой и объективной информации – вот таким "плюрализмом" заканчивается наша "гласность".

– А достаточна ли сама "гласность" в этом деле, как вы считаете?

– Морские пехотинцы Военно-Морского Флота, офицеры войск КГБ, журналисты совершили гражданский подвиг, открыто рассказав о предательстве на Форосе. Это сообщение стало сенсационным в числе открытий, сделанных в процессе расследования преступной деятельности ГКЧП. Уже отработала в Севастополе и вернулась в Москву специальная комиссия, но до сих пор нам неизвестны истинные авторы этого предательства. Если это Хронопуло, то почему он не под следствием? Если он невиновен, – а я лично в этом убежден, – то почему не ведется следствие о роли главнокомандующего ВМФ, который в соответствии с занимаемой должностью должен отвечать за это?

Я преклоняюсь перед мужеством журналистов, осветивших в прессе эту острую тему. Но неужели неуместная похвала Президента в адрес Черноморского флота оказалась достаточной для того, чтобы охладить их журналистский пыл при расследовании, ведущем на прямую в коллегию Министерства обороны?

Виновники форосского предательства должны быть названы. Как бы ни прятались они за спины своих подчиненных, так же, как совсем недавно – за гробы безвинно погибших подводников "Комсомольца". И последнее. Очень интересное наблюдается явление: деятели, поддержавшие переворот, снова утверждают в пошатнувшихся было под ними должностных креслах, а некоторые даже повышены в воинских званиях. Теперь же они отыгрываются на тех своих подчиненных, кто открыто и решительно поддержал законное российское правительство и Президента страны. Их в первую очередь увольняют из армии и флота "в связи с сокращением". Это наблюдается повсеместно в тех частях и соединениях, где командиры и командующие симпатизировали ГКЧП. Неуютно служит и славным нашим морским пехотинцам, чьи имена названы в начале беседы.

Не случилось бы так, что армия и флот, "очищенные" от прислужников путчистов, окажутся более готовыми к следующему путчу за счет удаления из их состава порядочных людей и сокращения общей численности, что приведет к концентрации в войсках реакционно настроенных военных...

Может быть, пора после завершения работы комиссий, определявших причастность к путчу должностных лиц армии и флота, создать комиссии для защиты порядочных, демократически настроенных военных от произвола почувствовавших свою безнаказанность сохранивших свои посты (и политические убеждения!) приверженцев ГКЧП?!

*Интервью взяла А. Богатых
С.-Петербург, ноябрь 1991 г.*

Принять вызов Истории

Е. РОМАНОВ

Крушение коммунистической государственности формально завершилось актами самороспуска Верховного Совета и отречения Президента Советского Союза. Фактически оно началось с провозглашения Российской Федерацией своего суверенитета, с последовавшим за этим "парадом суверенитетов". Процесс был ускорен неудавшимся августовским путчем, следствием которого стал формальный роспуск коммунистической партии, и завершением – минский заговор, главной целью которого было не столько создание новой государственности, сколько окончательное разрушение центральных государственных структур и устранение Горбачева от власти. Это и было закреплено алмаатинским соглашением после того, как единственный оставшийся "обладатель" атомного оружия, Назарбаев, предал вместе со своими среднеазиатскими друзьями Горбачева. Все это, может быть, выражено резко, но ход борьбы за власть был именно таков. И обладание атомным оружием сыграло важнейшую роль, так как это определяло отношение Запада к происходящим в стране событиям и к участникам этих событий.

Для собравшихся в Минске главной целью было то, что описано выше. Действовали они наскоро. Важнейшие вопросы – о судьбе армии, об общей экономической политике – не были решены. Не говоря уже о том, чтобы продумать будущую государственную конструкцию. Да и можно ли было это сделать за такое короткое время? Надо было спешить, чтобы "похоронить" Горбачева с его проектами Союзного договора. Чтобы все это не выглядело откровенно как заговор, вытащили "Соглашение 1922 года" – в подтверждение легитимности своих действий. Но само это соглашение не было легитимным. Это был плод деятельности коммунистической власти, диктаторский акт, а не выражение свободной воли народов. Свободная воля народов была выражена последний раз на выборах в Учредительное Собрание. Хотя, может быть, некоторые участники Минского совещания считают захват большевиками власти в 1917 году тоже легитимным актом? С этой точки зрения ныне действующая Советская конституция столь же "легитимна", как Соглашение 1922 года.

Как бы то ни было, что свершилось, то свершилось. На территории нашей страны создана искусственная и маложизненная конструкция из 12 (Грузия вскоре последует примеру других) "независимых государств". Слово "независимых" – в кавычках не из неуважения к воле того или иного народа, а из-за нереальности этой независимости. Что они собой представляют? В большинстве из них (даже в Российской Федерации) на низах сохраняются старые коммунистические структуры. В Узбекистане компартия, переименовавшись, осталась сидеть как сидела – сверху донизу. Примерно так же дело обстоит и в Азербайджане. Да и в трех республиках-учредителях не было подлинно свободных выборов в Верховные Советы. Азербайджан ведет захватническую войну против Армении, а в Грузии – гражданская война.

Однако это положение не может заслонить сущности происшедшего – крушения коммунистической государственности, распада коммунистической партии и ее центрального управления. Коммунистическая власть, против которой наш народ вел в течение без малого 75 лет борьбу за свое выживание, закончила свое существование. Борьба принимала самые разные формы, и ее следствием был последний удар по коммунистической власти в Москве, в августе. Все попытки принизить значение августовских событий или изображать их в анекдотическом виде – политическая безграмотность или злостный замысел. Российский флаг, поднятый над Кремлем, – символ этих событий. Красный, коммунистический флаг спущен.

Коммунистическая власть перестала существовать, но коммунистическая система еще осталась. Экономика, самоуправление, право и информация – эти четыре монополии коммунистической власти – все еще находятся в тисках коммунистической системы. Борьба за высвобождение из этих тисков – главная задача сегодня. И в этой борьбе не стремление к разрушению, а стремление к созиданию – главное оружие. Наша позиция с начала перестройки определялась последовательно следующим образом: не надеяться, а действовать; не перестраивать, а строить заново; спасти Россию, а не социализм; через противостояние к созиданию. Время созидания наступило. И это – главный смысл сегодняшнего дня. Это – платформа для объединения общества, для развязывания творческих сил народа, для преодоления прошлого во имя сегодняшнего.

Что происходит в экономике? Под бесконечные разговоры о реформах те же коммунистические "хозяйственники" под разными прикрытиями захватывают в свою собственность народное имущество, свою политическую, проигранную власть трансформируют во власть экономическую, приспособляясь к новым условиям, пользуясь своим положением. И это при бездействии, а иногда и при пособничестве правительственных структур.

Что происходит в местном управлении? Секретари обкомов, горкомов, райкомов, иным словом партаппаратчики, пересаживаются на другие кресла в облсоветы, горсоветы, райсоветы. Они же попадают в "мэры" и "губернаторы". По-прежнему смешивается исполнительная и законодательная власть. Гражданские инициативы на местах не только не поддерживаются, но им чинятся препятствия.

Что происходит в области права? Судьи и прокуроры, те самые, которые выносили приговоры по звонкам из КГБ, сидят на своих местах. И не только в провинции. И дело не в том, что они плохо поступали и их надо наказать за это, а в том, что они не способны "судить по совести", они декомпанировались. Институт народных заседателей, – какие бы они ни были, – разрушен. И ярчайший пример порочности наших правовых институций – следствие над участниками "ГКЧП", которое тянется пятый месяц и материалы которого попадают на страницы западных бульварных журналов.

Что происходит в области информации? Формально свобода прессы существует, но надо получать разрешение на издание, что далеко не везде так просто. Типографские мощности еще практически монополизированы. Нужны колоссальные деньги, чтобы издавать газеты, журналы, книги. При этом информацию надо понимать не узко, как текущую информацию, а как необходимость дать возможность людям узнать правду о том, что было обогато, узнать утаенное.

Первейшая задача правительства России сегодня – преодолевать коммунистическую систему. Указами и законами, создавая тем самым необходимые предпосылки для действий гражданского общества, для его становления. Нельзя больше медлить с проведением экономических реформ. Это работает на руку врагам реформ – номенклатуре, пост- и некоммунистам. Они запугивают народ теми трудностями, которые нас ожидают. Нельзя держать людей в состоянии вечного ожидания. Уже ошибкой – хотя и не роковой, – было перенесение освобождения цен с 15 декабря на 2 января. Дальнейшее откладывание было бы еще большей ошибкой.

Указы Российского Президента о передаче земли в собственность земледельцев, о роспуске колхозов и совхозов, о ликвидации планового хозяйства, о сокращении государственной собственности – это необходимые, составные части экономической реформы. Но одно дело – указы, а другое – проведение их в жизнь. Особенно на местах. Здесь правительство должно опираться на все стоящие за реформы политические, общественные организации и гражданские инициативы. И получить от них всемерную поддержку. Реформы, да еще такие, какие предстоят, не проводятся только приказами и распоряжениями. В них должен участвовать народ. Только тогда они будут успешны. Тем более, что на плечи народа лягут все негативные последствия первого этапа реформ.

Но реально преодолеть сопротивление старых коммунистических структур на местах можно только свободными выборами, созданием новых форм самоуправления. Впрочем и в Верховном Совете Российской Федерации еще много сторонников "социализма" и противников радикальных реформ, перехода к экономике свободного рынка. Такие политики как Руцкой и Шеварднадзе, считающие необходимым сохранять государственный контроль над ценами, пока не будет проведена приватизация, фактически выступают против свободной экономики, так как их концепция – барьер для свободного рынка. Это политическая, а не экономическая позиция.

Вообще проводить выборы в Российской Федерации надо было сразу же после Августа. Начиная с низовых советов и до Верховного. Проект Конституции Российской Федерации заморожен в Верховном Совете. Практически только Президент свободно избран народом. Это дает ему право отстранять исполнительную власть. Но он должен опираться и на свободно избранную законодательную власть. Эти выборы необходимы. Страна после Августа – другая страна. И состав народных представителей на всех уровнях будет не таким, каким был до Августа. Мы живем в революционное время. Оно требует быстрых решений для создания новой Российской государственности. В этот экономически тяжелый период, который начнется с первых шагов реформы, несвоевременно проводить всеобщие выборы. Но с другой стороны, именно в интересах реформ, надо разрушить старые коммунистические структуры на местах. И здесь один выход – местная власть создается двумя путями: назначением сверху и выборами. И низовые выборы надо проводить сейчас, по указу Президента.

Надо сменять старых судей и прокуроров. Это дело исполнительной власти. Лучше молодые неопытные юристы, чем коррумпированные и находящиеся на кагебистском телефонном проводе "опытные". Честные люди, даже юридически неопытные, предпочтительнее.

Необходимо поручить Министерству печати и массовой информа-

ции энергично заняться приватизацией бумагоизготовительных комбинатов и типографских мощностей. Децентрализовать и приватизировать "Союзпечать". Содействовать налоговыми льготами и предоставлением помещений созданию частной книготорговли. Субсидировать издание школьных учебников. Отстранить от работы на телевидении и радио как центральном, так и местном, всех коммунистических партаппаратчиков. Только в процессе успешного проведения всех этих мероприятий будет устанавливаться подлинная свобода слова и информации. И здесь гражданские инициативы на местах могут способствовать этому процессу.

Контроль над приватизацией должен находиться в руках правительства. Всем гражданам должны быть предоставлены равные права на участие в ней. Для этого прежде всего надо выяснить, куда делись капиталы КПСС. Надо пресечь возможности номенклатуры на краденые деньги "приватизировать" народное имущество. Привлекать за такие сделки к ответственности. Вице-президент Руцкой несколько месяцев назад грозился, что это будет сделано. Судя по всему, он вместо этого занялся борьбой против Президента, используя даже иностранную прессу и радио.

Но следить за тем, чтобы приватизация предприятий происходила не в ущерб трудящимся, дело не только правительства, но и самих трудящихся. Свободные профсоюзы на всех уровнях должны входить в контакт с теми представителями правительства, которые проводят приватизацию. К сожалению, состояние профсоюзного движения оставляет желать лучшего. Между тем, при переходе к рынку и освобождении цен, быстром увеличении частных предприятий, при неизбежных и непривычных для нас отрицательных явлениях "начальной стадии капитализма", роль профсоюзов в поддержании социального мира нельзя недооценить. Из западных моделей профсоюзов нам подходит больше всего немецкая модель – в рамках отдельных профсоюзов и конфедерации профсоюзов партийная деятельность запрещена. Нацистский опыт для немцев не прошел даром, как для нас не должен пройти даром коммунистический опыт "приводных ремней".

Решение всех сложных и трудных проблем в Российской Федерации затрудняется проблемами "Содружества". Россия в нем волей-неволей играет решающую роль. И исторически, и практически она является "наследницей" Советского Союза.

Главная проблема – для Запада, во всяком случае, – это атомное вооружение. Если в области стратегического вооружения соглашения можно достичь, то в области тактического атомного вооружения дело обстоит сложнее, поскольку боевые головки находятся на территории многих республик, а не четырех. Пока общая военная структура еще функционирует, необходимо изъять их с территорий республик, не участвующих в атомном соглашении. Вряд ли этому будет оказано сопротивление. В крайнем случае можно прибегнуть к поддержке Запада – отказ в какой-либо экономической помощи тем республикам, которые будут препятствовать вывозу боеголовок. Установление полного контроля над тактическим атомным вооружением не допускает отлагательства, особенно если принять во внимание появившиеся в западной прессе сведения о том, что гебисты торгуют им.

Вторая проблема – армия. Претензии отдельных республик на подчинение им находящихся на их территории воинских частей не могут быть приняты ни при каких условиях. Солдаты и офицеры – не кре-

постные, которых можно раздавать появившимся "хозяевам". Армия должна сохраняться под единым командованием. Те республики, которые хотят создавать "свои" армии, должны создавать их заново, за свой счет. С территории таких республик ныне находящиеся там воинские части должны быть постепенно выведены или демобилизованы. И медлить с этим вопросом нельзя. Не может армия висеть в воздухе с присягой несуществующему государству. Или "Содружество" признает единое командование, или Российская Федерация должна привести армию к присяге на добровольных началах.

Мы не должны забывать, что многие республики, входящие в "Содружество", остались коммунистическими государствами. И прежде всего Украина. Большинство Верховного Совета Украины – коммунистические аппаратчики. Не говоря уже о правительственных структурах во главе с Кравчуком, который в августовские дни обещал поддержку коммунистическим путчистам. По нетронутости коммунистически-номенклатурных низов Украина уступает разве только Узбекистану. Анализ результатов референдума и выборов президента на Украине, анализ всех предшествовавших этому пропагандных материалов показывает, что большинство "да" при референдуме мотивировано экономическими мотивами, а избрание Кравчука – отказ отдать голоса лидерам национально-сепаратистского движения. А для Кравчука и коммунистической номенклатуры это только смена вывески над властью. Народу Украины будет тяжелее всего преодолеть коммунистическое наследство.

Трагичность и сложность сегодняшнего положения нашей страны не в том, что произошло разделение на двенадцать республик с искусственными границами, а в том, что бьет оно по людям. Отрицать существующую в нашей стране человеческую общность – значит отрицать реальность. И резать по живому телу преступно. Это не входит в противоречие с правом каждого народа жить по-своему, даже с собственной государственностью. Но это не должно быть отравлено шовинизмом и ненавистью. Азербайджанцы и армяне воюют друг с другом, грузины сами с собой, в украинской прессе появляются призывы – выживать всеми способами русских, в Эстонии неэстонское население уже лишено ряда существенных прав. И это не всё, только примеры.

В чем корни? В коммунистической идеологии, которой отравлены многие души. Она проявляется озлоблением, жестокостью, безразличием к людям, эгоизмом. Всё это подкрепляется сохранением коммунистических структур, методов управления, обращения с людьми. Всё зло, принесенное нашей стране коммунистическим режимом, еще не понято и, тем более, еще не изжито ни в общественной жизни, ни в практических делах, ни в наших душах. Но это преодолеть можно, только служа положительному началу, внося конструктивные дела в нашу повседневную жизнь и работу.

Россия сама отвечает за свое будущее. Но с ее будущим связаны судьбы других народов и, прежде всего, украинского и белорусского. И это возлагает – хотим или нет – ответственность. Можно провести границы, но нельзя разделить людей. История – в который раз – бросила вызов России. И русский народ, избрав Ельцина Президентом, поставил его перед необходимостью принять этот вызов от лица России. Окажется ли он достоин этого вызова, сумеет ли объединить народные силы? Ответ на это даст История. Дело каждого из нас принять этот вызов вместе с Россией.

КГБ умер. Да здравствует КГБ?

Мой собеседник, Александр Яковлевич Винников, – депутат Санкт-Петербургского совета, член рабочей группы комиссии совета по расследованию обстоятельств государственного переворота на территории Санкт-Петербурга. Первый раз, беседуя с ним в сентябре 91-го, когда группа только приступила к работе, я, признаться, сердилась. Мой собеседник многого не договаривал, темнил. И я грешным делом подумала, что в департаменте Крючкова он заразился духом таинственности. Но тогда Винников уверял, что придет час и он расскажет все, что постиг в этом казенном доме.

– Расследование ваше закончено. Час пришел?

– Отчасти. Дело не в том, что я хочу сохранить дух таинственности, а в том, что я могу говорить лишь в рамках той информации, которой владею. Этот месяц, который я провел в КГБ, не мог не пробудить во мне довольно тяжелых эмоций. И они будут сказываться несомненно. Но я постараюсь быть объективным в той мере, в какой это вообще возможно. Начну с факта, который определил, наверное, с первого момента мое отношение к этому расследованию. Нас приняли в КГБ очень радушно, предоставили кабинеты для работы. Но когда я вошел в кабинет, который был отведен для нашей группы, то первое, на что обратил внимание, это на перекидной календарь. Он начинался с 21 августа. Таким образом, мы сразу же поняли, что к нашему приходу сюда очень хорошо подготовлены. И не питали никаких иллюзий.

С самого начала мы сделали ставку на личное общение с сотрудниками, а также на то, чтобы получить максимальную информацию в той части, в которой ее невозможно в принципе скрыть. Дело в том, что уже первое знакомство с КГБ показало, что это очень формальная бюрократическая машина, где все документируется. К тому же нам на помощь пришли люди, которые раньше работали в КГБ. Они подсказали, на что следует обратить внимание, чтобы получить объективную информацию. И именно благодаря этим "расстригам" мы и спланировали свою работу.

Безусловно, нынешние работники КГБ – очень разные люди. Тот ходячий образ сотрудника КГБ, который создается, с одной стороны, средствами массовой информации, а с другой стороны, бытует в массовом сознании, имеет мало отношения к реальности. Прежде всего, эти люди – профессионалы. И этим определяются и их мироощущение, и их манера поведения. И даже та информация, которую они нам давали, зависела от их профессионального отношения к делу. В то же время я могу с уверенностью сказать, что их гражданская позиция была различной. Присутствовал весь спектр: от откровенной враждебности до горячего сочувствия и готовности поддерживать демократические преобразования. КГБ – это часть общества, и там работают те

же советские люди, постоянно решающие для себя те же моральные проблемы, которые решаем мы все. Только для них они, наверное, посложнее, чем для нас. Должен сказать, что один из людей, с кем разговор был наиболее плодотворным, за месяц до путча подал заявление об уходе из КГБ.

– Общение с ним проходило в стенах КГБ?

– Да.

– В таком случае, если он с вами говорил откровенно, значит, он это охотно делал для себя решил. Ведь он же понимал, что разговоры прослушиваются.

– У меня нет такой уверенности. Я полагаю, что сам Анатолий Алексеевич Курков, шеф ленинградского КГБ, – человек, у которого несомненно есть кодекс чести. И если он нас пустил, сказав, что мы можем чувствовать себя свободно и что нас не прослушивают, – я думаю, что так оно и было. Хотя был один момент, который меня впоследствии насторожил. В "Вечернем Ленинграде" было опубликовано интервью с господином "Никто" – с инкогнито из КГБ. Из того, что говорил этот человек относительно деятельности нашей группы, можно было сделать заключение, что ему известны довольно-таки интимные детали наших разговоров. Но у меня нет уверенности, что нас прослушивали именно в КГБ. Мы вели разговоры, к примеру, и в Ленсовете.

Сотрудники КГБ, с которыми мы разговаривали, делились на две категории. Одни думают, как изменить облик КГБ, другие относятся гораздо более формально ко всему происходящему и озабочены преимущественно своей судьбой. Но за исключением одного-двух человек у всех них присутствует глубокая внутренняя убежденность в необходимости своей работы. И в том, что общество без такой структуры обойтись не может.

– К сожалению, так рассуждают не только служащие этого департамента, но и люди, от которых зависит, произойдет ли ликвидация КГБ на самом деле или же это будет лишь декларацией...

– Сейчас в обществе, в том числе и в Верховном Совете, борются несколько тенденций. КГБ является наследником ЧК, ГПУ, – то есть тех организаций, которые на заре советской власти были созданы большевиками для того, чтобы организовать тотальный контроль за обществом. В течение 74-х лет, начиная с 1917 года, у нас шел процесс разрушения структуры гражданского общества. И по существу КГБ был инструментом, с помощью которого тоталитарная система и ее хребет – компартия – контролировали общество. Причем контроль был не пассивный. Основным элементом этого контроля была агентурная сеть, организованная Комитетом. Она существует и сейчас, с ней ничего не произошло. Меня больше всего интересовала судьба этой вот агентурной сети. И ее перспективы. Я решал для себя вопрос: нужна ли такая агентурная сеть вообще? Каковы должны быть ее масштабы? Или каким должен быть механизм, который бы позволял от нее избавиться? С моей точки зрения, это – ключевой вопрос, который должен быть решен сейчас нашим обществом.

- КГБ ликвидирован. Но вы считаете, что сексоты все равно остались при деле?

- Я, во-первых, не согласен с тем оскорбительным термином, который вы употребили.

- Почему?

- Нужно немедленно изменить отношение к этим людям. От этого в какой-то степени зависит и судьба общества. Ведь достаточно познакомиться с теми, кто непосредственно осуществлял создание этой сети, с методами вербовки, чтобы понять, что люди попадали в эту сеть и становились агентами не всегда по доброй воле. Более того. Существующий механизм не позволяет человеку, попавшему в эту сеть, с нею порвать.

- Может быть, я воспитана на каких-то романтических представлениях о чести. Но когда человек не видит выхода, у него остается такой выход, как пустить себе пулю в лоб...

- Пустить себе пулю в лоб может один из миллиона, а подавляющее большинство людей – это обычные люди. Но общество должно жить по таким законам, чтобы не предъявлять к каждому своему члену столь экстремальных требований. Мы должны быть ориентированы на то, чтобы эта структура не могла существовать, существовать за счет людей со слабостями, с пороками, попадающих в трудные ситуации, совершивших проступок. Нужно, чтобы привлечение этих людей было исключено законодательным образом.

- Вы считаете, что туда люди должны идти осознанно – сильные, думающие, приносящие пользу отечеству?

- Я не хочу говорить в данном контексте о пользе отечеству.

- Ну, хорошо. Поговорим о качестве агента. Если он пришел прямой тропинкой и осознанно, значит, пусть будет? Или я неправильно вас поняла?

- Нет, неправильно. Дело в том, что как бы мы ни хотели жить в либеральном мире, мир, в котором мы живем, включает организованную преступность, наркоманию и т. д. И для борьбы с ними нужны адекватные средства. Но если посмотреть реально на нашу агентурную сеть, – а я ориентируюсь на то, что говорили сами сотрудники КГБ, – то увидим, что эта сеть обладает огромной избыточностью. Она страшно неэффективна. Я узнал, что существуют планы по вербовке. Это такая же плановая работа, как в любом советском учреждении. Сами сотрудники КГБ не очень-то доверяют информации, поступающей от агентов, потому что информация, данная агентом, должна быть проверена. Она даже не может быть использована в качестве доказательства в суде. Мне говорили, что 70% агентов вообще никакой информации не выдают.

- Они получают какое-то вознаграждение?

- Нет, они, как правило, никакого вознаграждения не получают.

- Что же ими движет?

- Это тоже очень интересный вопрос. Прежде всего, существуют люди, которые стали агентами, пытаюсь уйти от ответственности, у

которых "рыло в пуху". Им предлагают стать осведомителями, и согласие автоматически избавляет их от каких бы то ни было санкций. Существуют люди, которые пытаются использовать свою связь с КГБ в личных карьерных целях. Поскольку у нас затруднен выезд за границу и это контролируется КГБ, то сотрудничество с КГБ открывает определенные перспективы.

Общество состоит из обыкновенных граждан, а не героических личностей. Действия людей должны быть регламентированы законом, который они не могут нарушить. Сейчас ситуация иная. И эта деятельность происходит лишь в соответствии с внутриведомственными инструкциями. Даже когда мы заговаривали о необходимости прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью, – с одной стороны, – руководство КГБ признает это требование, с другой – не знает, как это осуществить. Ведь сотрудники этой службы уже привыкли работать определенным образом. Уже есть традиция. Вот эту традицию и нужно изменить. А выход один. Нужна специальная законодательная база, которая бы регламентировала эту деятельность. Это – первейшая задача, которую нужно поставить перед Верховным Советом России. Эта законодательная база должна полностью поглотить набор инструкций, существующий сейчас в КГБ.

– А что это за инструкции?

– Мы видели, к примеру, инструкции, которые запрещают комитету Госбезопасности вести слежку за определенными группами граждан. Под них подпадала вся партийная номенклатура. Вообще вся система взаимоотношений между КПСС и КГБ устроена была так, что вся партийная верхушка выпадала даже из-под расследования. Мы сейчас столкнулись с тем, что КПСС перевела огромные суммы денег за рубеж. Это действия, которые, по идее, КГБ должен был контролировать и предотвращать. Этого КГБ не сделал. Не сделал потому, что существует определенная традиция отношений. Я считаю, что либо эта структура должна подчиняться закону и для нее все граждане равны, либо она становится преступной по определению, так как способствует созданию неподсудных мафиозных групп.

– Есть еще, кроме партийной номенклатуры, такая группа?

– Депутаты... Я совершенно не уверен, что среди депутатов, даже вновь избранных, нет людей, которые нечисты на руку, которые не способны на экономические преступления. И они должны быть под контролем.

– Как организовать этот контроль?

– Система контроля, предполагающая использование агентурной сети, – это вмешательство в личную жизнь граждан. Факт существования такой агентурной сети – уже нарушение прав человека. Мы сталкиваемся с неизбежным. Но эти моменты должны быть строго определены законом. Если нужно поставить на прослушивание телефон человека, подозреваемого в причастности к преступной группе, то этот факт должен быть под контролем прокуратуры. Но я знаю от прокурора Санкт-Петербурга Веревкина, что за все время за разрешением на прослушивание КГБ обращался к нему четыре или пять раз. Мы

же видели в Комитете журнал прослушивания. Он толстый. Но бытующее представление, что прослушивается буквально всё, ошибочно. У КГБ нет таких физических возможностей. И если бы такая техническая возможность была, кто будет осуществлять анализ этих разговоров? Так что главное не в ликвидации системы прослушивания, а в строгом прокурорском надзоре, отсутствие которого чревато вмешательством в личную жизнь граждан.

Служба безопасности вообще не должна использоваться как инструмент воздействия на общество. Несмотря на постановление о роспуске КГБ, в стране существуют довольно мощные группировки, которые заинтересованы в том, чтобы сохранить этот инструмент. До тех пор, пока в обществе будут группировки, заинтересованные в установлении тоталитарной власти, будет и их потребность в КГБ.

– Как называются сейчас эти группировки? Ведь КПСС "приостановлена"?

– Во-первых, люди, стремящиеся манипулировать обществом, есть практически во всех общественных движениях и партиях. Но думаю, что наиболее это характерно для бывших партаппаратчиков, вошедших в движение демократических реформ. Я имею в виду хотя бы конкретные назначения. К примеру, Борис Вениаминович Гидаспов будет баллотироваться на пост министра экологии РСФСР. Давайте посмотрим наши ленинградские назначения. Анатолий Александрович Собчак – один из лидеров движения демократических реформ. Кого назначил он главным администратором Петроградского района? Кошелева-Коршунова – бывшего сотрудника КГБ, на совести которого поэт Друскин, коллекционер авангарда Михайлов. Один из людей, которые с самого начала поддерживали ГКЧП, – вице-адмирал Храмов. Он по поручению генерала Самсонова на первом же заседании Ленсовета рассказывал нам, как нам жить теперь под властью ГКЧП. Он как был, так и остался председателем комитета по чрезвычайным ситуациям.

Вообще нынешняя исполнительная власть слишком активно использует старые партийные кадры, и это настораживает.

– Но вернемся к предмету нашего разговора: не лирически, а фактически, что вас поразило во время этого расследования?

– Поразила, к примеру, информация о том, что наши церковные структуры, конфессии очень сильно находились под контролем КГБ.

– А разве это было для вас новостью?

– Новостью это не было, но я впервые узнал о масштабах. Я получил информацию от сотрудника КГБ, который занимался вербовкой людей в одной из конфессий, что из двадцати членов руководства конфессии восемь являлись сотрудниками КГБ. Меня эта информация потрясла.

– И что, они ходили на доклад, получали инструкции?

– Да, именно в такой форме это и происходило. Я не берусь это комментировать, но считаю, что должен быть принят закон, запрещающий вовлекать священнослужителей всех конфессий, людей, которые пользуются безграничным доверием верующих, во взаимодейст-

вие с секретными службами. Это абсолютно аморально. Для многих священнослужителей такой компромисс был вынужденным. Я думаю, что и убийство о. Меня связано с тем, что он хотел обнародовать соответствующую информацию. Это, конечно, моя гипотеза, не более того. Но все же...

– Ну, а какова роль ЛО УКГБ в путче?

– Можно сказать, что ленинградское отделение комитета заняло выжидательную политику. Были среди сотрудников такие, которые пытались как-то стимулировать руководство для того, чтобы оно сделало политическое заявление против ГКЧП. Но руководство ушло от этого. Курков объяснял это тем, что именно так выражается деполитизация органов КГБ.

– Они учились ее проводить в жизнь во время путча?

– Выходит, что так. Комитет госбезопасности существует для того, чтобы защищать основы государственного строя. В момент, когда этим основам угрожала опасность, от КГБ требовалась максимальная активность. Но даже после путча – кто занимался расследованием? Депутаты – кучка дилетантов. Прокуратура вела себя крайне пассивно, никакого участия вообще не принимала. У КГБ была прекрасная возможность проявить свою заинтересованность в расследовании действий обкома КПСС. Если бы они захотели, они бы легко предотвратили уничтожение документов. И вообще, подготовку к путчу они бы могли с легкостью зафиксировать. Но этого не произошло.

Мы в ходе расследования долго думали, как нам найти критерии. И мы взяли закон о КГБ и сравнили деятельность КГБ с этим законом. И нашли совершенно определенные противоречия. По закону КГБ должен был активно действовать в направлении предупреждения государственного переворота, он должен был помогать органам законной государственной власти, хранить всю информацию – ничего этого не было. И тому есть объективные причины: закон о КГБ содержит внутреннее противоречие. Статья девятая закона предписывает сотрудникам КГБ выполнять любые приказы, идущие из центра. Она по существу отменяет весь закон, ставя КГБ в зависимость не от закона, а от приказов Крючкова. И я должен отметить, что Курков отнюдь не все приказы своего шефа выполнял досконально. Он не выдал оружия сотрудникам. Это было, безусловно, поступком. Он не предпринял мер к разгону митингов и демонстраций. Я не знаю, как действовал бы Курков, если бы в Москве ситуация повернулась иначе. Но сейчас мы можем исходить только из фактов.

– Итак, что же такое, на ваш взгляд, КГБ – вчера, сегодня и завтра?

– Вчера, сегодня и завтра – это не дом на Литейном, не организация. Это система взаимоотношений государства и общества. Это система отношений, при которой государство организывает сбор информации, и орудиями сбора сознательно и бессознательно являются люди. Этот механизм обладает огромным запасом прочности.

– Металлолом тоже обладает...

– Это не металлолом. Формальная ликвидация КГБ ничего не даст. Единственный способ эту систему развалить – создать условия для

саморазвала. И главным условием является возможность человека выйти из игры. Пока что он в игре пожизненно.

– Почему вы пессимистически смотрите на закат эры КГБ?

– КГБ нужен для того, чтобы государственный аппарат мог управлять обществом, минуя законы. Структура типа КГБ – это атрибут тоталитарного режима, поэтому любая партия или правительство, которые не умеют управлять страной демократическим путем, будут стремиться создать аналогичный аппарат. Один из сотрудников КГБ, с которым мы беседовали, сформулировал это четко: "Какие задачи вы перед КГБ поставите, – такие и будут выполняться". Для того, чтобы КГБ не занимался тотальной слежкой, необходимо, чтобы госаппарат умел обходиться без этой информации, чтобы она ему была не нужна. Если государство занимается только тем, что следит, как граждане выполняют законы, то КГБ ему не нужен. Если же государство активно вмешивается в деятельность граждан, то есть соблазн получить максимум информации о них.

– Ну, а что вы думаете по поводу ликвидации КГБ?

– Это, безусловно, шаг вперед. Но сейчас идет не ликвидация, а децентрализация. Следующим шагом должно стать разделение функций, резкое сокращение агентурной сети и строго законодательное ограничение ее использования, наряду с созданием аппарата эффективного контроля. Хочу заметить, что в ходе расследования всех событий полностью выпала такая структура, как военная контрразведка. Это структура столь же технически оснащенная, как и КГБ. У нее есть хорошо подготовленные специалисты. А больше я ничего сказать не могу. Мне просто не нравится, что у нас в обществе есть глубоко законспирированные структуры, которые опираются на всю мощь государственного аппарата, не подконтрольные представительной власти...

*Разговор наш с А. Я. Винниковым закончился на таком вот многоточии. Умер КГБ, нет ли, – оказывается, к чему голову ломать. Если есть параллельная КГБ структура, которая умирать и не собирается, то дело Ленина живет и побеждает. Хотелось все же узнать о "параллельной" поподробней. И я обратилась за разъяснением к человеку, в прошлом сталкивавшемуся с деятельностью этой организации, – капитану II ранга в запасе, референту народного депутата РСФСР В. Югина **Валерию Владимировичу Сергееву**. Вот что он рассказал:*

– КГБ и Главное разведывательное управление – это две конкурирующие фирмы, которые раньше контролировались ЦК КПСС. Один ответственный работник из ЦК КПСС мог курировать и КГБ, и ГРУ одновременно. То есть это были две конкурирующие структуры, которые боролись за приоритет, за признание, кто из них лучше работает. ГРУ подчинялось генеральному штабу. Они соответственно целиком замыкались на ЦК КПСС. Назначение на все ответственные должности с представления ГРУ производились в ЦК.

Вопросы, как правило, разрабатывались параллельно в КГБ и в ГРУ. К примеру, национал-патриотическое направление – общество "Память" и т. д. Разработкой этого вопроса занимались и та, и другая

структура. Если необходимо было создать ситуацию конфликтную, то и КГБ, и ГРУ занимались одним и тем же вопросом. И наступало непременно взаимодействие. Либо они действовали в унисон, либо навстречу друг другу.

Но вы скажете, что сейчас нет ЦК КПСС, нет ответственных работников ЦК. Так вот, вся трезво мыслящая партийная номенклатура, которая является ставленниками военно-промышленного комплекса, стала перетекать из аппарата ЦК КПСС вниз, в этот свой "черный ящик" – в структуру военно-промышленного комплекса. И когда они "перетекли", то в аппарате ЦК КПСС и Политбюро осталась только старая брежневская номенклатура – сынки, родственники и т. д., которые не способны трезво мыслить своей головой, а способны лишь использовать серых лошадок, которые на них вкалывали. А тут лошадки решили перестать вкалывать. И дворцовый переворот был организован теми, кто всегда был в тени. Они подставили под удар брежневскую номенклатуру в лице ЦК КПСС.

Сейчас номенклатура убрана, надстройка ЦК КПСС убрана, остался "черный ящик", о существовании которого многие догадываются, но не представляют, как он действует. Вертикальная командная структура убрана, остались связи. Личные связи, личные контакты. Все осуществляется на личных связях. Они сейчас закамуфлированы, вся сила уходит в этот "черный ящик". Именно там варятся сейчас все дела, которые потом отрабатываются на местах: сахарные бунты, водочные и т. д. И в конечном итоге все это приближается к Москве и к Ленинграду.

КГБешная система не настолько серьезна, как система ГРУ. К примеру, эти группы "Каскад" и "Зенит", которые обнаружили только числа 23 августа. Это спецназ. Только офицерский состав, специалисты во всех областях. Они могут пальцем пробить жестянку, к примеру, или из ничего приготовить отравляющее вещество, или выстрелить из любого положения, или бегать по стенам. Плюс экстрасенсы, плюс люди, которые на расстоянии по губам читают... ГРУ – это система военной разведки. И она страшнее, чем КГБ, потому что она более замаскирована. И эта система сейчас замкнулась в себе. Если КГБ сейчас проверяют комиссии, то ГРУ вне всяких проверок и подозрений. Вы не встретите в печати, например, данных о том, чем занимался начальник разведки ленинградского военного округа.

Если бы в дни путча начались какие-то действия со стороны спецназа, погибли бы не сотни – тысячи людей. Но команды на разыгрывание кровавого сценария не поступило. Почему? Да очень просто. Это был дворцовый переворот для того, чтобы убрать старую брежневскую номенклатуру, чтобы сейчас над "черным ящиком" не было КПСС. Они сейчас сами себе голова, все приватизируют. И скоро именно они будут "Русо капиталисто". Логика событий показывает, что какой-то очень хороший сценарист и режиссер сидит в кустах и потирает руки: "Все идет как надо". И кусты эти находятся во внутреннем двореке ГРУ. Дворцовый переворот закончен успешно 21 августа, государственный идет сейчас. Мне так кажется.

*Беседовала Аделя Калиниченко
Санкт-Петербург*

"Волкодав - прав, а людоед - нет"

Николай ТОЛСТЫХ

Когда мысленно возвращаешься к августовским событиям, к этим трем дням, "которые потрясли" если не весь мир, то одну шестую часть его безусловно, то невольно хочется сказать, перефразируя известное вольтеровское: "Если бы этого не было, это следовало бы выдумать".

И действительно, значение их, пожалуй, невозможно преувеличить. Рухнули, наконец, истуканы, стоявшие в течение десятилетий, идолы, постоянно требующие человеческих жертвоприношений, уничтожающие живую душу народа, насаждающие повсеместно ложь, страх, подлость, предательство, превращающие жизнь в мертвое царство низменных инстинктов. Нет больше Коммунистической партии Советского Союза ("ума, чести и совести" и чего еще там!), треснул и раскололся ее "щит", обломился ее "меч", — не пикнули доблестные чекисты, когда на их глазах, подвешенный за шею, болтался "железный рыцарь", не ринулись грудью защищать того, "с кого они делали жизнь", а, по свидетельствам очевидцев, разбегались, как клопы, из боковых подъездов своей штаб-квартиры, прыгая в черные автомобили, и отбывали в неизвестном направлении. КГБ — "вооруженный отряд партии" — демонтируется. Союз "братских" республик, созданный штыками и обманом, а удерживаемый танками и колючей проволокой, исчез с политической карты мира. Десятилетиями насаждавшаяся идеология, "самое передовое и единственное верное учение", составной частью которого являлся постулат о преимуществе социализма над капитализмом, окончательно отвергнуто всеми. Когда отсутствовавший эти три дня в Москве и "вызволненный из заточения" Горбачев попытался было, по многолетней инерции, обвинив "отдельные личности" ("нехороших" ГКЧП-стов), в целом компартию защитить и утверждал, что "социализм вполне законен в качестве идеологического учения" (что в общем-то и верно бы, но с одним условием: если его идеологических противников не закапывают в могильники, не топят, загнав в трюмы барж, не умерщвляют голодом и холодом, не превращают в недочеловеков в психушках), депутаты Верховного Совета РСФСР просто не дали ему говорить, несмотря на все его стенания: "Да выслушайте же меня!". Нет — заслушались. Хватит. Горбачев, отсутствовавший всего около двух недель, вернулся уже в другую страну, к другому народу, другому парламенту.

Право, начинаешь искать какую-то мистическую подоплеку под всем происшедшим — хочется порой ущипнуть себя за руку: да полно, не сон ли все? неужели — дожили? Большую часть своей сознательной жизни борясь, в меру сил и умения, с этими чудовищами и ни минуты не сомневаясь, что Система, основанная на лжи и крови, обречена на позор и гибель, я все же почти не надеялся стать свидетелем ее краха.

Каюсь, но сильна у нас привычка, выработанная годами жизни в ней, привычка ожидать скорее плохого, нежели хорошего. Но вот – свершилось. Победа. Давайте поздравим самих себя и друг друга и почтим память тех, кто не дожил, кого Система успела свести в могилу.

Как бы хотелось на этом и остановиться, закончить на радостном вздохе и светлой грусти... Но нет, нельзя. Много еще есть такого, что заставляет задуматься, многое еще мешает радоваться, многое заставляет насторожиться. Одержанная победа нуждается в закреплении, она еще далеко не полная и не окончательная. Попытаемся рассмотреть хотя бы некоторые (а все, наверное, еще и невозможно, – время должно пройти) уроки, полученные в августе, оценить их с точки зрения возможностей дальнейшего развития нашей страны.

Хочу начать с оговорки, что по моему убеждению, вопрос, так часто сейчас разбираемый в отечественной и западной прессе: был ли Горбачев причастен к "путчу", не он ли и есть "режиссер-постановщик" или просто пассивный наблюдатель, выжидающий, когда определится победитель, чтобы к нему примкнуть, – не является таким уж важным, во всяком случае, не решающий. Версий причастности и непричастности президента СССР, много и многие весьма правдоподобны. Но, думается, что сейчас правильнее было бы оставить его решение для будущих историков да любителей политических детективов. Ответ на него в сегодняшнем дне России мало что решает – реальной властью Горбачев уже не обладает. Если он этот "путч" и "выдумал", то волей-неволей сослужил хорошую службу, придав действительное, не декларируемое только в течение шести лет "ускорение" неизбежному процессу гибели возглавляемой им самим Системы. Сослужил объективно, чего бы он там ни желал субъективно.

Уместно, пожалуй, будет и сказать в отношении готовящегося судебного процесса над "главарями путча" ("хунтой", как их многие называют). Не заслужили они 64-й статьи. Ну какая там "измена родине"? Родину настоящую еще предстоит нам всем воссоздать. Для них же это понятие всегда было синонимом сладкой кормушки, ее они и отгаивали, сколь ума хватило. "Заговор с целью захвата власти"? Ну, и времена, право слово! Да какой же еще власти возжелалось шефу КГБ да шефу МВД, министру обороны да главе военно-промышленного комплекса, премьер-министру да вице-президенту? Божественной, что ли? И против какой такой власти они "сговаривались"? Не будем забывать, что Горбачев (в отличие от Ельцина) тоже ведь не народом избранный президент. Очень бы хотелось, чтобы грядущий судебный процесс явился бы первой ласточкой, знаком того, что на нашей Родине система судопроизводства, да и вся юриспруденция вообще, начала, наконец, движение в сторону абсолютного приоритета закона, а не "хозяина", в сторону беспристрастного правового анализа, а не привычного выполнения приказов, поступающих сверху. А то вместо движения вперед вернемся к временам псевдопроцесса над Берией, которого тогдашние "победители", по привычной накатанной колее, обвинили в "шпионаже" (нет бы в преступлениях против человечества, – но нет, нельзя было), да еще в пользу Англии, – просто смех берет: ну могли разве Черчилль с королевой Британской и всей палатой лордов впридачу вознаградить его хотя 1/10 частью того, что имел он от "усатого батьки"! Собаке, конечно, собачья смерть – да

простят мне четвероногие, – но законом там и не пахло. И неоткуда было взяться законности и в дальнейшие годы. Но вот сейчас самое бы время ей хоть начать появляться, коль хотим войти в число цивилизованных государств. Судить их за кровь, пролившуюся в ночь на 21 августа, – необходимо. Может быть, юристы сформулируют обвинение как “злоупотребление служебным положением”, повлекшим тяжкие последствия, может, как-то иначе, им и карты в руки, но расстрелянная 64-я, явно ими не заслуженная, скорее будет воспринята народом не как справедливое возмездие, а как желание “спрятать концы в воду” тех, кому такое необходимо. Недаром уже и сейчас витают в воздухе предположения и догадки (довольно логичные) о происхождении всяких “странностей” в саморасстреле Пуго и акробатических пируэтах из окон служебных кабинетов. Не стоит, право, создавать из этих недоумков “мучеников” для поклонения разнообразным нинам андреевым, ни “загадок, унесенных в могилу”. Никакой политической опасности – это, думаю, ясно сейчас всем – они не представляют. Самое бы для них страшное наказание – отправить на обычную (не “номенклатурную”) пенсию, естественно, без дач и прочего, да вручить прямо в зале суда талоны на сахар, мясо, водку и сигареты. Неровен час – обратно в Матросскую тишину запросятся!

Адвокат Лукьянова, Г. П. Падва, свое интервью корреспонденту “Русской мысли” заканчивает фразой: “У нас пока независимого суда нет, это совершенно очевидно”. Порадуемся хотя бы тому, что подобное интервью стало сегодня возможным и не влечет даже изгнания из коллегии адвокатов, не говоря уже о лагерном сроке или спецпсихушке. Адвокат – профессионал и знает, о чем говорит. Вот появление такого, независимого суда куда важнее для будущего страны, нежели кровавый приговор тем, кто и так уже политические трупы.

Многие называют августовские события революцией. За долгую и кровавую историю нашу привыкли мы воспринимать это слово как синоним хаоса, разрушения, разгула низменных инстинктов толпы, насилия, крови и т. п. И имели на то множество причин. Полное отсутствие явлений такого порядка в августовских днях дает повод для гордости. Гордости за народ, за лучших его представителей. Значит, не только на “русский бунт, бессмысленный и беспощадный” способны мы еще. Свидетельства очевидцев говорят о столь дефицитной в нашей жизни и в обычных, без танков, дни вежливости и предупредительности в массе защитников Белого дома. О готовности делиться со всеми всем, что есть – едой, сигаретами. Не слышно мата, такого привычного на сегодняшних улицах. Практически нет пьяных. Нет, не вяжется все это с представлением о “революции” в образе хмельного матроса, орущего что-то вроде: “Кто тут временные?! Слазь!”, а потом насилующего женский батальон. И тем это радостнее, чем неожиданнее. Ведь сколь долго уже копилась в народе ненависть ко всем этим придуркам, обитающим на Старой площади, на Лубянке, на Октябрьской... Победа запросто могла вылиться в неуправляемый “румынский вариант”. Кстати, как знать – не стоявший ли перед глазами труп Чаушеску был одной из причин того, что ГКЧП-шники так и не отдали приказ стрелять, а если кто из них и отдал, то исполнителей не нашлось? Ну, не в “румынский”, так в “будапештский” образца 1956 года – десяток-другой КГБ-шников вполне могли если не забить

на смерть, то память изрядно. Но нет, не случилось. И слава Богу. Пусть помнят это те, кто сейчас упрекает защитников в "бескультурности" за снос ненавистных истуканов. Нет, не бескультурные проявили они, а редкую сдержанность, достоинство, не замарали рук поганой кровью, тем самым заслужив право называться народными представителями, а не взбунтовавшейся толпой.

К побежденным – презрение и снисходительность. Но давайте поговорим о победителях.

Итак, кровавый путь организации, известной в разные времена под названиями ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, вроде бы закончен. Погранвойска и разведка выделены в самостоятельные ведомства. Делами внутренними занимается теперь созданная на базе КГБ Межреспубликанская служба безопасности. Возглавил ее хоть и не давний, но достаточно хорошо знакомый Вадим Бакатин, возглавлявший до ноября прошлого года МВД СССР, потом "незаслуженно обиженный Горбачевым" (интриги бяки-Крючкова), а сейчас сполна вознагражденный и обид великодушно не помнящий. Вообще настроен он, судя по его высказываниям, весьма добродушно. Я бы даже сказал – по-христиански. Вот несколько выдержек из его выступлений на телевидении и из интервью "Московским новостям".

"Любой нормальный человек должен так действовать – не надо сейчас ворошить этих старых дел. Потому что эта система действительно породила глобальную слежку за людьми и вовлекла самих же граждан в этот процесс. И кто за кем следил, сейчас, знаете, трудно разобраться. (Ну, так ли уж трудно при желании, Вадим Викторович? – Н. Т.) Кто палач, а кто жертва. Все общество – жертва. Большие все пострадали наше общество и все его граждане. Я постараюсь все сделать для того, чтобы досье на всех этих агентов-осведомителей не раскрывать. Я твердо буду на этом стоять" (ЦТ, 9 сентября). "Еще раз повторяю: передача архивов на агентуру только через мой труп. Я не хочу внести в общественную жизнь мотив сведения счетов, а по сути для тысяч людей – трагедию". "Честно сказать, жалею, что снесли памятник и не потому, что с огромным уважением отношусь к Дзержинскому. Отнюдь нет. Уверен, что так же, как нельзя переписывать учебник истории, нельзя переписывать ее на площадях. Это не свидетельствует о высокой культуре. Памятник мог бы стоять здесь, напоминая о том, что переживал наш народ". (А памятник, скажем, Гитлеру в Берлине, как напоминание о том, что пережил немецкий народ, – не так ли? – Н.Т.)

Ну, и в конце концов просто апофеоз христианского смирения. На вопрос корреспондента "МН" – "Как избежать общественного негодования, которое валом продолжает катиться на КГБ?" – Бакатин отвечает:

"Если говорить в целом (тут каждая фраза – перл. А если не "в целом"? – Н.Т.), тень прошлых (как быстро стало прошлым еще только вчерашнее! – Н.Т.) репрессий и других преступлений ложится на карательные репрессивные органы. Это все так. (Ах, лукавец! Значит, не только на КГБ ложится – карательных-то органов у нас всегда пруд пруди было, от участкового до председателя Верховного Суда. И на них тени достаточно. Да его-то ведь именно о КГБ спрашивают. – Н.Т.) Но общество должно же понять, что оно само виновато, – ведь терпели, жили, а теперь все стали героями, все хотят кого-то обвинять. Нельзя так. Нам надо многое друг другу простить".

Нет, видно, далеко мне до христианского совершенства, коим вполне обладает Бакатин! Думал я, думал, у кого же из них, за то, что жил

в одно с ними время и в одной стране, прощения попросить, да так и не придумал. Может быть, у следователей, столь много времени на меня потративших? Может быть, у "топтунов", что из-за меня под дождем и снегом мокли? А может, у тех стукачей, кого заставил самым фактом своего бытия в оных превратиться?

Ну, а если серьезно... Цинизм подобного заявления настолько откровенен, что даже обескураживает. "Сами, мол, виноваты – терпели, жили". Да, может быть, Бакатин действительно новоявленный Платон Каратаев, который не видит разницы между соседом по колонне пленных и конвоиром, что в конце концов его, отставшего, и пристреливает? Незнакомы ему негативно окрашенные человеческие чувства? Но помнится, в конце 1989 года, будучи министром ВД, говорил он корреспонденту "Литературной газеты" несколько иначе:

"Эффективность работы милиции во многом зависит от настроения общества. (И тут на общество вина, коль милиция неэффективна, вот ведь как ловко! – Н.Т.) Не хочу говорить "война", но ненависть здесь необходима".

Стало быть, известно ему такое чувство – ненависть? Вполне он его принимает и даже требует одного от общества по отношению к преступникам. Это к каким же? Ну, естественно, к тем, с кем милиция борется. А вот бывшим "рыцарям революции", на которых, по его же собственным словам, "тень прошлых преступлений лежит", с ними предлагается обществу "прощеный день" устроить. Нет, христианнейший Вадим Викторович, не проходит тут "двойной стандарт" – уголовников ненавидеть, а палачей в погонах, орденосных убийц и остепененных растлителей душ людских простить, обид не помня, и самим у них смиренно прощения попросить за свое с ними современство. До царства Божьего, в коем такое и возможно только, нам еще очень далеко. Да и не входит его построение в задачу государственных органов. Еще Владимир Соловьев говорил: "Задачей государства никогда не может быть установление на земле рая, оно имеет иную цель – не допустить на земле ада". Те, кого вы берете под свою защиту, не только "допустили", но и организовали на нашей земле такой ад, пролили такие реки крови, испоганили столько душ, что забвения их деяниям и прощения нет и быть никогда не может, хотя бы только во имя памяти миллионов ими загубленных. Если общество сейчас поймет на предательство памяти мучеников, если последует вашим пожеланиям – не будет нам больше людского званья. И тогда воистину – вполне заслуживаем всего, что имели и имеем. Возродиться живая душа общества может только через покаяние. Ждать его от ваших подзащитных – дело более чем наивное. Конечно, могут быть (и случаются) радостные исключения, находятся единицы, кому это по силам, но только единицы. В массе своей вчерашние палачи "в законе" озабочены сейчас совсем другим: как бы на плаву удержаться и привилегий да сладких кусков не лишиться.

Я не знаю, чьи портреты и изображения висят сейчас в кабинете начальника новорожденной Службы Безопасности, в кабинете, где до него сживали Чебриков и Крючков, хочется думать, что все же не Дзержинский (для "памяти"). Я посоветовал бы ему повесить на эти стены написанную крупными буквами цитату из солженицынского "Круга", слова дворника Спиридона, простого русского мужика, из-

ведавшего все "прелести" советской действительности, который на вопрос Глеба Нержина: "Кто прав? Кто виноват?", ни минуты не задумываясь, отвечает: "Волкодав – прав, а людоед – нет!". Станут эти слова девизом вашим и возглавляемой вами службы – обществу нечего будет беспокоиться. Террористов, рэкетиров, торговцев наркотиками, взяточников и прочих "волков" в каждом нормальном государстве "давит" служба, поставленная на охрану его безопасности. И Бог им в помощь. Но людоедов, коими кишит еще новоявленная служба (созданная на базе КГБ), из нее надо, по меньшей мере, выкинуть, а не переводить заботливо на другие теплые местечки, где вредность свою не раз они еще продемонстрируют, а не брать под защиту, иначе не изменится по сути ничего, кроме названия. И никогда не будет сопутствовать деятельности этого учреждения, как его ни называй, ни добровольная поддержка лучшей части общества (сломленных да опустившихся стоит ли в расчет брать, хотя их и предостаточно, к сожалению, да все ж не они сегодня лицо общественное определяют), ни, тем более, народное уважение.

И первое разумное, что необходимо сделать новому "председателю", – это безусловно и без лукавства архивы полностью открыть. Те самые, агентурные, за которые он сейчас готов "трупом лечь". Только продемонстрировав открытость подлинную, а не на словах, только таким доказательством, что не является СБ духовной наследницей КГБ и тех нелюдей, что агентуру эту наплодили, может быть, добьется он нового кредита общественного доверия. А без этого не будет у новой службы другой дороги, кроме как в ад, хоть и высланной (если поверить в это) благими намерениями. И не надо бояться, что такой шаг явится "по сути трагедией для тысяч людей". Трагедия для них – агентов, а попросту стукачей, – произошла тогда, когда они ими стали. Сейчас для них единственный шанс снова обрести человеческое звание – прилюдное, искреннее покаяние. Может быть, готовность главы Госбезопасности к раскрытию архивов поможет им на него решиться.

А кровь, сведение счетов... Три августовских дня показали, что общество наше, наиболее политически и нравственно активная часть его, отнюдь не кровожадна и не стремится сводить счеты на таком уровне. Живой крови люди не жаждали. А вот символы кровавого прошлого, и в их числе того истукана, о котором Бакатин сожалеет как об историческом напоминании, общество в едином порыве отвергло и сокрушило. И если такой общественный порыв воспринимается некоторыми как "бескультурие", то я бы искреннее пожелал, чтобы бескультурие всегда принимало такие вот формы, а не другие. С таким "бескультурием" жить можно! Неплохо бы всем этим "некультурным людям" поскорее и до других "исторических памятников" добраться, скажем, на той же Октябрьской площади и на Красной, где лежит восковая кукла. И не только в Москве, а и по всем российским городам и весям, где, по словам покойного Венедикта Ерофеева, "еще барельефат бюсты всякой сволочи". В нашем историческом прошлом нам, слава Богу, есть кого вспоминать и без этих нелюдей. Хотя бы тех, кто был ими погублен, но спины перед дьявольскими слугами не согнул. Их великое множество. И наше духовное возрождение – через

светлую память о них, через заботу о возвращении всем им доброго имени. Им, а не различным бухариным и тухачевским – таким же палачам, только расстрелянным другими палачами.

Но сказавши "а", неизбежно и "б" говорить. К сожалению, есть в словах Бакатина о вине общества и немалая доля правды. Вина не перед палачами, конечно, но – перед собой, перед будущим. Кто из нас не сталкивался с таким явлением: уличат кого-то в том, что во время оно недостойно себя вел: подписал пакость про честного человека, не помог преследуемым, хотя и не рисковал почти ничем, струсил, наговорил чего не надо там, где достойнее бы вообще промолчать, а то и просто своего друга предал, а уличенный отвечает: "Время такое было. Все так жили. А кто вправе судить?". Передо мной публикация известного перестроечного автора Ю. Шекочихина (корр. "ЛГ", народный депутат СССР) "Исповедь сексота КГБ". Автор пишет в предисловии: "Кто он? Палач? Жертва? Сын своего времени? Его пасынок? Не знаю... Не готов, да и не хочу давать ответ. Он – время. И он тоже". Так что же? Спишем все на "проклятое время", вспомним еще насмешку Достоевского "Среда заела...", – да и дело с концом? И пойдем себе в "царство демократии и свободы"? Нет, не видать нам этого царства, как своих ушей, если пока еще многие из нас такие аргументы принимают как вполне оправдательные.

Если три августовских дня мы договоримся называть революцией, то давайте не забудем, что всякая революция – разрушение, в этом ее отличие от эволюции. Эти три революционных дня обошлись малой кровью, хотя и единая жертва – трагедия. Разрушены кое-какие истуканы. Но для нашего сегодняшнего общества куда важнее всех политических революций – революция нравственная. Должны быть разрушены ложные догмы, долгие годы заменяющие общественную мораль и личную нравственность. Такая революция куда сложнее, длительнее, мучительнее, но без нее все политические изменения – суть только временные, внешние. С такими понятиями, как мораль, нравственность, не предстоит ли многим столкнуться впервые, столкнуться в их истинном значении, а не в таком, к которому нас приучали, вернее – от которого отучали? Вот, например, еще один известный "перестроечник" Н. Шмелев пишет в "МН" (правда, это цитата из 1988 г., возможно, сейчас мнение и изменилось): "В экономике все эффективное – морально, все неэффективное – аморально". Чем это по сути отличается от печально известного "все, что революции на пользу, – морально, а что нет – подлежит уничтожению"?

Наследие у нас тяжелое, мозги запудривались с колыбели, и многое предстоит нам проходить с самого начала. В познании добра и нравственности неопценимую помощь может и должна оказать русская Православная Церковь (у которой своих грехов выше некуда, но есть и от кого всем поучиться). Государство и общество должны объединиться для совместной борьбы с носителями нравственного растления, для борьбы за души своих граждан и членов. Зло должно быть названо, четко указано, персонифицировано на самом высоком государственном уровне. На всю страну, на весь мир. Граждане государства, они же – члены общества, должны знать, что взгляды, бывшие вчера их личным убеждением, противоречащим официальной док-

трине, сегодня – официальная точка зрения, определяющая во многом внутреннюю и внешнюю политику. Основные положения ее, на наш взгляд, таковы: нравится нам это сейчас или нет, но случилось так, что 74 года назад выродкам, называющим себя большевиками, удалось, ценой миллионов трупов, создать государство, преступнее которого не знала история человечества. Гордиться своим большевистским прошлым не только нет никаких оснований, но просто стыдно. Героизм и жертвенность, явленные в последнюю войну, были и всегда присущи нашему народу, при любых правительствах (а вот такого количества пленных не бывало ни при каком). И они, конечно, предметом гордости по праву останутся – это душа народная. Но победу одержали (и победу ли по сути?) – не благодаря, а вопреки большевистскому руководству. Самый главный враг народа, самый тяжкий преступник-людоед всегда прятался за народной спиной, лицом к лицу предпочитая выставлять или свои расстрельные команды, или состоящих на службе идеологических придурков-затейников. Враг этот менял лица (вернее, просто был многолик), менял названия, оставаясь всегда неизменным по сути. Назовем его именем, наиболее известным современникам. Это – КПСС.

Сейчас она, вроде, запрещена. Попала в разряд "гонимых". В пору бы, по русской традиции, пожалеть "несчастных"... Но нет, рано было бы записывать ее в навечно поверженные. К краху политическому обязательно должен присоединиться и крах моральный, как неременный гарант невозможности возрождения. Повторяю: необходимо на самом высоком государственном уровне признать данную организацию виновной в тягчайших преступлениях против человечества, предъявить обществу ужасающие доказательства (недостатка в них нет) и официально объявить ее преступной организацией, само членство в которой было, если не уголовным, то нравственным преступлением. Ведь не удивляет никого и не возмущает продолжающаяся по сей день деятельность центра Симона Визенталя, который занимается розыском нацистских преступников по всему миру, их разоблачением и преданием в руки правосудия. Чем же хуже они преступников коммунистических? По числу своих жертв последние далеко впереди нацистов.

Мы народ не кровожадный, обойдемся и без таких центров. Обойдемся без виселиц и толп, орущих: "Смерти! Смерти!". А если кому-нибудь в физиономию плюнут или пощечиной наградят – так невелико наказание за все преступления.

Но чтобы уж отныне и до века "коммунист" в людском сознании был бы синонимом "фашиста", "чекист" – "гестаповца". И чтобы каждому живущему в стране стало ясно – не властно "проклятое время" оправдать собственную нравственную порчу. Время тоталитарной ответственности прошло, наступило время ответственности персональной, каждого за себя лично, без ссылок на время и обстоятельства. И чтобы демонстративный "выход из партии" в 1989–1991 годах (да и ранее) не рассматривался как "героический шаг", а воспринимался как естественное для человека желание очиститься от той кровавой грязи, в которую он когда-то, по расчету ли, по недоумию, "за компанию" или просто "от скуки" вляпался. А коли так, то и выбирать из грязи, очищаться от нее – каждому. Пусть лично ты ничего, кажется,

плохого и не сделал, достаточно того, что людоедскую шайку количественно увеличил.

А искупить вину можно только делами. Делами сегодняшними – вину вчерашнюю. И такие примеры мы сейчас видим, пусть и не такие многочисленные, как хотелось бы. Вот вам и путь в будущее – единственный, поскольку лежит в его основе осознание собственной вины, покаяние и желание искупления. На настоящую волю действительно можно вырваться только с чистой совестью, – да простят мне старые лагерники этот печально-памятный каламбур. Государству, провозгласившему такие принципы, неизбежно будет отпущено людское доверие как своих граждан, так и всего мира. А не оно ли сейчас как воздух необходимо?

Много уроков преподнесли нам эти три августовских дня. Может быть, стоит вспомнить сейчас тем, кто готов всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем, "освободиться от русского шовинизма", или тем, кто периодически обливает красной краской мемориальную доску на доме – ну кого бы вы думали, – Дзержинского? Свердлова? "Ильича"? – нет, Михаила Булгакова на Андреевском спуске, или тем, кто всему миру не устает вещать о "врожденном антисемитизме русского народа", – может, вспомнить им трех погибших той роковой ночью на 21 августа? Трех мужчин, погибших в городе Москва, на углу Садовой и Нового Арбата, – Дмитрия Комаря, Владимира Усова и Илью Кричевского. Украинца, русского, еврея. Кто убил их? Латыш Пуго? Или "русак" Крючков? Против кого восстали они, что защищали? Непростительно было бы пренебречь данным нам всем трагическим знаком: погибшие явили нам не только гражданское мужество, но и показали, что лишь совместно, плечом к плечу, можно победить врага всех народов, проживающих географически в пределах прежнего СССР. Победа была одержана в Москве, победа – "За вашу и нашу свободу!" – ценой жизни трех человек. Вечная им память! Да не осквернят ее лицемерно положенные в их гробы горбачевские золотые звезды.

Патриотизм – давно известно – рождает героев, национализм – лавкеев. Подтверждений тому множество. А над "Белым домом" в те ночи висел азарт, и на канате, его удерживающем, развевалось более десятка флагов: российский, литовский, украинский, азербайджанский...

Часто в последнее время слышим мы отовсюду голоса, – когда озлобленные, когда безнадежные, а когда и злорадные, – говорящие о том, что победа, одержанная в августе, скоро не будет иметь никакого значения: накатывает экономическая разруха, грозит голод, и озлобленный, издерганный народ сметет в ярости все демократические институты, находящиеся пока в зародышевом состоянии, и откроет дорогу к власти самым реакционным, тоталитарным силам, в надежде на пресловутую "сильную руку", которая "наведет порядок". Ну, так это или не так – трудно сказать. Но экономический кризис – действительно грозный факт. Как справиться с ним? Как не допустить вышеприведенного развития событий? Я не специалист в экономике, но не могу не отметить одно обстоятельство, всеяющее в меня надежду. Я опять обращаюсь к опыту трех августовских дней. Когда несколько десятков тысяч человек, собравшихся у "Белого дома", понадобилось

элементарно накормить (дух – духом, а брюхо – брюхом), кто пришел на помощь? В совсем уже небогатой продуктах Москве нашлось горячее питание, оно было привезено, и на всех его хватило. На помощь пришли несколько кооперативов и совместных предприятий, представители которых быстро связались с руководителями "Белого дома". И этот урок хорошо бы запомнить. Если зарождающийся социальный слой российских бизнесменов рассчитывает на жизнь долгую и деятельность успешную, а не на одновременное быстрое обогащение, что само по себе было бы глупо (а люди они, вроде, серьезные и дело знают), то, безусловно, должны понимать, что их личный успех неразрывно связан с успехом демократических преобразований в стране. И, отдавая на поддержку этих преобразований часть, сохраняют они целое, а сохранив – и преумножат. Правительство же, в свою очередь, одной из главных своих задач должно ставить именно завоевание доверия у частника и бизнесмена. И как можно скорее, времени отпущено мало. Закон и новоявленные государственные службы должны не совать им палки в колеса, как было раньше, а всячески поощрять и помогать, оберегая от рэкетиров всех мастей.

Ну и недурно бы нашу такую не очень давнюю традицию вспомнить, как благотворительность, да не единичную, а целыми социальными группами – купечества, промышленников, интеллигенции, дворянства. Прав Михаил Назаров, утверждающий, что "решение проблемы состоит в том, чтобы сочетать строй экономической свободы и частной собственности с милосердным настроем души, с братской солидарностью" (Вестник РХД № 161). Пример братской солидарности явлен был всем в те дни у "Белого дома". Закрепится традиция, разовьется – глядишь, и преодолет Россия и продовольственные трудности, и соблазн, который еще не раз, надо полагать, попытаются исподтишка подсунуть ей экс-большевики, соблазн старый и когда-то их к власти приведший: "Грабь награбленное!"

Соблазнов, искушений, тяжелых испытаний не избежать никому из вставших на путь духовного покаяния и нравственного возрождения. Тем более такому искалеченному организму, каким является сейчас Россия. Единение людей доброй воли, сохраняемое на уровне тех августовских дней, решило бы дело.

Хочется в заключение привести "принципы людей доброй воли", сформулированные философом и публицистом Дмитрием Михайловичем Паниным, всю жизнь свою посвятившим борьбе с тоталитаризмом на своей Родине и заплатившим за эти шестнадцать годами в сталинских лагерях. (Он умер 4 года назад во Франции.)

Вот они:

- быть бесстрашным,
- достичь свободы через полусвободу (очень важен сегодня! – Н. Т.),
- иметь право на борьбу,
- применять силу против насилия,
- охранять частную собственность, неотъемлемое право каждого человека, гарантирующее ему свободу и независимость.

Рядом с той табличкой (цитатой из Солженицына), что советовал я повесить в кабинете начальника Службы Безопасности, висеть бы этой. Хотя и в принципах Панина по сути тоже – "Волкодав – прав, людед – нет!"

"Происходящее сегодня - это маскарад..."

Временное московское жилище бывшего члена ЦК КПСС и члена бывшего Верховного Совета СССР, народного депутата и писателя **Василия Ивановича Белова** я нашла не сразу. Повезло, что в престижных цеховских домах на Рублевском шоссе сохранилась все еще "добрая традиция" консьержек, то есть, по-советски, дежурных старушек, сидящих в стеклянных будочках при входе. Они не только по-прежнему бдительно следят за "чужаками", но и могут, правда, не без строгой проверки, подсказать нужный этаж и квартиру. И вот я на месте. Квартира с обширными и гулкими комнатами, обставленными казенной мебелью, предоставлена семье Беловых вместо положенного депутату гостиничного номера исключительно как члену ЦК из ресурсов партии. Скоро придется ее покинуть, как заметил Василий Иванович (интонацию сожаления я, вроде бы, в его голосе не уловила). А пока приветливая хозяйка накрывает на стол. Вкусное домашнее варенье, хорошие конфеты, как их сейчас просто называют – пайковые, ароматный чай и беседа.

– Василий Иванович, когда вы впервые увидели журнал "Посев" и слышали об НТС?

– Это все было под запретом. Впервые я познакомился с НТС, и то очень поверхностно, когда был в ФРГ, еще при Брежнев. Я и во Франции бывал раза три. Там меня тоже с кем-то из НТС знакомили. Но я уже не помню, с кем: слишком много было всяких встреч с разными людьми. Журнал "Посев" иногда читаю, но мне кажется, что в последнее время он изменился не в лучшую сторону. На его страницах стали хвалить Ельцина, Собчака, Попова. Говорят о демократической России, а она пока оборачивается против России.

– Какова ваша оценка как политического деятеля и писателя тех событий, что последовали за провалом августовского путча?

– Вы, наверно, Наталья Николаевна, демократка?

– Я, Василий Иванович, журналист, я наблюдаю.

– Я тоже наблюдаю. Я наблюдаю уже третий год и конца этому пока не вижу. Комико-драматическая горбачевская эра идет к концу, сейчас уже последние ее конвульсии. Я не верю уже не только в искренность людей, но и в искренность событий. События тоже бывают фальшивые. Я чувствую, что происходящее сегодня – это маскарад, запрограммированное действие, спектакль.

– И кто же режиссер-постановщик?

– Я не знаю, ей-Богу, понятия не имею. Но все выглядит трагикомично и фальшиво. А в Москве какая-то булгаковская атмосфера в реальности. Он фантазировал, а тут уже в реальности мистификации происходят. Я видел, как эта так называемая революция в августе происходила. 19-го я был в Крыму.

– Так вы по соседству с Михаилом Сергеевичем были?

– Да. А 20 августа я прилетел в Москву и наблюдал всю эту комедию лично.

– Где наблюдали? У российского "Белого дома" были?

– У меня были попытки пойти туда, но потом я плюнул и ушел. Это когда я увидел, как раздают бесплатно пиво и водку. Ну, я не хочу сказать, что все там были несерьезные люди, были всякие, конечно. Но когда я увидел, как эти "волосатики" сидят на танках с девками и бренчат на гитарах, я улыбнулся и уехал домой. Но, правда, я не знал, что главные события начнутся ночью.

А 21-го я поехал в Кремль. Там все было тихо, мирно, спокойно. Правда, туда было трудно прорваться, везде милиция и танки. Я хотел спросить Лукьянова: почему не открываете сессию? Я решил, раз такие события, то будет сессия, и приехал на сессию. Я ведь еще был и членом ЦК КПСС и думал, что будет пленум тоже. Ни пленума, ни сессии нет. Я был в недоумении.

– Вы ведь, если судить по последним вашим произведениям и высказываниям, не очень жалуете большевиков. Почему же вы остались с ними, пошли в члены ЦК, избирались в депутаты тоже по списку компартии? Меня, например, это в вашем облике смущает.

– Меня самого смущает. Мне стыдно, что вся моя жизнь прошла под влиянием этой заразы. Я сожалею об этом, но что было делать? Я родился в 1932 году, когда вовсю свирепствовала эта идеология. Я отдал свою дань марксистской идеологии практическими делами, даже был секретарем райкома комсомола, но это всегда вступало в противоречие с моим душевным настроением. Все это противно, но у меня уже тогда было много сюжетов, я и стихи писал, но не было ни образования, ни аттестата зрелости, ни перспектив. Я на себе испытал, что такое деревня и как оттуда было тяжело убежать. Мы ведь, колхозники, были беспаспортные, то есть фактически крепостные.

– Но ведь членом ЦК вы стали уже в это последнее время, когда не нужно было кривить душой, чтобы выжить?

– Да, я не сопротивлялся, когда меня сделали членом ЦК. Свою роль сыграл профессиональный интерес, писательский. Хотелось посмотреть на них поближе. Ко мне подошли и сказали: "Вот хотим вас членом ЦК избрать". Потом вдруг голосуют, и я в списке тоже. Там стали даже некоторые против выступать: с какой, мол, стати этого черносопца Белова? 67 человек проголосовали против. Правда, это небольшой процент.

– А когда вы стали бывать на пленумах и достаточно близко общаться с высокими партийными функционерами, то какими вы их тогда увидели?

– Да они одинаковые везде.

– Так значит, ваш писательский интерес не оправдался?

– Нет, кое-что интересное было. Ведь это же свой особый клан, со своими секретами. Я узнал, например, много деталей о том как Горбачев шел к власти. Кстати, я сумел с ним раза три побеседовать.

– И каков он при личном общении?

– Он производил впечатление демократичного руководителя, но в то же время он в разговоре нередко горячился, перебивал и долго говорил сам, умудряясь не ответить на вопрос. Но я, конечно, его побаивался. Я спрашиваю, допустим, каков наш внешний долг, а он начинает другое говорить. А я уже боюсь переспрашивать.

Так что вопрос о партийности – непростой. Но я, в конечном счете, не жалею, что вступил в партию еще при Сталине. А двойная жизнь была у многих.

– Да, но многие за последнее время сумели от нее избавиться. А вы не захотели почему-то.

– Ну, так уж и многие! Некоторые, например, Астафьев, гордятся, что не были в партии. Чем гордишься-то, милый мой? Если бы я не вступил в партию, то не пробился бы никуда. Это было проявление человеческой активности. Я дитя своего века. Все пропустил через свои нервы: и партию, и КГБ. Меня ведь в студенческие годы, когда я учился в Литературном институте, пытались завербовать осведомителем КГБ. Даже шантажировали. Но мне уже было около 30 лет, я был уже к тому времени стреляный воробей и сумел выкарабкаться из этих когтей.

– А на высоком депутатском уровне, когда, наверно, уже никто бы не решился вас вербовать, были какие-то встречи и взаимоотношения с этими органами?

– Я как член Верховного Совета СССР задавал два раза прямо из зала вопросы Крючкову по поводу промышленного вредительства. Я писал об этом в какой-то статье. Тайная полиция всегда вызывает неоднозначное отношение. Хотя я считаю, что государство должно ее иметь. А сейчас что творится? Внешнюю разведку отдала Примакову – это смешно и нелепо. Полный развал государства у нас. Мы не защищены ни в военном, ни в политическом, ни в экономическом смысле. А вся беда в том, что наши новые правители не хотят, чтобы в стране было изобилие.

– Почему же они этого не хотят? Разве они не понимают, чем это чревато?

– Это уже их надо спросить, почему не хотят. Но нежелание это выражается в том, что не хотят вкладывать деньги в сельское хозяйство. Везде, во всем мире, крестьян носят на руках – только трудись. А наши демократы-правители покупают зерно за границей. С какой стати? Просто они временщики, предатели, я даже не знаю, как их еще назвать. Если бы они деньги, которые тратят на покупку зерна, отдали своим крестьянам, то мы были бы завалены продуктами.

– Неужели это так просто можно решить?

– Для того, чтобы вырастить быка, нужно 6 месяцев, для того, чтобы вырастить хороший урожай, нужен год-полтора. Не такой уж мы бедный народ, чтобы у нас есть было нечего. Мы все производим, даже сейчас, в этом гнусном окружении. У нас созданы десятки мифов. В том числе тот миф, что не хватает продуктов, что у нас плохой урожай. На самом деле все не так. Если взять, допустим, Францию или другие страны, то в них производят на душу населения намного меньше зер-

на, газа, нефти, а живут лучше нас. Достаточно двух лет, чтобы у нас было изобилие продовольствия. Отдать деньги, которые уходят за границу, нашим крестьянам, переориентировать промышленность и дать свободу крестьянам.

– Вы, Василий Иванович, написали в своих "Записках на ходу", опубликованных в седьмом номере "Нашего современника" за 1991 год: "Я голосовал не за продажу земли, я голосовал за бесплатную передачу земли крестьянам, тем, кто на земле и живет, и работает". А как вы, в связи с этим, относитесь к существующим на этой земле колхозам и совхозам?

– Я не против их существования, если они жизнеспособны. Пусть на здоровье остаются. Они сами должны Богу душу отдать, а насильственным путем их ликвидировать невозможно, потому что у тех людей, которые живут сейчас в колхозах, совершенно другая психология. Психология единоличного хозяина возродится не сразу. А непродуманные действия новых властей могут обернуться бедой. Поэтому я согласен с теми людьми, которые говорят, что приносящие доход хозяйства не нужно трогать. А вот такой колхоз, например, как у меня в деревне, не стоит жалеть. Его непременно нужно ликвидировать.

– Ваш колхоз, по-моему, называется "Родина"?

– Да, именно так. В общем, его должны ликвидировать сами трактористы и доярки, которые в нем работают. А они боятся всяких перемен.

– А почему?

– Потому, что они не доверяют власти. Никакой. Они с юмором к ней относятся. Уже давно, давно.

– Давно – с каких пор?

– Ну, может быть, с 30-х годов, когда раскулачивать стали, со времен коллективизации. Тогда разделилось наше общество, народ ушел в подполье духовное. И выходить он оттуда не хочет пока.

– И чего он, по-вашему, ждет?

– Он ждет... Сам не знает, чего ждет. А я знаю, что все эти политические страсти характерны только для Москвы и больших городов. Провинция же живет другим: ежедневными заботами о хлебе насущном. Их все остальное не волнует. Может быть, постепенно и вернется какая-то общественная активность. Сейчас же народ видит, что о нем никто не думает. Два года я во всяких комитетах болтался, расстраивался, голосовал, писал записки. Но кто же меня послушал? Да никто... И хотя кое-какие законы еще в том Верховном Совете СССР дельные и были приняты, да и они бездействуют. Я же больше болтать не хочу. И я вышел из состава Верховного Совета.

– Какую роль вы отводите новому Верховному Совету страны?

– Не знаю. По-моему, это какой-то ненастоящий Верховный Совет, предыдущий и то был представительней. Я присутствовал на двух заседаниях, и меня не покидало ощущение несерьезности происходящего. И вообще у нас в систему управления страной сейчас внесено столько чуждого, заимствованного. Я вообще считаю, что, например,

президентская система для России не годится. У России тысячелетний опыт государственности, а мы его в своих законотворческих делах абсолютно не учитываем.

– Какой же конкретный опыт вы предлагаете перенять из прошлого Российского государства?

– Да многое. Вплоть до монархии. Допустим, в сочетании с конституцией. Это только мировому сообществу почему-то все время мерещится фашизм или шовинизм. Стоит только сказать о русских традициях, как все демократы тут же начинают кричать о шовинизме. А на самом деле все это придумано. Русский народ так истощен духовно, что говорить об опасности с его стороны шовинистических выступлений просто смешно.

– А что вы думаете по поводу известной фразы Пушкина о русском бунте, бессмысленном и беспощадном? Насколько реальна эта опасность сегодня, в столь тяжелой и непредсказуемой ситуации в стране?

– Боюсь что-либо говорить по этому поводу. Мне иногда самому хочется взять в руки автомат. А что думает большинство людей, – не знаю. Знаю, что у многих уже терпение лопается. А если оно лопнет окончательно и начнется потасовка в России, как на Кавказе, то боюсь, что это будет надолго. Но я надеюсь, что здравый смысл все же победит. Хотя разрушение России продолжается. Сначала нас обманул Горбачев: сделал совсем другое, не то, что обещал, просто притворялся все это время. У меня есть подозрение, что Ельцин тоже притворяется со всей своей командой.

Нас сначала превращали в социалистическую колонию, а теперь в капиталистическую. Но колонией мы остаемся по-прежнему, нас продолжают надуть и обворовывать.

– Кого вы конкретно имеете в виду? Новое правительство, отколовшиеся республики?

– Да и тех, и других. Возьмите хотя бы все акции последнего времени. Из Эстонии, например, даже посылки не разрешают отправлять, нельзя вывезти даже носовой платок, а туда, как говорит Невзоров, идут потоком наша нефть, лес и т. д. Нас они считают завоевателями, а я вот вам скажу, что Эстония была русской землей еще со времен Александра Невского. У меня даже есть пьеса об этом. Спектакль по ней под названием "Александр Невский" идет в Санкт-Петербурге, в Пушкинском театре.

Все эти суверенитеты обернулись против русского народа, против нации. Когда мне говорят, что Казахстан имеет право на земли Южного Урала, то я могу только возмущенно разводить руками. Что тут еще можно сделать? А еще нас обвиняют в великорусском шовинизме!

– Так какую же позицию нужно занять России? Как вы смотрите на это не с точки зрения депутата, а как писатель, знаток душ человеческих?

– Ну, какой я писатель...

– А кто же вы тогда?

– Я не могу себя с полным правом назвать писателем. Кто я? Я – плотник, на худой конец – публицист. А что о позиции... Не знаю. Я

знаю, что вокруг моей деревни вырублены все леса начисто. Теперь там пустынно. То же пытались сделать с народом. А началось все это с революции еще, может быть, даже 1905 года.

– Я знаю, что в некоторых кругах бытует мнение, что революцию в России сделали евреи. Как вы к такой мысли относитесь?

– Ну, конечно, без евреев это и не могло бы произойти. И куда же мы денемся от того, что евреи были в оппозиции всему, всей русской государственности? Это сами евреи и сионисты понимают. Вся беда в том, что сейчас эта практика продолжается. Если бы она была другая, то все было бы нормально. У меня есть факты. Меня, например, на телевидение до сих пор не пускают. Есть такая тенденция, и она развивается. И называйте меня антисемитом или кем угодно, но от правды никуда не уйдешь. Я не скрываю этого.

– Вы считаете, что вас не пускают на телевидение политические противники, или по национальному признаку, или все это связано как-то вместе?

– Это очень тесно взаимосвязано. А вообще вы подкрадываетесь к очень щепетильной теме, которой я избегаю, потому что не хочу все обострять. У меня слишком много фактов, я слишком много знаю, и слишком много я сам лично пережил в этом плане. Представьте себе, если бы я стал откровенным, что бы получилось? Правда, я не боюсь, я готов умереть хоть сегодня.

– Ну зачем же так!

– Вот я и не хочу говорить на эту тему. Хотя меня и в "Комсомольской правде", и в "Московских новостях" обозвали человеконенавистником. Ну, а антисемитом называют все кому не лень. В "Литературной газете" Астафьева назвали честным писателем, а меня с Распутиным – нечестными. Но я уверен, что все утрясется рано или поздно. Россия обретет свою государственность, которой пока у нее нет, а тогда и евреи станут на свое место и не будут, так сказать, бельмом на глазу.

– Я все-таки, хотя вы и говорите, что вы не писатель, а плотник, хотела бы свой последний вопрос задать о ваших творческих планах.

– Ну, мне нужно закончить свои исторические хроники о деревне, то есть следующую часть после "Канунов" – "Год великого перелома", о тяжелом периоде коллективизации и разрушении крестьянского хозяйства в России. А еще я только что подготовил для издательства "Искусство" сборник произведений Ивана Александровича Ильина. Вот ваш журнал "Посев" часто ссылается на Ильина, но, по-моему, сами от него российские солидаристы отошли. И вообще у них в "Посеве" есть какая-то настороженность по отношению к патриотическим изданиям, таким, как "Литературная Россия", "Наш современник". Я не говорю, что в них все идеально, но они заслуживают большего внимания.

– Благодарю вас, Василий Иванович, за столь продолжительную беседу. Желаю вас успехов в творчестве.

Интервью провела Наталья Белоцерковская

Национализм?

В. ПОРЕМСКИЙ

Слово "нация" было создано во Франции, и ему всего лишь 200 лет от роду. В отличие от слова "народ" это слово означает некую человеческую общность, отличающуюся не внешними признаками (цвет кожи, волос, глаз или одежда) и не физиологическими данными кровного родства или черт характера, а своеобразием культуры в самом широком понимании этого термина. Слово "нация", подчеркивающее самое главное и ценное, что есть в человеке, быстро привилось и укрепились в словарях всех германо-романских и славянских народов.

Отсюда и производное слово "националист", то есть человек, для которого родны и привычны верования, традиции, язык и культурные ценности, созданные им в течение истории народа. На практике это выражается очень просто: каждый человек, отвечая на вопрос "Кто вы такой?", говорит "Я – француз, испанец, русский" и едва ли скажет "Я – французский, испанский или русский националист".

Так было до середины тридцатых годов нашего столетия.

С приходом к власти Гитлера и пущенного им в обращение понятия "национал-социализма", а особенно после конкретной реализации гитлеровской доктрины, это словосочетание стало синонимом чего-то бесчеловечного, кошмарного, варварского и преступного. А это далеко не всем пришлось по вкусу, так как в порочном словосочетании фигурировало слово "социализм". Поэтому в странах социалистического блока, да и в кругах западной левой общественности, понадобилось совершить операцию – кастрировать национал-социализм, допустив к употреблению лишь первое слово "национал", и то в форме обрубка – "наци"; или употреблять слово "фашизм", то есть прибегать к подлогу. Таким образом, гнев и возмущение были переориентированы на "национализм" и "националист".

Человек ко всему может привыкнуть. Привык он и к употреблению в изуродованном виде старых слов, не имевших ранее предосудительного значения. Бороться с этой привычкой было бы, однако, пустым и бесплодным донкихотством, если бы в ряде стран на почве национальностей не разгорелись бурные и взрывоопасные страсти.

Поэтому разъяснительная работа по реабилитации слова "националист" – отнюдь не праздное занятие. Тем более, что это слово даже в среде интеллигенции циркулирует именно в таком извращенном понимании.

Приведем один яркий пример. Известный английский ученый Исайя Берлин, претендующий на объективность и получивший за научные заслуги титул лорда, не так давно опубликовал обстоятель-

ную работу на тему о национализме. Основные характерные особенности национализма он свел к четырем пунктам. В левом столбце приводятся его определения, а в правом – определения, очищенные от наносного, извращающего смысл слоя.

Каждый националист ДОЛЖЕН ощущать ПРЕЖДЕ всего свою принадлежность к нации.

Каждый националист признает ТОЛЬКО те ценности, которые являются ценностями его нации.

Для националиста все элементы, составляющие нацию, ДОЛЖНЫ быть связаны в единое целое.

Для националиста, в случае конфликта между национальными и иными ценностями, национальные ценности играют РЕШАЮЩУЮ роль.

Каждый гражданин ощущает свою принадлежность к нации как нечто привычное и само собой разумеющееся.

Каждый гражданин, естественно, признает общечеловеческие ценности, но национальные ценности ему особенно близки и понятны.

Каждый гражданин полагает, что все элементы нации должны быть связаны в единое целое В ТОЙ МЕРЕ, в которой от этого зависит судьба и процветание ВСЕХ граждан.

Для каждого гражданина национальные ценности ТОГДА играют решающую роль, когда жизнь нации подвергается смертельной опасности.

Конечно, наблюдаются и деформации национального чувства. Но тогда им присваиваются соответствующие слова.

Национальное чувство может стать агрессивным тогда,

а) когда оно обращается на врага, грозящего духовным или физическим уничтожением нации. В этом случае мы имеем дело с ПАТРИОТИЗМОМ;

б) когда оно принимает самодовлеющий характер и противопоставляется тем согражданам, которые не разделяют такую крайнюю позицию. Тогда мы имеем дело с ШОВИНИЗМОМ;

в) когда оно выражается в неприязни и вражде по отношению к людям иной национальности. Тогда мы имеем дело с КСЕНОФОБИЕЙ.

Из всего сказанного видно, к чему может привести необдуманное, а особенно злонамеренное злоупотребление словами в целях дискредитации противника. В наше время и в нашей стране это привело к гражданской (пока еще бескровной) войне в среде нашей интеллигенции. Она ведется оружием ходких этикеток, оскорбительных эпитетов и слов, которые каждый осмысливает по-своему. Поэтому можно сказать, что люди у нас стали говорить на разных языках.

В давние времена, согласно преданию, это случилось со строителями вавилонской башни, и потому они не закончили осуществление грандиозного проекта.

У нас дело обстоит еще хуже. Мы тоже строили на базе марксизма-ленинизма-сталинизма свою башню, за что, как и вавилоняне, были также наказаны. Но, убедившись в тщетности замысла, мы не разошлись благоразумно по домам, как это сделали наши библейские предшественники, а стали кто достраивать, кто перестраивать, а кто разрушать созданное, при этом воображая, что мы по-прежнему говорим на одном языке.

Это – жестокий самообман, который грозит нам возвратом в состояние первобытных племен с их междоусобицами. Поэтому восстановление общего языка – крайне актуальная и насущная задача. И прежде всего для деятелей культуры. Без ее разрешения невозможна никакая созидательная деятельность. Это особенно важно для мастеров слова, которым надо вернуть себе потерянный статут властителей дум и совести народа. Ведь "Слово бе Бог" – будь то православный или католический, иудейский и мусульманский.

Родина или "права человека"?

Ю. ЛАБАС

Начну со встречи, о которой мне напомнили недавние впечатляющие результаты выборов в Казахстане – 98,8% "за", совсем как в достославные былые времена!

Последние дни августа 1991 года. У входа в мой институт на ул. Вавилова ко мне обратился худощавый очкастый человек лет тридцати с тонким интеллигентным лицом монгольского типа:

– Простите, как мне проехать к Белому дому? Я в командировке, плохо ориентируюсь, но хотелось бы там побывать.

Отвечаю:

– Проехать можно так-то и так-то, но поздновато: баррикады уж, поди, разобраны, да и надписи стерты. Забавная там была одна: "совок умер", да и другие ничего. Над подземным переходом на Калининском проспекте, например: "краснопузые, трепещите!"

– Интересно. А я как раз хотел с людьми поговорить, которые там были в те три дня. Выходит, и вы?

– Да, был.

– Тогда скажите, только откровенно: зачем вы туда ходили?

– То есть как – "зачем"?

– Объясните мне, теперь уже иностранцу, что вашему сердцу ближе – Родина или "права человека"?

– По-моему, это взаимосвязано.

– Не согласен. Где есть эти "права", там нет сильной власти, которая может защитить интересы нации. Недаром этих прав никогда не было в России, а у нас и подавно.

- Где это "у нас"?

- Я физик из Алма-Аты. Участник событий 1986 года, о которых у вас никто ничего не знает. Был арестован, избит в милиции, долго болтался без работы. Сразу выгнали с пятого курса, перед самым дипломом. Да я еще легко отделался. Тогда у нас было то, что у вас сейчас, и все русские были против нас - и коммунисты, и демократы. Никто не заступился, даже ваш Сахаров. А ведь наших студенток и школьников избивали и насиловали русские милиционеры. И еще писали, что мы звери, мы дикари, мы националисты.

Всегда вы на нас смотрели сверху, считали за людей второго сорта. Особенно те русские, кто живут у нас. Здесь еще ничего. Но все равно за литовцев вы заступались, а за нас ни один русский не заступился. Вот еще и Солженицын ваш как нас обидел. А за что? Мы что - вас завоевали или, может, приглашали к себе, а теперь гоним? Правда, есть у нас районы, где ваших европейцев намного больше, чем казахов. Но земля-то все равно наша, и никто из нас их туда не звал. И Байконур мы не просили строить, и семипалатинский полигон. Это же геноцид нашего народа! Сколько там уродов родится! А с Аралом что сделали. Это же рядом с нами. Читали у Чингиза Айтматова "И дольше века длится день"?

Говорите, хоть и киргиз, а понял боль казахов? Это вы неверно сказали. Нет никаких киргизов, узбеков, казахов, татар, туркменов, турок, азербайджанцев, якутов. Все мы - и чуваша, и башкиры, и уйгуры, конечно, и те турки - наши братья, которые в Турции живут, - все мы одна великая тюркская нация. Из истории ведь известно, что было единое тюркское государство, еще до ислама, уже и письменность своя была. Потом вот раскололись. Но наши люди сейчас считают, что - временно. Слыхали: "Берлик" - единство? Там, вообще-то, демократы, но это - так, вообще, а единство - главное. У вас тут Назарбаева хвалят: умеренный, говорят, "демократ". Слава Аллаху, это не совсем так. Мы все за него. Когда идет борьба за выживание нации, права человека могут и обождать. У нас свои обычаи и традиции. Главное - род, семья, племя, кровные узы и уважение к старшим. Жить для своего рода - это долг каждого мужчины. И не оставляй родственника в нужде. Особенно - старика. Вот вы, европейцы, нет у вас уважения к старым. Люди без племени, без рода. Когда мы на алмаатинских улицах видим стариков-нищих - русских, украинцев, евреев, всяких там из Европы, - стыдно за вас! Позор! Сдают старых родителей в дом для престарелых. Ни один казах так низко не падет.

Словом, у вас чуждая нам культура. Нам с вами не по пути. Расстанемся по-хорошему и создадим свое великое государство. Все тюркские народы объединятся, включая татар, и крымских тоже, чувашей, башкир, якутов. Великий Туркестан! Вся Средняя Азия, кроме таджиков, Азербайджан. Турки уйдут из НАТО и присоединятся. Казахстан предоставит свой ядерный щит. Нам очень пригодится свое ядерное оружие.

- Ядерный щит? Батюшки-светы, а от кого?

- Наш исторический долг - освободить наших угнетенных братьев. В первую очередь - уйгуров. У турок ведь своего ядерного оружия нет. А великой державой без этого оружия не станешь. Мы им поможем.

Война нам, конечно, не нужна. Но нападают на слабых, а мы будем очень сильными.

Русскоязычных, спрашиваете? Нет, ничего плохого мы им не сделаем. Но, конечно, придется их попросить. Пусть уезжают к себе. Нам надо освободить место для уйгуров. Их может стать у нас за 1,5 миллиона, а селить пока нигде. Из Китая они бегут.

Спрашиваете, как же увязать: будем защищать, а принимаем эмигрантов? Это – сейчас, но есть и планы на будущее. Нашим детям, внукам предстоит долгая борьба. Вот евреи съехались в Палестину со всего света и создали там Израиль. Почему же и туркам нельзя собраться со всех сторон и основать свою единую страну? Одна земля – один хозяин. Глава правительства у нас – Старший аксакал. Что он скажет, то и надо делать. А если, как у вас, все пойдут рассуждать и спорить, – детям в наследство ничего не оставим. Нет у вас старых обычаев, традиций. Сами себя не уважают. Поэтому и правительству своему не доверяете и раньше не доверяли. Кто не уважает аксакалов, тот и себя не уважает. Вами мог управлять только Сталин, а после него все развалилось, и сами вы в этом виноваты. Вчера вот у вас смеялись над Брежневым, а сегодня смеетесь над Горбачевым. Завтра то же будет с Ельциным. А результат? "Права человека", а делается все хуже. Скажите, ну кому нужны эти права? Моих родителей, вернее, деда раскулачили, сослали ни за что. Помним, конечно, но кто виноват? Русские это все делали. Я уважаю христианство, но оно не мобилизует нацию, не объединяет людей. Вот, возьмите: грузины не помогают армянам. А мы, если надо будет, поможем Азербайджану. Вера ведь одна, и нация одна. Все мы – кровные братья и одной веры.

– А как же англосаксы? По-вашему, выходит – дураки? Почему австралийцы, новозеландцы, британцы, американские англосаксы, канадские не хотят объединиться в одну страну с одним вождем-отцом нации?

– Христианская культура в упадке. Великая, конечно, но уже пережила свой век и идет к закату. Вы труды Льва Гумилева читали? Где пассионарные народы, там будущее.

Тут уж я не выдержал, вспылел. Как же это, говорю, турки-месхетинцы, даже не шииты, не в пример азербайджанцам, а такие же сунниты, как узбеки. Не помогло. Что в Фергане творили! Резали, на кол сажали, заживо жгли, насиловали. Ни стариков не щадили, ни детей. А Россия приняла, спасла. А киргизы и узбеки в Оше – чем лучше? Опять детоубийства, пытки, издевательства над девушками. Даже кожу с живых людей сдирали. И ведь турки с турками! Где же ваше пресловутое "единство" тюркской нации? Где солидарность единоверцев?! Неужели вы – интеллигентный человек, физик, всё это всерьез? А этот ваш "главный аксакал" – как? Тоже, извините, носится с идеей пантюркизма?

Виджу: собеседник несколько растерян. Выстрел попал в цель.

– Президент? Не слышал, ничего не знаю. У нас, в отличие от русских, о больших людях не принято много говорить. Но молодежь наша, интеллигенция, уважаемые старики... все так думаем. Обсуж-

даем. Спорим, учим нашу историю. То, о чем вы говорите, – беды от вашего русского влияния. Люди потеряли веру отцов, забыли обычаи своего народа, пьют водку, хотя это мусульманам строго запрещено. Вернется наша старая культура – вернется и общетюркское национальное чувство.

– А арабы? Их, простите, тоже развратили русские? Что Саддам творил в Кувейте и со своими же шиитами! А ливанцы и палестинцы уж который год воюют друг с другом...

– И у них есть причины. Их долго растлевал Запад. Наш народ от природы солидарнее и намного мудрей. Не суетимся, не спешим... Впрочем, пожалуй, я увлекся. Точка зрения ведь общая, а не лично моя, вернее, скажу, – моя, но не совсем. Конечно, понимаю, мой долг жить и умереть для нации. Но все-таки я физик, привык к логическому мышлению.

Мой собеседник неожиданно изменил тон.

– Не поверите, а мои любимые писатели: Достоевский, Толстой, все – ваши. И "Доктора Живаго" люблю. Как хорошо Пастернак написал, что главное все-таки – личность, человек. Даже я, не русский, ощутил, как постепенно в романе меняется язык. После революции он делается – как бы это сказать? – как у ваших хулиганов и бюрократов. Что к этому привело? Культура – от слова "культ". Русских загубило безбожие. Нас тоже оно губит, и зря это я спорил. Читаю хорошую книгу, всегда думаю: а может быть, главное все-таки не государство, держава, а человек, его внутренний мир? Физика мешает. Ведь о науке я только по-русски думать умею, мешаю русские слова с английскими. В такие минуты я забываю, что я казах, человек – и всё.

Брат у меня в Германии. Жена у него – поволжская немка. Дети учатся там, забыли и казахский, и русский. Брату пишу по-казахски: тебе не горько, что дети отреклись от языка и веры отцов и еще в такое время? А он мне отвечает, что живет там ради семьи и никогда не вернется. А вот уже полгода и писем нет. Он у нас был старший. Нас-то всего семеро, братьев и сестер...

Рассказываю по этому поводу алмаатинцу про беседу, которая была у меня в авиалайнере Будапешт – Мюнхен в 1989 году. Летел я на научную конференцию. Соседями по креслу оказались два чем-то очень озабоченных немца. Оживленно и раздраженно что-то обсуждали. Затем вдруг один обратился ко мне:

– Прошу прощения, откуда вы летите?

– Из Советского Союза.

– А, из этих бесчисленных "эксилянтов" (беженцев, разговор велся по-немецки).

– Почему же, – возразил я цитатой из "Двух гренадеров" Г. Гейне: – "И я б согласился здесь помереть, на родину не вернуться, но дома – дети и жена: они без меня загнутся".

Посмеялись.

– А мы – эксиланты.

– Откуда же?

– Из Польши.

– Нех в таком разе бендзем дале размувлять по-польски?

- Забыли, не умеем, нас увезли детьми.
- То есть как "забыли"? Родной язык!
- А с какой стати мне, если я не филолог, а архитектор, и живу в Германии, следует учить язык маленького и бесперспективного народа?

- То есть как так "маленького и бесперспективного"? Язык Коперника, Шопена, Мицкевича, Галчинского, нынешнего Папы, наконец?!

- Позвольте, - высокомерно прервал меня архитектор, - какое это все имеет значение? Немецкий мы учили в школе, живем здесь, но и это совершенно неважно. Главное: я прекрасно владею английским. Это - мой язык, и с ним нигде не пропадешь, везде я с ним дома. И в Польше той же, и в вашей стране. Пять лет отработал по контракту в Китае. Там вот наслушался: "У нас древняя, многотысячелетняя культура". Чуть что, сразу про это. А хвастались-то, между прочим, малокультурные людишки. О собственной своей культуре и истории они знали куда меньше меня, хотя я литературу о Китае читал, разумеется, по-английски.

Ученые доказали: всей мировой цивилизации скоро конец. Лет еще 30-40 протянем, не больше. А там всех нас погубит мировая экологическая катастрофа. Это - в самом лучшем случае, если с Востока не придет война. Всему человечеству грозит полное уничтожение, если не объединимся. А объединиться сможем только, если ликвидируем языковые барьеры. Истории было угодно, чтобы новым мировым языком стал именно английский, а никакой другой. Все малые народы - бесперспективны. Средние - тоже. Время такое. Этот ваш СССР выбрал подходящее время, чтобы расколоться на мелкие передравшиеся кусочки! Как раз сейчас, когда все цивилизованные народы стремятся ради своего выживания к полному единству. Опять вы с вашими дрязгами путаетесь в ногах мировой цивилизации. Все соцветится из-за вас и других, вам подобных, на Востоке и на Юге.

Я, конечно, не согласился. О мировом языке, пожалуй, просто вздор. Надо помнить свой, но знать чужие, а тем более, поляку. Однако спорить не стал. Моя профессия - биология. В том, что мировая цивилизация при нашем теперешнем отношении к природе не протянет и нескольких десятков лет, мой случайный попутчик, к сожалению, был абсолютно прав. Пожалуй, уже сейчас дела обстоят еще хуже, чем он полагал. И не только у нас в стране, но и на Западе.

Рассказ мой окончательно расстроил алмаатинского физика.

- Боюсь, что и мой брат уже стал таким, как эти люди, не уважающие свой народ.

На этом распрощались. Мой собеседник уезжал в Петербург, расспросил, как проехать там к мечети. А я припомнил еще одну встречу.

1988 год. Научная конференция в Тбилиси. В гостинице меня и одного моего московского коллегу отыскал директор большой тбилисской фабрики по производству никелированной аппаратуры - "не существенно, какой". Требовалась консультация по технике измерения концентрации тяжелых металлов в сливных водах предприятия. Вопрос чрезвычайно важный с экологической точки зрения. Мы на

директорской машине съездили на фабрику, поговорили с инженерами, посмотрели импортную технику и собрались восвояси. На обратном пути директор, который отпустил шофера и сам вел машину, вдруг произнес такую речь.

– Послушайте! Что натворили с нами и с вами "инженеры человеческих душ"! Сперва на съезде писателей СССР ваши так наплевали в душу нашим, что тем пришлось покинуть съезд и вернуться в Грузию. Теперь это нам "отплевывается" здесь. Дочь вот пришлось забрать из русской школы. Говорят, обучать ребенка русскому языку – это национальная измена. Требуют, чтобы наши физики, биологи, химики публиковали свои труды по-грузински, без русского перевода, словно по-грузински кто-то будет это все читать, кроме самого автора. Тем, кто пробует возражать, суют в нос ваши журналы "Наш современник", "Молодая гвардия" и какие там еще, не помню. Вот, кричат, видите, как эти русские колонизаторы относятся к великому грузинскому народу? За людей нас не считают. Для них мы скоты, животные. И пишут про нас такое, пожив здесь, попользовавшись нашим гостеприимством, вы же знаете, людей культуры из России у нас всегда хорошо принимали, повсюду возили, ни в чем не отказывали. А они, видите, как...

Это было еще в доисторические времена, до Гамсахурдии, даже до 9-го апреля. По улице бежала веселая толпа усатых молодых людей и девиц в джинсах, несли грузинский флаг. "Это они чего?" – удивился мой московский коллега.

– Ничего. Просто хотят от вас отделиться. И мы бы охотно отделились, если бы знали, от кого! – воскликнул он.

Мои тбилисские друзья напугали меня в тот последний приезд, выставив на стол явно опасное для моей жизни количество яств и бутылок... Теперь уже год никому туда не пишу и не звоню. Боюсь повредить: "переписка с заграницей", "связь с русскими", "рука Москвы", "агенты Кремля". Оттуда тоже ничего не приходит. Теперь это уже, наверное, надолго. Или навсегда. Слыхал, "врагом грузинского народа" и "агентом Кремля" объявлен даже Тенгиз Абуладзе, создатель фильма "Покаяние". Как писал я в своей прошлой статье, этот фильм у нас скоро, чего доброго, станет "Воспоминанием о будущем"...

Такие вот невеселые воспоминания "по национальному вопросу". А выводы? Если бы я мог их сформулировать! Пусть уж читатель сам...

Наш общий враг – недобитые коммунистические структуры

В последнее время ситуация в республике резко обострилась. Национальная тема заслоняет насущные проблемы жизни. К сожалению, под влиянием национал-большевистской пропаганды некоторая часть татар стала ощущать себя угнетенной нацией. Хотелось бы напомнить деятелям ТОЦ и Иттифака, что существует три признака колониального состояния:

1. Неравенство в законе.

2. Неравная оплата за равный труд.

3. Подавление национальной культуры.

Как видно по первым двум признакам, татары вряд ли в чем отличаются от любой другой нации России. Мы все живем под одним беззаконием и все получаем равные гроши. Что же до третьего признака, то у русских не меньше оснований говорить о подавлении национальной культуры.

Когда приходится слышать, что Россия всегда угнетала Татарию, необходимо вспомнить время свободной добольшевистской России. Тогда татары уверенно занимали первое место по уровню грамотности, имели десятки газет и журналов, оказывали серьезное культурное влияние на среднеазиатские народы. Религиозная жизнь не имела ограничений. Вряд ли в то время татары, имея все права граждан великой страны, хотели бы выйти из России.

Читая программу ТОЦ, можно найти много забавных вещей. Например: "Татарстан должен заключить с Россией двусторонний политический и экономический договор... без передачи каких-либо полномочий России". Насколько известно из истории, невозможна политическая независимость государства от государства, полностью окружающего его. Как следует понимать – "без передачи каких-либо полномочий России"? Оборона, транспорт, энергетика, иностранные дела – все свое?

А новые посты, вероятно, поровну поделят коммунисты и националисты? Как совместить программное требование обеспечить общенациональный суверенитет татар в новых политических и экономических условиях с заверениями о национальном равенстве? Совершенно непонятно, в чем идеологи ТОЦ усмотрели новые политические и экономические условия в республике? В прекраснорусской и пустой декларации или в захвате предприятий республики партийной номенклатурой? И не следует ли ожидать, что за общенациональным суверенитетом татар последует общенациональный суверенитет русских, которые почти не уступают в численности?

НТС видит Россию как свободное сообщество свободных людей. Вопрос национальности в России не может быть сопрягаем с какими-либо политическими или экономическими требованиями. Сам же национальный вопрос может быть решен лишь после устранения номенклатурной мафии от власти.

Сейчас нам необходимы общедемократические преобразования. Решительно прервать перестройку экономики в выгодном для номенклатуры направлении и провести разгосударствление и приватизацию собственности в интересах трудящихся, осуществить реальное разделение властей, прекратить нагнетание национальной истерии.

У всех нас – и татар и русских – общий враг – недобитые и очень сильные коммунистические структуры во всех сферах. С этим врагом, какую бы национальную окраску он ни принимал, мы и призываем бороться.

М. Нуруллин

*председатель Казанской организации НТС
(Газета "Казанский телеграф", 20.11.1991)*

Записки из курской глубинки

Геннадий АЛЕКСАНДРОВ

Небывалая политизация масс захватила и курскую деревню. И возле магазина, в очередях за хлебом, и около сельсовета, и вечером у крылечка – всюду можно услышать разговоры о политике. О "внешней" крестьяне не толкуют, зато о "внутренней" – все мастаки посулить. И правда, какой резон русскому мужику толковать о Югославии, если близко – свой Кавказ? Зачем нам проблемы румын, если сами в своих заплутались?

С апреля 1985 года в течение пяти лет главным действующим лицом мужицких споров-разговоров был М. Горбачев. Пьющую "во всю Ивановскую" курскую деревню не так обрадовали его встречи с Рейганом и Тэтчер, как поразил в самое сердце противоалкогольный указ. "Против того, что тешило, того, что веселило..."

Сагитированные глупцы понесли добровольно сдавать самогонные аппараты, давая шанс участковым милиционерам заработать повышение по службе; сухо зашумели "безалкогольные" свадьбы с самоварами и чайниками, из которых почему-то не струился парок...

Наивные, верящие по своей "святой простоте" люди, конечно, находились, но подавляющее большинство насмешничало над такими спектаклями. Сохранилась частушка:

*Сдал в милицию Кондрат
Самогонный аппарат.
А жене сказал: "Не ной!
Есть один – зачем другой?"*

Умудренные сталинским опытом репрессий работники сельсоветов и милиционеры пошли с так называемыми "самогонными рейдами" (а по-настоящему – с обысками) по всей деревне, минуя дома местных начальников, заранее записанных в трезвенники. В сельские магазины перестали завозить водку, а если и "бросали" несколько ящиков один раз в месяц в какую-либо деревеньку, туда совершалось настоящее паломничество со всего района и даже из соседней Орловской области. Сельмаги трещали от многолюдной осады, но и здесь мало что доставалось крестьянам, хотя им без водки туго: никто не вспашет, не посеет. "Водка – первый казначей", говорят мужики. Приезжали на машинах представители райкома КПСС, райисполкома, милиции и увозили с собой большую часть "огнеопасного" товара. Ясно, что не выливали в речку: это же не брага, а законная, с завода.

Одно дело, когда аппаратчики пользуются такими благами, как ежегодные санаторные путевки, внеочередное приобретение автомобилей, заграничной мебели и т. п. Это всегда, вызывало, конечно, недобрую усмешку крестьян, но далеко не каждый из них сам хотел ехать в Сочи или ставить в свой скромный домик мягкие кресла за несколько тысяч рублей. Табу на водку вызвало всеобщее негодова-

ние. Выходило так, что право свободно приобретать ее и пить имели те же аппаратчики, которые выступали за трезвый образ жизни.

Крестьянам недосуг разбираться, кто придумал указ, кто его подписал – Лигачев ли, Соломенцев ли. Раз во главе страны Михаил Горбачев, – стало быть, виновник он. И в этом их правда.

Все меньше товаров появлялось на прилавках сельских магазинов, всё никчемней становился рубль. А по радио, по телевидению завораживал глава страны, в его темных глазах, налитых гипнотической силой (куда там Кашпировскому!), царило убеждение: товарищи, перестройка набирает темпы, идет, как мы предполагали!..

Помните, как менялся взгляд на Манилова? Сначала: ой, какой душка! Затем – недоумение. И окончательно – это черт знает что такое!

Крестьяне вовсе перестали слушать речи главы государства, и сначала шепотом, а потом и во весь голос посыпались на его голову проклятия. "Говорят, в Священном Писании сказано: и будет последний царь прозваньем Михаил Меченый", – заговорили старушки. Уверял их михайловский священник о. Михаил, что нет такого в Библии. Кивали старушки, но губы поджимали: мол, слух без доли правды не выходит.

Вообще-то на руководителей СССР русский крестьянин смотрит не так, как когда-то на царя-помазанника Божьего. Для него что председатель колхоза, что секретарь райкома, что генсек – начальство, одно повыше, другое пониже. И если председатель колхоза ворует наглядно (то колхозную картошку в Донбасс отвезет, а деньги на свой счет положит, то бычков на падёж спишет), это мужику понятно. Все знают, какое начальство приезжает за бесплатным мясом, мёдом и зерном: у каждого руководителя района есть "свой", "базовый" колхоз. Но если на местах секретари столько берут, то сколько же благ от народа имеют государственные мужи и партийные бонзы?!

Кто они такие? Чай, не дворяне, не династия Романовых, а бывшие холопы, пролезшие наверх не делом, а словами. Это безграничное воровство людей, которые сами ничего не производят, для русского мужика обиднее всего. Поэтому он возмущен пятитысячным окладом Президента, зная, что и так его не обижает государство; поэтому русская крестьянка усмехается недобро, видя разные – по несколько раз в день! – наряды Раисы Максимовны. Они уже не любимы русским крестьянином, как давно презираемы и местные аппаратчики.

И однако вплоть до 1990 года крестьянин безропотно голосовал за них на всевозможных выборах. Да еще с этакой холопской радостью! Почему же так происходило?

Ну, ладно, раньше, до 1987 года, у русских людей не было выбора за кого голосовать. Список депутатов составляли наверху, конкурентов не имелось, а если даже не пойдет крестьянин на избирательный участок, то за него члены комиссии бросят бюллетень в урну. Но времена изменились, а крестьянин по-прежнему голосовал за партийных секретарей, ни на грош им не веря, презирая их как трутней, сидящих на худющей шее русского мужика.

Здесь никакого парадокса нет. Когда-то Николай Алексеевич Некрасов в "Железной дороге" показал картинку светлой жизни строите-

лей, когда они, завидя бочку вина, забывают все обиды на подрядчика, усаживают его на свои шеи и везут под довольный хохот начальства. Расскажу то, что видел в 1989 году.

В Дом культуры села Троицкое приезжали выступать перед избирателями два кандидата в депутаты облсовета – Кабанов и Шелестов. И один, и другой – коммунисты. Первый проработал до сих пор в колхозе, второй же – секретарь райкома. Между собой колхозники сговаривались, что будут голосовать за Кабанова, поскольку секретарь был уже депутатом раньше и почти ничего для деревни, для народа не сделал. Кабанов приехал и поговорил лишь с немногими жителями Троицкого (местные власти не собирали народ), а к приезду Шелестова доставили людей из соседних деревень, заказали автолавку: знали, что для крестьянина автомагазин – всегда праздник.

Доверенным лицом у Шелестова был председатель колхоза Котов. Сам Котов баллотировался в районный совет депутатов, и доверенным лицом его был Шелестов. Чем не кукушка и петух!

Бедный крестьянин, который в последние месяцы видел в сельмаге лишь хлеб, соль, спички и комбижир, стал полностью за секретаря райкома партии. Во-первых, тот "привез" автолавку, и избиратели ощущали приятную тяжесть от сеток с булками, бубликами и лимонадом. Во-вторых, попробуй-ка проголосуй против: за секретаря – сам председатель, а с тем бригадиры, агрономы, зоотехники. Проголосуешь против – не наш человек, себе на уме! И хоть с тяпкой в поле или на тракторе, но думаешь о карьере начальника. Да только наряды будет закрывать окружение председателя, и сколько зерна, комбикорма получишь – зависит от них. Это в городах народ более независимый, а в деревне все повязаны друг с дружкой.

Нашелся, правда, один строптивый мужик, старый правдолюб. Как А. Д. Сахаров перед улюлюкающими коммунистами, он стоял на трибуне перед своими земляками и, покрывая их негодующие выкрики, сообщал: столько-то у людей украл председатель колхоза, столько-то увез от них секретарь райкома. Не послушали его крестьяне, выдвинули в депутаты и Шелестова, и Котова...

Прошло два года. Обрел силу Ельцин, в районном городе Железнодорожке объявились демократы, монархисты, "зеленые". Посыпались из внутренних карманов на парткомовские столы коммунистические билеты. С товарами стало worse. Открыто заговорили и газеты, и радио о вине КПСС перед народом. Попал под следствие председатель Котов, перестал навещаться в колхоз секретарь райкома.

Перед выборами президента России собрало районное начальство председателей сельских советов, а к директорам школ на совещание явился Шелестов. Советовали отдать предпочтение Н. И. Рыжкову и разъяснять об этом массам. Однако нет уже того, всеобщего послушания. Выпорхнула на трибуну инспектор районного отдела народного образования, заявила: "Я предлагаю агитировать за Ельцина. Зачем нам разваливший страну и большой экспремьер?". И – ничего, смолчало руководство. В соседнем Фатежском районе коммунисты вели фронтальную пропаганду за Рыжкова, даже обещали крестьянам побольше зерна выписать. Крестьяне соглашались – как же, зерно! – но все равно большинством проголосовали за Ельцина.

Многие коммунисты-крестьяне в курских деревнях не платят членских взносов, помалкивают о своей принадлежности к КПСС. Хотя билетов пока не бросают: а вдруг еще все переменится и пойдет по старому руслу?

Русский мужик вынужден быть осторожным – судьбина научила. Но разговоры все громче.

От какого такого народа выступили "правдолюбцы" Бондарев, Распутин, Громов, Стародубцев и другие с осуждением Указа о департизации? Да крестьянин всегда ненавидел болтунов-тунеядцев, которые, прикрываясь высокими идеями, грабили его. Ненавидел, но боялся. У них ведь были тюрьмы, лагеря, а у крестьян – одни мозоли.

С Курской областью связаны биографии многих видных коммунистов: Артема, Хрущева, Кулакова, Брежнева, недавнего лидера партии Полозкова, Руцкого. Но в последнее время все труднее становится коммунистам пробираться к власти – не только в верхних эшелонах, но и на местах. Вот уже изворотливые деятели запретили указывать в сведениях о кандидатах в депутаты их партийность: ведь трудовой народ, прочитав "член КПСС", сразу вычеркивает фамилию. Хитрят коммунисты, лгут, маскируются. Но с каждым годом им труднее, и, думается, в близком будущем они потеряют даже тех избирателей, которые им верили.

Настал момент, когда надо гнать райкомовцев на производство: пусть подтверждают свои идеи на практике. Таков нынче прямой взгляд крестьянина. "Пусть проголосуют коммунисты за референдум – нужны народу райкомы и парткомы или нет. Не пойдут на это, побоятся. Они знают, что народ проголосует против", – сказал мне старый член партии, бывший в Великую Отечественную политруком. Раз уж такие люди не доверяют родной КПСС, что говорить о рядовых крестьянах! Да, поменялось времячко...

*

Когда-то, в кажущиеся теперь стародавними брежневские времена, в телепрограмме "Время" дали выступить народному академику Терентию Мальцеву. Умный старик говорил что-то об агротехнике и вдруг, после небольшой паузы, произнес с заметной горечью: "Я должен сказать, что потеряла русская деревня хозяина..." Мгновенно академик исчез с телеэкрана, и обрывок фразы затрепетал в воздухе, как оторванное крылышко птицы-Правды. О каком хозяине говорил он? Признаюсь, что как и многие другие, подумал тогда о нерадивых председателях колхозов, о нерачительном районном начальстве. Но сейчас уверен: Мальцев говорил прежде всего о самом крестьянине.

Именно он, русский трудящийся мужик, перестал быть хозяином. Упали с воза на дорогу охапки соломы – Бог с ними, ветер разнесет по полю. Подыхают колхозные поросята без прививок, – небось не свои, спишутся. Для собственной коровы крестьянин солому не повезет, разве что на подстилку. Он ей летом духмяного сена заготовил вдоволь, а колхозные перебьются и хвоей, и лозняком, и безвкусной соломой. И поросят своих крестьянин вовремя подложит, сделает прививки ото всех зараз – себе же на стол, а не в Москву, начальству на балконы.

Но вот что я заметил: чем побогаче был колхоз, тем покрепче выглядели домашние хозяйства. То есть, если какой-то энтузиазм теплился у крестьян в колхозных делах, он с удвоенной энергией проявлялся и дома. Вспомним, что в "Мертвых душах" Гоголя у крестьян Собакевича дома крепкие, ладные, а в деревне Плюшкина — худые, залатанные. Только ли дело в скупости последнего? Нет, вряд ли и Собакевич легко расставался со своим добром, давая его крестьянам. Но он хоть что-то давал, и крестьяне знали, что даст, поэтому и был у них порыв к работе. Плюшкин ничего не давал, — и на него работали нехотя, спустя рукава. Такое отношение к труду развращает.

Нельзя ежедневно работать "на дядю" и на себя по-разному. Крестьянин перестал работать по-хозяйски в колхозе и, как следствие, у себя дома тоже. Это может показаться удивительным, но и в наше время в курских деревнях есть дома с земляными полами, есть такие развалюхи, что только подпорки удерживают потолок. Вот, к примеру, живет в селе Троицком семья доярки Анпиловой. Сама хозяйка была когда-то в передовых колхозницах, подарок ей выдали, приняли в партию. Стала общественницей, заседала в разных комитетах и советах. У Анпиловой два сына после армии, дочь заканчивает школу, муж трудится — то есть крепкая по возможностям семья, по крайней мере сейчас. Но домик их врос по окна в землю, пол наполовину земляной, кое-где начали доски гнить, да бросили. Колхоз мог бы помочь лесом, дать машину, но хозяйка сама не очень-то желают. Зачем? Живут — и ладно, как-нибудь проживут. Развратил их колхоз.

Редко кто является настоящим хозяином на своем подворье. Обычно это те крестьяне, у которых техника в руках: машина, трактор. И конечно, настоящие хозяева — колхозное начальство. Если шофера и трактористы приворовывают ночью, то начальство и днем распоряжается: "Знаешь, Николай, смотайся на зерносклад за ячменем. Я Пал Филиппычу записку напишу на четверть тонны". У кого больше возможности украсть, тот и хозяин.

Вообще без воровства в нынешней русской деревне не проживешь. Про начальство уже говорено, оно всегда успевает. Осуждать же рядовых крестьян за то, что растаскивают, рука не поднимается. Зерно на складах гниет; сахар на заводах пропадает, вовремя не вывозится; поля с капустой, помидорами перепаживают... Пусть пропадает, гниет, лишь бы крестьянам не досталось. Бедными да униженными легче управлять. Вот и ворует крестьянин, приноравливая свой изворотливый ум и к плодам, и к лесу, и к какой-нибудь железяке.

Как-то в селе Старый Бузец решили вопрос на собрании: кого назначить сторожем на зерносклад. "Ермаков, ты будешь", — сказал бригадир. — "Нет! Никогда!" — запротестовал Ермаков. — "Тогда ты, Широченко..." — "Да ни за что на свете!" Так бригадир всех мужиков поднял — и никто не согласился в сторожа идти, все отчаянно отбрыкивались от этой должности. Зато, когда колхозник Бирюков поднялся и предложил: "А давайте мы все по очереди посторожим, день — Иван, другой — Васёк, третий — Федька, и дальше по кругу", — вот тогда крестьяне оживились. И враз вопрос решился единогласно. Присутствовавший на этом собрании журналист районной газеты спросил у одного из мужиков, почему те рады сторожить по очереди.

"Понимаешь, милый, если меня одного, скажем, поставят сторожем, то ко мне каждую ночь будут ходить и Глашка, и Машка, и Титок, и Никишок... Не дам зерна - обидятся навек, угрожу всем - в тюрьму могу попасть. Зачем такая каторга? Зато теперь, когда по очереди, Ванька нынче сторожит - к нему его родня идет, набирает хоть ржи, хоть пшеницы; завтра к Федьке идет Федькина родня... Выходит, что берут все, а никто не отвечает. Так-то".

Есть ли будущее у колхозов? Нет. Во всяком случае у курских. Почти все они убыточные, с миллионными долгами. От "прелестей" колхозной жизни люди разбежались, а оставшиеся - развратились, вся надежда на помощь горожан. Если наступят рыночные отношения, пора колхозной системе заказывать реквием. Своих сил не хватит, а фабрики и заводы просто так, по дешевке, не станут помогать. Опять в долги залезут колхозы, но их больше не простят, распродадут "с молотка". Приватизация уже объявлена.

Сколько лет политики спорят: отдавать землю крестьянам или продавать? Только не интересуются: будут ли ее брать крестьяне или нет. Развращены они, не верят ни во что. И зачем им гнуть горб над гектарами картофеля? Ну, продаст урожай мужик, выручит тысячу пять рублей. Ан покупать на эти деньги нечего, магазины пусты.

Вот Дарья спину надломила в коровнике, в сорок лет старухой выглядит. Получила премию, раскинула мозгами, что купить: рубль - то быстро дешевле, нынче рубль, а завтра - гривенник. Ни телевизора в продаже, ни пылесоса, ни даже каких-либо тапочек - пусто! А тут очередь на ковер подошла. Не пропадать же деньгам! Купила тот ковер, две тысячи рублей спустила. Прибили его дети гвоздями к глинобитной стенке. И хоть почернел от пыли - от печки одной сколько летит! -, все равно глаз радует. Красный, как флаг, словно призывает: гни спину Дарья и дальше. Может, к пенсии еще один такой купишь!

Перед выборами российского президента коммунисты пугали крестьян: "Вам Ельцин возвратит капитализм. Будете работать на помещиков и кулаков, как ваши прадеды!". А мужики соберутся за поллитрой и по-своему толкуют: "Деды говорили, что при помещиках по две лошади, по три коровы имели. У кого крупорушка, у кого маслобойка, кто трудился, конечно, не прощелыжничал. Тунеядцы были голытьбой. Завидовали богатым и вместо того, чтобы работать, ячейки организовывали. На хорошего хозяина не грех и потрудиться. Он один - нас семеро работников. Так он и сам какой работник! Зато сейчас один крестьянин двух начальников кормит. А за что?".

Ностальгия по прошлому понятна, она всегда не от хорошей жизни. Поэтому крестьяне могут идеализировать далеко не идеальную до-революционную жизнь. Но всё же...

Горожане мечтают о зарубежной жизни, колхозник - о городской, и никто - о колхозной. Да, развратился крестьянин. Сколько вытравили в нем желание трудиться на себя, на людей, отбирали живность, загоняли в колхозы, платили палочками - пора бы мужику и свалиться от такой счастливой жизни. Вот он и бросил трудиться от зари до зари, запил во все колокола и колокольчики, и баба с ним запила. Но все еще теплится в русском мужике мечта зажить хорошо, по-человечески. И дай ему Господь эту мечту исполнить.

Сами русские сложили о себе такое мнение, будто они гостеприимнее и миролюбивее всех по отношению к другим национальностям. Это выдумка русофилов. Ни больше, ни меньше других. Поволжские немцы обижаются, что их, мягко говоря, укоряют за национальность. Вечно гонимые евреи утверждают, что русский антисемитизм похлеще, чем в других странах. К иностранцам мы всегда относились с почтением – к европейцам, американцам, даже к неграм из Африки. Косо поглядываем, может быть, лишь на поляков: корни этого отношения находятся в истории, начиная с XVII века.

Для курского крестьянина, как и для любого другого земледельца, главное в человеке не национальность, а образ жизни. Однако он видит и много общего в представителях других народов, и вольно или невольно у крестьянина складывается в воображении единый образ этой национальности. Курские крестьяне лучше всего знакомы с украинцами и армянами, "где хохол прошел, армяну делать нечего" – частенько говорят мужики. В других местностях вместо "армяна" упоминается еврей, однако к сынам Израиля в курских селах равнодушны: их там нет, не их стихия сельское хозяйство.

Украинцы – другое дело. Многие из них живут в курских деревнях, сама область граничит с Украиной. Если определять, за что любит русский мужик "хохла", за что недолюбливает, то в общем можно сказать так: нравится ему дружелюбие, доброта малороссиян, не нравится изворотливость, жадность. Живут украинцы с русскими мирно, тянут одну тяжелую лямку на земле. Украинцы водку меньше пьют, возле начальства лжются, с хозяйством больше возятся – вот и побогаче чуток, нежели русские. Прямодушному курскому мужику, в меньшей мере хозяину, чем критику, досадно иногда бывает, что он на своей земле такого урожая не имеет, как сосед "хохол". Поворчит, поворчит, но в душе уважение имеет к трудящемуся человеку: сам начинает перенимать от украинца лучшее.

С армянами отношения сложнее. Если какой-либо армянин поселился в деревне, взял в жены русскую женщину, нарожали они ребятшек, развели хозяйство – крестьяне настолько привыкают к "нацмену", что он числится в лучших мужиках деревни: "живой, работающий, щедрый". Совсем другое дело те армяне, какие на базаре торгуют. Их курский мужик презирает, обзывает различными прозвищами: "черные", "грачи". За то не любит крестьянин "армяна", что всюду доступ есть базарному человеку – в гостиницу, к дефицитам, к билетной кассе. Деньги-то у него бешеные, не заработанные горбом. Не любят у нас армян и за наглость: они пристают к женщинам, считая, что каждую могут купить, часто бывают зачинщиками драк в районных городках. Уверены, что ото всего откупятся и купят вся и всех. И, к сожалению, частенько доказывают свою правоту.

Особенно обозлило курян появление "грачей" на базарах во время страшного землетрясения в Армении. Все люди, даже самые бедные, отрывали рубли от зарплат, а "нацмены" продолжали обирать сочувствующих россиян. В ту пору дело до драк доходило. На курских базарах случалось видеть табличку возле кавказского торговца: "Я грузин".

Еще злость накопилась оттого, что гибнут русские ребята, разнимая армян и азербайджанцев. И недосуг опять-таки крестьянину, что винить надо посылающих на бойню. Много зла у курских мужиков на армян скопилось. Не дай Бог случится крепкая заварушка там, в Армении, и погибнут русские солдаты большим числом... Отыграются куряне на базарных армянах.

Когда обсуждали Закон об инвестициях, коммунисты продолжали пугать колхозников: "Вот придет какой-нибудь немец здесь хозяйствовать, тогда попляшете". А курскому крестьянину теперь все равно – немец ли, француз ли. Был бы хозяин, чтобы народ кормил, снабжал товарами. Надоела наша русская безалаберность, бесхозяйственность. А что немец – не беда. И Петр Первый иностранцев звал, и Рюрика приглашали. "Ох, раньше к нам в Михайловку, на ярмонки чего только не везли! Даже иностранцы заезжали. Что говорить! Китайцев после смерти Сталина пускали торговать фонариками, термосами, шелком. А нынче сами ничего не производим и других не пускаем наладить хозяйство, как собака на сене!" – толкуют мужики. Многого не понимают: куда приведет инфляция, как проходить таможенно, как конвертировать рубль. Но знают: дальше нельзя жить так бедно, замкнуто, бессильно, просить, как подавния, помощи у заграницы и в то же время "не пущать" иностранных торговцев, видя во всех "мериканских шпиёнов".

*

Доводилось ли вам слышать такое выражение – "окультуривание масс"? Мне, например, доводилось. Что-то есть схожее у этого словосочетания с такими, как "опыление растений", "осеменение скота"... Более казенно не скажешь. Десятками тысяч сыпались рубли на крестьянина, не подозревавшего, что его "окультуривают". Неблагодарный мужик кивает в сторону клубных работников: вот, дескать, тунеядцы! Замах культурной программой был рублевый, а результат – копеечный. Почти в каждой курской деревне выстроены добротные Дома культуры, предназначенные, по-видимому, заменить церкви – Храмы Господни. Но если в сохранившихся церквях в праздники приходит много людшка, то Дома культуры редко увидишь заполненными хотя бы на треть. За показ фильма киномеханик собирает от силы пять-десять рублей. На редких концертах художественной самодеятельности соберется человек тридцать – и то прекрасно. Именистые артисты сюда вовсе не приезжают: зачем терпеть убытки?

Каждый год на ремонт, отопление пустых залов уходят тысячи рублей. Должен, вроде бы, "окультуриться" крестьянин, – ан нет, не получается. Соберут, бывало, к празднику Победы бывших фронтовиков, начальство их поздравит, школьники песни споют. А некультурный мужичок-освободитель, увешанный орденами, вдруг воскликнет, показывая в сторону сельмага: "Хоть бы к празднику винца завезли, чтоб мы могли по чарке за Победу..." Скривится ведущий, снисходительно улыбнется: что с "темноты" возмемшь! И начинаешь втолковывать ветеранам, будто не в чарке счастье.

В чем же оно? В автобусной давке, где тот сидит, кто посильней, а калек, детей вроде бы не замечает? Или в очередях за "ржавой" се-

ледкой, которую "по случаю" завезли раз в год в сельмаг? Или в больнице, где в равнодушных взглядах медиков читаешь о своей никчемности? Хорошо говорить о высокой культуре, об этике в обществе, где не надо каждый день ломать себе голову, где взять хлеба, чем кормить семью, живность. При изобилии материальных ценностей и социальной защищенности люди, несомненно, культурнее, добрее, чем в обществе, где всё надо добывать чуть ли не кулаками.

Во всех выступлениях в годовщины октябрьского переворота, на первомайских митингах, в дни Победы и даже в праздники 8 марта, на школьных сборах, на вечерах в Домах культуры, по радио, телевидению все от мала до велика должны были выслушивать и повторять, как заклинание, что они – самые счастливые люди на свете, потому как живут в свободной стране и имеют земные блага чуть ли не задаром. Каждый концерт начинался с песен о Ленине, о партии, а если в клубе не было баяниста (гармонист ведь не сыграет "патриотику"), то в грамзаписи звучал бычий голос Артура Эйзена: "Ленин всегда живой". Не так давно самым популярным у сценических чтецов было стихотворение "Коммунизм" Н. Доризо:

"Коммунизм – это правда твоя, человек!

Коммунизм – это счастье твое, человек!

Будь же счастлив навек, человек!"

Такое "искусство" никого не радовало – ни артистов, ни публику, но было обязательным. Песни – соцпатриотические, спектакли тоже, даже сатира, если звучала со сцены, никого не тревожила конкретно. Крестьянин жил с неверием в душе, с таким же неверием выступали артисты. Холодность пришла в сельские клубы не только в сильные морозы, но и с пустотой марионеточной культуры.

Сегодня работники культуры на селе пытаются "перестроиться", организовывать массовые мероприятия в истинно народные праздники: на Троицу, на масленицу, в рождественские дни. Но мероприятие – это еще не праздники. Тяжело, со скрипом откликаются на них люди. Робко возрождаются старинные игры, достают деревенские старухи из сундуков панёвы, открываются калашные ряды (уже с кваском и водочкой). Да только происходит это два-три раза в год и лишь по клубному сценарию: сам раскрепоститься народ еще не может, не чувствует пока свободы.

Еще на многих площадях, у многих клубов и колхозных контор ржавеют мощные металлические щиты, на которых масляными красками разрисованные мускулистые колхозники и грудастые колхозницы, светясь улыбками, восклицают о счастье в родном селе...

Смотрят на эти облупившиеся плакаты "последние могики" курской деревни, вспоминают недавнее и давнее житье-бытье, и не то что петь, а плакать им охота. Такая уж низкая культура у курских баб и мужиков: им бы радоваться, глядя на цветастые агитщиты, а они от непонимания и горя ищут, что бы покрепче выпить. Так ничего за 74 года советской власти не поняли.

А может, поняли?

Концлагерь человеческих душ

Александр АННИН

Тема кладбищенских темных делишек лакома для современных российских бытописателей. В последнее время в советской периодике появилось множество эссе о гробокопателях, могильных ворах, вымогателях и прочих прихлебателях смерти. Литературные заметки об этой стороне уголовного мира весьма редко встречаются в мемуарах дореволюционных криминалистов. Ибо лишь в эпоху торжества коммунистической морали вошла в моду нажива на покойниках.

Мало кто в сегодняшней России воспринял как сенсацию сообщение об ограблении трупа маршала С. Ахромеева: дорогие костюмы высокопоставленных покойников уже семь десятилетий привлекают гробокопателей, и слухи о продаже мертвецкой одежды ходят в народе давненько. И совсем уж буднично сообщают корреспонденты о черном бизнесе работников крематориев, успешно сбывающих положенные в гроб цветы.

Чему удивляться, если в некоторых местностях России сами гробы открыто выдаются близким покойного напрокат – после сожжения трупа гроб вновь поступает в оборот. Как пустая бутылка из-под водки или кефира. Священный некогда обряд похорон превращен воинствующими атеистами в утилизацию человеческих отходов.

Отношение советской власти к погребению соотечественников не только христианским, но даже и языческим не назовешь (витрина с телом вождя-основателя государства не в счет – это, очевидно, считается высшей почестью). Похороны миллионов граждан России по сей день включены в разряд бытовых услуг населению – наравне с помывкой в общественных банях, стиркой белья в прачечных...

В прежней России хозяйственные мужики загодя выстругивали "домовины" для себя и жены, ладные гробы дожидались своего часа на сухих чердаках. Старушки кроили саван к черному дню. Для верующих земная жизнь была подготовкой к загробному пребыванию души, и к смерти относились с благоговением. Обмытое тело новопреставленного становилось святыней, и близкие молитвой помогали усопшему переселиться в мир иной.

В нынешней России, особенно в ее мегаполисах, умирать – тягостно и страшно. В последние дни и часы на этом свете не до помыслов о вечном. Гложет чувство вины перед близкими, обрекаемыми на мучительную процедуру предстоящих похорон. Стало обыденным, когда умирающий добровольно завещает сжечь себя в крематории, даже если это противоречит его убеждению в необходимости погребения на погосте. Зато родственники меньше будут унижаться и тратиться на подачки. Подсчитано: в Москве одного покойника, предаваемого земле, "обсасывают" с десяток чиновников похоронных служб. И не дай Бог обнести кого-то "законной" взяткой. Бывают случаи, когда родственники покойного, не поддавшиеся вымогателям, ночуют на кладби-

ше возле гроба: землекопы отказываются рыть могилу. Не возвращаться же домой с мертвецом.

Впрочем, трудно требовать от неверующих служаек, воспитанных в примитивно-материалистическом духе, какого-либо уважения к покойному и горю его близких. Конвейер – он и есть конвейер, причем весьма прибыльный, если сумеешь отринуть "старорежимные" нравственные понятия. По словам бывшего землекопы с Хованского кладбища, мало-мальски честные люди попросту не смогут долго выдерживать на такой работе. Душа черствеет. И отношение к работникам похоронного сервиса соответствующее. Не дай Бог в приличной компании похвастаться дружбой с директором кладбища – старые приятели могут перестать руку подавать. А разве было зазорным на Руси водить знакомство со священником кладбищенской церкви?

Большевики отняли у Православной Церкви ее органическую, присущую испокон веков функцию проводов человека в последний путь. Концлагеря создавались советской властью и для живых, и для мертвых. В целях экономии возле крупных городов закладывались грандиозные погосты (меньше привлекать подрядчиков, меньше строить дорог). Неподалеку от Москвы ширится самая массовая усыпальница в мире – Хованское кладбище, где уложено около 600 тысяч мертвецов. Но даже крохотной часовенки нет на необозримом погосте. Негде прочесть молитву за упокой и на большинстве остальных московских кладбищ. Спасибо одной богомольной старушке, которая передала под часовню фамильный склеп на Введенском кладбище.

Наконец-то Русская Православная Церковь получила возможность начать борьбу за возвращение ей прав на совершение похоронных обрядов в полном объеме. Эту благую деятельность возглавил настоятель московской церкви Святых Апостолов Петра и Павла протоиерей Аркадий (в миру – Аркадий Павлович Станько). Отец Аркадий и его единомышленники из приходского совета задумали организовать Православный похоронный Центр. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил "благое дело проводов в путь всея земли православных христиан". При этом, отметил Святейший, "нельзя забывать людей малообеспеченных, которые сугубо нуждаются во внимании и человеческой заботе".

Решено: если родственник умершего, обратившись в Православный похоронный Центр, заявит, что он беден, похороны будут организованы или бесплатно, или за мизерную плату. Причем никаких справок о доходах, естественно, не потребуется. Каждый православный христианин должен быть похоронен согласно православному погребальному чину, с любовью и молитвой о нем – независимо от того, есть у него близкие или он одинок. Центр готов взять на себя заботу об усопшем безо всякой казенщины. Здесь стремятся возродить молитвенно-исповедальный характер обрядов.

Отец Аркадий считает, что начинать такую деятельность можно лишь тогда, когда Центр будет в состоянии охватить все звенья скорбной цепочки – от соборования на смертном одре до установления православного креста на могильном холмике. В погребальном обряде нельзя упускать ни одной мелочи, ибо речь идет о душе усопшего.

Осуществить такие замыслы и при нынешнем демократическом правительстве Москвы – тяжело. В конце сентября минувшего года

Патриарх обратился к мэру столицы Гавриилу Попову с просьбой выделить Православному похоронному Центру 30 гектаров пустующей земли возле Хованского кладбища. Здесь планируется возвести храм на погребения верующих, заложить православный погост.

Впервые за семьдесят с лишним лет появилась в России сила, способная постепенно извести кладбищенскую мафию, вернуть молитву на забытые Богом погосты. Для заправил нынешнего похоронного бизнеса такая конкуренция убийственна. Московский комитет по бытовому обслуживанию рискует потерять монополию на похоронную деятельность, а стало быть, и безнравственные свои доходы. Сейчас то монополия полнейшая, доведенная до чудовищного диктата. Все производственные и ритуальные службы завязаны в один мафиозный клубок. Можно искусственно создавать дефицит гробов, как это было в марте 1991 года, когда временно прекратилось производство на единственном в Москве заводе. Страшное то было время: из-за отсутствия гробов московских покойников не хоронили по 8-10 дней. Зато теперь легче заставить родственников раскошелиться, если они хотят быстро получить гроб.

Поэтому Православный похоронный Центр готовится открыть свои мастерские по производству гробов и ритуальных принадлежностей, и даже морги, где строго соблюдались бы надлежащие обряды. Здесь не рассчитывают на прибыль – наживаться на похоронах безнравственно. Финансовую поддержку руководители Центра рассчитывают получить от благотворительных организаций, а также от частных фирм, готовых осуществлять свою деятельность под эгидой Центра и перечислять свои доходы для организации похорон. Таких фирм уже несколько.

Главная трудность – получить землю под захоронения. Старые московские кладбища (прости, Господи!) заполнены под завязку. Московских мертвецов свозят далеко за город, на Домодедовское кладбище, где пока есть места. Денно и ночью здесь урчат экскаваторы, роющие ровные ряды свежих могил. Одновременно прощаются с покойными 6-7 процессий. Друзья и родственники усопшего невольно содрогаются, глядя, как следом за "их" могилой ежеминутно появляются новые ямки. Кругом мат, озлобленная ругань водителей катафалков, которые по несколько часов выстаивают в веренице машин.

Впрочем, скоро воцарится покой на Домодедовском кладбище: к середине 1992 года захоронения здесь прекратятся. Впервые за восемь с половиной веков Москва оказалась на пороге кошмарной ситуации – остаться без единого погоста. Ибо захоронения на новом кладбище – Перепеченском, к северу от столицы – начнутся не скоро. Территория не подготовлена. А запланировано здесь очередное гигантское кладбище на полмиллиона душ.

Создание столь массовых погостов грозит экологическими бедами. В последнее время могилы выкапывают на глубину всего в полтора метра, вместо положенных двух. И уже через 13-15 лет в эти могилы разрешено захоранивать родственников, стало быть, глубина захоронения еще уменьшается.

Вспоминается страшное пророчество Леонида Андреева: земля может не выдержать такого количества мертвецов и начнет выбрасывать их на поверхность. А некоторые депутаты Моссовета ожидают

появления траурных процессий возле правительственных зданий – в знак протеста против невозможности нормально похоронить близкого человека.

Отец Аркадий и его единомышленники считают, что вокруг Москвы необходимо выделить земельные участки под несколько небольших кладбищ. Ежедневно в столице умирают около 300 человек, из них около ста сжигаются в трех московских крематориях, остальные захораниваются либо в родственные могилы на старых погостах, либо – на Домодедовском. Если создать вокруг Москвы два десятка небольших кладбищ, то в день каждое из них будет принимать по 5–6 покойников. Это и экологически безопасно, и позволяет совершать обряды без спешки.

На новых кладбищах, конечно же, должны заблаговременно возводиться часовни и храмы. Церковь облагораживает места захоронения, истребляет дух казенщины и наживы на человеческом горе. И молитвы за упокой читаются неподалеку от места погребения. Лишь так можно возродить Православный поминальный чин.

Говорят, вокруг Москвы нет свободных земель. Но за годы советской власти в Подмоскovie понастроили военных баз, при которых – обширные поля для стрельбищ и прочих учений. В свое время для военных нужд земля выделялась обильно. А ныне, когда, казалось бы, политическая ситуация в стране изменилась и все чаще вспоминают россияне о нравственном долге перед ушедшими поколениями, добиться отвода земли под кладбище по-прежнему практически невозможно. И это на руку кладбищенской мафии, получающей огромные взятки за разрешение похоронить человека по-христиански.

Православный похоронный Центр, еще не успев как следует встать на ноги, уже начал подвергаться вымогательствам со стороны чиновников. С первых же дней его деятельность обложена разорительными налогами. Хотели приобрести несколько фургонов, чтоб переоборудовать под катафалки, – оказалось не по карману. Завод-изготовитель требует по четверть миллиона сверху за каждую машину. Россию захлестнула алчность безнравственных предпринимателей...

Но быстро появились у работников Центра и добрые друзья. Российская благотворительная ассоциация "Поминование" предложила дешевые костюмы для умерших. Большой денежный вклад перевела на банковский счет Православного похоронного Центра Российская товарно-сырьевая биржа. Приехала делегация из Ассоциации похоронных служб Северной Америки...

В свою очередь, Православный похоронный Центр готов поделиться своим опытом с другими религиозными организациями. Он и задуман был как предтеча постепенного перехода погребальной миссии в руки священнослужителей. И протоиерей Аркадий считает своим долгом помочь в организации аналогичных центров под эгидой других конфессий. Здесь готовы к сотрудничеству с католическими, иудейскими, мусульманскими и другими религиозными общинами Москвы.

Заботит отца Аркадия и участь соотечественников, проживающих за пределами страны. Многие хотели бы обрести последний приют в русской земле. До сих пор это желание было почти не осуществимым. Православный похоронный Центр берется организовать захоронение или перезахоронение соотечественников, умерших за рубежом, согла-

сно Православному погребальному чину. В исполнении долга человеколюбия видит свою цель настоятель храма Святых Апостолов Петра и Павла. И обретае в этом благом деле все новых сподвижников.

Для тех, кто желает сделать пожертвования на восстановление православных погребальных традиций в России, сообщаем расчетный счет Православного похоронного Центра: Межкомбанк РСФСР, расчетный счет № 2700612, корреспондентский счет № 161052 в РКЦ ГУ ЦБ РСФСР, по городу Москве – МФО 201 791.

Храм или свалка для человеков?

В. СОФРОНОВ

С тех пор, как человек осознал себя Личностью, задумался о душе, о Боге, о бессмертии души, почитание предков стало для него священным. И христиане, и мусульмане, и язычники поклонялись своим захоронениям как Богу, помня, что души людские так же бессмертны, как и Творец их.

Когда персидский царь Дарий пытался завоевать Скифию, а наши далекие предки, используя свою излюбленную тактику, отходили внутрь страны, не принимая сражения, уставший от бесплодных погонь Дарий отправил к ним послов. Послы, насмехаясь над убегающими скифами, выразили удивление, что те спокойно отдают свои земли, не пытаясь их даже защитить. В ответ скифские вожди возразили персам: "Земли у нас много. Мы отступаем, зная, что рано или поздно вы уйдете с нашей земли. Так зачем проливать кровь? Но коль вы попытаетесь осквернить могилы наших предков, то даже самый юный воин встанет на их защиту".

Примерно так велись переговоры между завоевателями и народом, потомками которого мы являемся. Смысл таков: духовные ценности выше, нежели земные. Землю, пусть на время, можно отдать, но могилы, память нации – никогда! Благодаря такой духовной связи формировалась и существует нация.

...Двадцатый век явился под лозунгом: "Материя первична, сознание вторично". Произошла кастрация Души, а с ней и утеря Памяти. Понятие Личности заменили более упрощенным – Гражданин. Человек стал игровой картой в державной колоде. Он был обесценен, приравнен к машине, механизму. Отторжение нас от прошлого и привело к тому, что под понятием "кладбище" в нашем сознании существует теперь другое – "свалка для человеков", место, куда умершего надо запрятать как ненужную вещь в чулан, чтоб он не особо мешал живым. И даже то, что городское кладбище находится в ведении коммунальных служб, которые равнозначно владеют городскими банями и свалкой, говорит само за себя. С одинаковым усердием они помогают нам избавиться как от мусора, так и от покойника.

Согласимся: здесь что-то неладно. Хотим мы того или нет, но Церковь всегда стояла подле человека, начиная от его появления на свет и заканчивая смертью. И коммунальные службы функции Церкви взять на себя не смогут. Разве что приняв в штат к себе священнослуж-

жителей. Вернуть нам утерянную в погоне за земными благами душу сможет именно Церковь. Так что не нужно в очередной раз входить в противоречие со здравым смыслом, взваливая на комбинат коммунальных предприятий утилизацию бытовых отходов и человеческих тел. Так и родильные дома можно отнести к системе народного образования, поскольку воспитание ребенка начинается, как известно, задолго до его рождения...

Кладбище духовно по своей сути. Это – храм, место поклонения, переходная ступень в иной мир, прощание с душой умершего, которая сорок дней после смерти еще пребывает на земле. Недаром с кладбищем связано столько легенд и поверий. Неужели всё дело в нашей якобы суеверности? А может, это одно из "белых пятен", которые мы походя, как и многое другое, отмели за ненужностью?

Надо согласиться, что вернуть кладбищу статус священности, духовности мы никакими указами и постановлениями не сумеем. А вот потерять кладбище полностью – до этого остался один шаг. Еще немного – и на могилках начнут пасти скот. Забота о молоке и мясе важнее, нежели об усопших предках. Что может создать держава людей, озабоченных лишь собственным пропитанием? Делая всё во благо человека, мы каким-то непонятным образом умеем делать всё против него.

Я с уважением и пониманием отнесся к решительному поступку городских властей, которые, поняв, что никакие дома культуры и агитбригады не сумеют изменить нашу психологию и внутренний мир, отдали народу храмы, пошли на открытие семинарии. Но мы еще в самом начале пути, к которому нация двигалась целое тысячелетие. Не думаю, что духовность моих прадедов не достойна быть принесена в день сегодняшний. Чем дольше мы будем препятствовать ее возрождению, тем сильнее будем подрубать уже не ветку, а ствол собственного народа. Да, мы можем еще на несколько лет, а то и десятилетий, затормозить историю. Но для какой цели? Для новых в дальнейшем саморазоблачений? Неблаговидное это занятие.

...Проходя по старым улочкам Тобольска, мне каждый раз хочется представить, увидеть истинных хозяев домов, которые их срубили, выстроили. Большинство из них покоится на Завальном кладбище. И ведь все они остались с нами и заслуживают нашего уважения, почитания. В любом случае – не кошунства. Может быть, новый депутатский корпус прислушается и решит вопрос о передаче кладбища церкви, которая была лишена всех прав единым росчерком пера под декретом? Не менее важен также вопрос об открытии нового городского кладбища.

Остался единственный праздник, который объединяет нас с предками, – Родительский день. За короткий срок мы растеряли собственные обычаи, обряды, песни, передаваемые из поколения в поколение, от отцов к сыновьям не одно столетие. И только лишь почитание родителей еще теплится, живет в нас, соединяя древних язычников – скифов и славян (варваров, по определению эллинов) – с цивилизованными людьми дня сегодняшнего. Мы – одной крови. Одних обычаев. Пока мы об этом помним, мы – Нация.

Тобольск, август

Цель или средство?

Валерий СЕНДЕРОВ

Несколько месяцев назад автор опубликовал в "Посеве" (№ 5, 1991) статью "Религиозное и демократическое". Статья была попыткой напомнить об органических, глубинных связях этих ценнейших для нашей жизни мировоззрений, которые часто оказываются разделенными психологической пропастью. Попытка не удалась. Некоторые хвалили опус, другим что-то не нравилось в нем. Полемического интереса (который, по сути, единственно и важен) почти не возникло. Было бы дело в тексте, ясен был бы путь: писать как-то по-другому, лучше, а прежде вчитаться поприлежнее в чужие работы. Но дело в другом. Темы, волновавшие заметную часть общества еще несколько лет назад, сегодня внимания уже не привлекают.

Несмотря на это, приходится возвращаться к ним. Вернее – вследствие этого. Нежелание даже и выпутаться из катастрофической мешанины понятий (вполне четких и ясных по существу своему) – яркий симптом. Симптом сегодняшних и завтрашних болезней части общества, "прослойки", вечная участь которой – пытаться прояснить для себя и других категории бытия.

Речь на сей раз пойдет не о религии – просто о демократии. Движение лодки ускоряется, круги сужаются на глазах... Близ дна воронки губительно уже не отсутствие историсофских ретроспектив, а нежелание разобраться в фундаментальных ценностях современного мира, ценностях, которые, вроде бы, пытаемся мы прижить у себя.

Не будем задерживаться на анализе сегодняшней ситуации, читатели и без нас прекрасно знают ее. Поставим лишь точки над "i" в некоторых вопросах, которые обычно принято смущенно обходить молчанием. Почти во всех обвинениях в адрес современной российской демократии – колоссальная доля истины. Можно, конечно, оптом записать критиков в разряд поклонников теории жидо-масонского или империалистического заговора – но вряд ли стоит обращать внимание на очевидные спекуляции. А вот непараноидные претензии, даже самые резкие... Почти все наши сегодняшние споры элементарно недобросовестны. Резкое и несправедливое обвинение одной стороны "демократы разворовали страну" легче легкого парировать: "это сделали коммунисты за 70 лет". Достойная отповедь, поймали врага на преувеличении, на некорректной формулировке, и всё о'кей. А вычленив долю истины, которая есть, быть может, у эффективно заклейменного противника – это уж вовсе за рамками нынешней дискуссионной этики. Романтическое "грабь награбленное" (вдохновившее и великих художников) деградировало до деловитого "тащи, что плохо лежит". А хорошо сегодня не лежит ничего, и от обвинения новых структур в соучастии в активной реализации скромного лозунга уже

не отделаться снисходительной улыбкой. Но к этому вопросу мы вернемся, сейчас рассмотрим совсем уж явный – политический аспект.

Еще год назад советская и эмигрантская пресса кипела спорами "демократов" с "патриотами". (В нашей несчастной реальности эти понятия извращены и, как следствие, противопоставлены.) Баталии утихли – не потому, что в них родилось подобие истины. В событиях последних месяцев "патриоты" проиграли (о чем жалеть, право, не приходится). Победили "демократы" (что с каждой неделей вызывает у людей все меньше энтузиазма). А истина сама по себе многих спорщиков никогда и не интересовала.

Мы же скромную долю истины, связанную с самим понятием демократии, как раз и хотим прояснить. То, чего у нас маловато в исторических генах, необходимо постичь хоть на маловажном логическом уровне. Панацеи спасения у общества нет. А вот отсутствие такого постижения – воистину панацея: гарантия гибели России. Из качества товаров, оставшихся еще на наших прилавках, никто не делает вывода, что лекарства, одежда, еда богоизбранной стране вообще не нужна. Не стоит же подходить с подобной логикой и к демократии наших политических заведений.

Вернемся, как к исходной точке, к упомянутым спорам. Не без изящества сталкивал "патриотов" с "демократами" израильский журнал "22": помещенные рядом интервью видных деятелей борющихся кланов смотрелись весьма эффектно. Обработать первую часть материалов редакции было несложно: прилепить к самовысекающему тексту не всегда корректные комментарии – и портрет готов. Хуже было со второй частью. Не с точки зрения поставленных целей (они-то вполне достигались) – с точки зрения здравого смысла. Читаешь заголовок: "Революция духа". В другом издании: "Мой идеал – демократия". Звонкостью всё это радует больше, чем разнообразием.

Что ж... Широкая, но в разумных пределах самостоятельность регионов (к какому варианту нам посоветуют повнимательней присмотреться? к немецкому? американскому? английскому?). Свободно выбранный, реально функционирующий парламент (сейчас узнаем, как нам эту свободу – не только формальную, а и по существу – обеспечить. И про парламент... хоть основное. Сколько палат в нем лучше иметь? Какое представительство справедливо отражало бы в наших условиях подлинные интересы людей?). Вещи необходимейшие, но... на недостижимый и единственный все же, простите за реакционность, "не тянут". Впрочем... Один "с самого раннего детства / Считал коммунистом себя" – с некоторых пор его идеал многопартийность. Экономическое кредо другого сводилось к требованию к "товарищам из ЦК": "Уберите Ленина с денег – Так цена его высока!" Сегодня ратует за свободный рынок. Кто скажет, что людям не свойственно совершенствоваться?

Худо другое. Партии, республики, законы, рынок... Прочитав пышный текст, узнаешь обо всем этом не больше, чем узрев горделивый заголовок. Демократия – наша цель! А также: мечта, идеал, будущее, спасение...

Речь идет не о серьезных специалистах. Они обнаружили даже в тех областях, которые за 70 лет додушили, казалось, весьма успешно. Но правят общественным мнением (а в значительной мере и страной) люди, всегда преуспевавшие в реализации самых величественных проектов. "Наша цель – коммунизм!" – разве это было пустым звуком? Нет, сотни тысяч, а то и несколько миллионов энтузиастов персональное светлое будущее успели-таки построить.

Сегодня о демократии уже не дискутируют – ее тоже с т р о я т. Сменив идеалы, прорабы сохранили прежние свои достоинства: сметку, деловитость, трезвый реализм. Не замахиваясь на многое, они, как всегда, идут к очередным высотам индивидуальной тропой.

Но это всё исправлять – народу. Августовские события сняли кавычки со слова г л а с н о с т ь: теперь уже не в горбачевском – в солженицынском смысле она есть в стране. Выборы, многопартийность – задушить все это сегодня уже нельзя, а приспособить для своих нужд мощные рычаги борьбы за подлинную демократию ее враги могут только временно.

Цель настоящей статьи много скромнее: посылить помочь наметить выход из теоретических тупиков, в которые названными обстоятельствами загнано демократическое мышление в нашей стране.

Не будем изобретать очередное понятие демократии, обратимся для начала к основным документам, на которых базируются гуманитарные ценности современного мира. Эти документы вполне доступны сейчас в стране.

"...Создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей..."

...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения..." (Из преамбулы к "Всеобщей декларации прав человека").

"...идеал свободной человеческой личности, пользующейся гражданской и политической свободой и свободой от страха и нужды, может быть осуществлен, только если будут созданы такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами, так же как и своими гражданскими и политическими правами..." (Из преамбулы к "Международному пакту о гражданских и политических правах").

Очевидно: расстановка приоритетов здесь совершенно иная, нежели в громоыхающих на митингах речах. Привыкая к ним, люди просто перестают их слушать, полагая, что "все демократы говорят одно и то же". И не нужно уже КГБ, чтобы отучить людей от желания хоть познакомиться с азами настоящей демократии...

Однако для суждений о столь серьезных понятиях, как свобода, право, либерализм, недостаточно современных документов, даже основополагающих международных. Бросим беглый взгляд на историю.

Большинство стран на пути к демократии прошли, подобно нам, через "ереси утопизма". Наша страшная история не уникальна. Легко доказать цифрами и фактами, что коммунизм несоизмеримо кровавейшее и опаснее нацизма. Но в таких рассуждениях, даже самых безукоризненных, всегда чувствуется какая-то глубинная фальшь.

Суть в том, что и оба эти явления, и многие другие находятся далеко за пределами, до которых не кощунственно еще сравнивать, говорить о добре и зле. Якобинцы топили в экскрементах живых детей, гильотинировали тех, кто "не мог доказать свою неподозрительность" (на правовом основании, кстати: был соответствующий декрет). И вряд ли матерей и жен утешила бы информация, что через век с небольшим священный гнев другой великой революции сметет с лица освобожденной земли неизмеримо больше врагов народа.

Классические страны, в которых правовые структуры действительно последовательно отстраивались веками, – Великобритания и США. Так оно и считается: "Англия – древнейшее современное демократическое государство... Хартия вольностей... чтобы получить английский газон, его надо просто-напросто подстригать триста лет подряд..." У любой мысли есть опасность: поверхностное ее восприятие оказывается обычно восприятием абсолютно превратным. И опасность эта возрастает, если мысль, в подлинной своей глубинности, верна.

Великая хартия вольностей была принята в 1215 году. Не следует думать, что людей того времени глубоко волновало право получать и распространять информацию независимо от государственных границ. Или право свободно покидать свою страну и возвращаться в нее. У них были другие заботы. Так, немалое место занимало право на ношение длинных шпаг и плащей определенных цветов. Но и подобные вещи были насущными не для всех членов общества, в котором еще недавно существовало рабство.

Однако Хартия была действительно великой: кровно важные для ее создателей вольности были закреплены **з а к о н о д а т е л ь н о** – раз и навсегда. Слово "вольности" (в современном его понимании) утратило смысл: из области произвола они перешли в область **п р а в а**. Британские иваны грозные (а их хватало) могли отныне посягать на головы своих подданных – но не на их привилегии.

А как быть с теми, кто носил не шпаги, а – вчера еще – цепи? До их вольностей было далеко: через 600 лет после Хартии законы позволяли вешать бродяг, а выразительное описание положения рабочих – единственная заслуживающая внимания часть "Капитала".

Но талантом аналитика внимательный наблюдатель наделен не был: ужасающие факты заслонили от него суть исторических процессов. Газон был засеян поначалу семенами весьма причудливых, на сегодняшний взгляд, растений. Но шесть столетий взрыхлили, сделали плодородной почву, довели до совершенства искусство садовников. И это искусство в считанные десятилетия сняло "классовые противоречия", грезившиеся неразрешимыми маньякам социальных мятежей.

Теперь обратимся ко второму из отмеченных обстоятельств: "древнейшая демократия мира" полтысячелетия была "демократией пэров". Никакого парадокса, кроме чисто лингвистического, в этом нет. Почти все древние мощные христианские государства прошли через многовековой монархический период, причины этого мы постарались прояснить в упоминавшейся выше статье. Лучший способ преобразования общества: постепенные, поэтапные реформы, с этим, по-види-

тому, сегодня согласны почти все. Значит, и народным свободам естественно начаться со свобод высшего дворянства, окружения трона.

Роковым событием российской истории П. Б. Струве считал неудачу "заговора верховников". Подписавшая русскую "хартию вольностей" Анна Иоанновна по восторжествии на престол демонстративно порвала ее в клочья. Этот мало говорящий сегодняшнему массовому читателю эпизод на корню заблокировал возможности реформ: единственный политически культурный слой был отброшен в оппозицию монарху.

Столетия шли, слой разрастался, сближаясь – а позднее и смыкаясь – с другими общественными силами. Ширился, углублялся и "дарованный" "верховникам" (вместо свобод) антигосударственный настрой. Дворянство прошлого века дало России и миру великую духовную культуру, а в области активной, самостоятельной политической жизни – легион мечтательных цареубийц. В попытках реформ Александр Благословенный мог опереться лишь на узкий кружок ближайших друзей – и с ужасом выслушивал доклады об эпидемическом якобинстве лучших семей страны... Историки всё больше склоняются к справедливости версии о тайном превращении Царя в сибирского старца; но, независимо от исхода научных изысканий, психологически эта версия мотивирована полностью. Прошел еще век – и тело России нельзя было уже уберечь от ускоряющегося вращения пыточного Красного Колеса...

"Благоразумие, конечно, требует, чтобы издавна существующие правительства не подвергались бы изменениям по причинам незначительным и преходящим; и опыт прошлого, соответственно, показывает, что люди скорее склонны страдать там, где страдания выносимы, чем использовать свое право и отменить привычные формы".

Так записано в "Декларации Независимости", единогласно принятой представителями тринадцати штатов Америки 4 июля 1776 года. Отцы американской демократии ясно подчеркивали **в ы н у ж д е н н о с т ь** мятежа против короны, они рассматривали его как крайнее средство. "Если форма правительства становится гибельной для цели самого своего существования, народ имеет право изменить или отменить ее..." Вспомним еще, что американцы к концу XVIII века были уже самостоятельной нацией. Ждать ли свобод сверху или ввергнуть страну в смертоносную для души и тела народа братоубийственную гражданскую войну – такая дилемма перед Америкой **п р о с т о** не стояла.

Поэтому, переходя к опыту США, зададимся главным нашим вопросом: чем была для них демократия? Основы американских свобод закладывались уже не в начале XIII-го, а в конце XVIII века. Метаморфозы истории непредсказуемы; может быть, за полтысячелетия демократия и впрямь стала самоценна, превратилась из средства в цель?

"Всевышнему угодно было, чтобы законодательные собрания, от которых мы состоим представителями в Конгрессе, согласились одобрить вышеизложенные статьи..."

Так сказано в конце "Статей Конфедерации", принятых "пятнадцатого ноября тысяча семьсот семьдесят седьмого года от Рождества Христова и во втором году независимости Америки".

"Твердо уповая на защиту Божественного Провидения, мы взаимно обязуемся отдать нашу жизнь, наше имущество и нашу святую честь для защиты этой Декларации".

Таков последний абзац цитированного уже другого документа, также являющегося одним из краеугольных камней американской демократии.

Французские (а в подражание им и русские) аристократы прошли уже выучку у вольтеров и дидро, плодов ждать недолго. Темные отсталые американцы не бегут по пути прогресса: опираясь на веру и опыт предков, они отстраивают здание мощного демократического государства.

Для этого, собственно, они и приехали сюда – от теснимых за отличную от государственной веру "отцов-пилигримов" до предприимчивых деловых людей. Европа была мала, сказочные необжитые просторы влекли их. Не будем идеализировать: в таких людях всегда есть элемент авантюризма, хищничества – вспомним, для примера, героев Джека Лондона! Но главное: сам факт переселения за океан производил "естественный отбор": людей с сильными неудовлетворенными желаниями. Служить Богу и делать деньги – всё это здоровые человеческие намерения (хотя и находящиеся, конечно, на разных духовных "этажах" бытия). И демократические институты Америки имели задачу, единственную и ясную: создать общество, в максимальной степени служащее потребностям весьма различных его членов.

Почему бы и нам вместо профиля Ульянова не написать на денежных купюрах: "Вверяю себя Богу"? Всякий, кто знаком с нравами современных советских демократов, представит бзек труда, какой шквал гнева обрушился бы на это одиозное предложение. Впрочем, некоторые не "купились" бы: вспомнили, что именно эта надпись вычеканена на долларах США...

Есть в Америке атеисты? А если есть, почему они не протестуют против столь явного нарушения их прав? И не являются ли часто наши разговоры о "православном фундаментализме" проявлением действительно фанатичного фундаментализма – псевдодемократического?

Так что же все-таки демократия: средство или цель? Это важно не только для грамотного написания документов, это вопрос ж и з н ы й. Если средство для достижения людьми и общественными группами естественных, не нарушающих чужих прав целей, – тогда она, демократия, с неизбежностью должна быть системой не только прав и свобод, но также ограничений и запретов. На Западе они есть, и весьма жесткие. Конечно, не по нашим родимым масштабам – но сегодня наметилась тревожная тенденция. Тоталитарно-коммунистическая система ценностей трансформируется в тоталитарно-демократическую – без труда и без особой пользы для людей... В подлинно свободных странах законы охраняют право журналиста получать и обнародовать информацию, высказывать любые оценочные суждения – но законы же охраняют личность от диффамации и клеветы, общество – от провокации потрясений. Коммунистические газеты Запада написали о "психической болезни" одного из эмигрировавших диссидентов, – он

подал в суд. "Их нравы" были известны левым журналистам, они пытались оправдаться тем, что это, дескать, не личное мнение: они лишь перепечатали статью из советской прессы. "Крыша" не помогла: пришлось печатно извиниться и выплатить штраф. Можно также напомнить об изъятиях тиражей книг, содержащих клевету на членов НТС. Запретительная практика демократических обществ получила естественное завершение.

"1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом.

2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом" ("Международный пакт о гражданских и политических правах", ст. 20).

Так что не нам, а многим странам Запада пришлось бы сегодня оправдываться за нарушение международных установлений о печати! Если понимать законы так, как их понимаем мы. В цивилизованном же мире запретительные меры применяются тогда, когда в них есть реальная необходимость.

Или возьмем споры о порнографии. Н а ш и споры: в демократических странах давно уже не мыслят в категориях "казнить – миловать", "сажать – не сажать". Или "запрещать – не запрещать", в лучшем случае. Цивилизованный вариант чаще всего средний – не запретить, но ограничить. Локализовать во времени: в Голландии, например, порнофильмы по телевидению запрещено показывать до 11 часов вечера, желающая часть взрослого населения имеет свободу наслаждаться ими. Локализовать в пространстве: соответствующие магазины и заведения расположены в строго определенных местах. Магазины не могут иметь рекламные вывески, продукцию обязаны выдавать покупателю в непроницаемой обертке. Охраняется не только право травиться – на здоровье, дело твое. Но право, особенно молодежи, не быть отравленными помимо своей воли охраняется тоже.

Возьмем советский вариант: демократия – цель. Тогда, конечно, на всякие косвенные последствия можно и плюнуть. Газеты печатают поджигательные статьи? – Ну, погромы то ли будут, то ли нет, а зато – свобода слова, всякий в своем праве! Клеветают? – Да вы что, 70-ю опять захотели?! (Кстати, в УК РСФСР была и есть ст. 130 – клевета, но она почти бездействует. Функционирует, и достаточно активно, лишь новый "Закон о защите чести и достоинства Президента СССР". Такая практика действительно частично компенсирует упраздненный вариант ст. 70.)

Мы обещали вернуться к экономическим проблемам советской демократии. Тема ответственной: ясно, что бездарность в решении именно этих проблем может демократию погубить. С другой стороны, нельзя обвинять кого-либо в расхищении, пока оно не доказано судом. Но...

В ноябре в Осло прошла очередная встреча в рамках СБСЕ. Мы рассказывали о своей стране: как об обретенной свободе, так и об оставшихся, а подчас удесyatерившихся трудностях. Больше всего норвежцев поразили не ужасы армии и лагерей (их на себе испытать надо), не уникальная паспортная система (объяснить иностранцам,

что это вообще такое, почти невозможно). Неожиданная для нас сенсация возникла, когда мы упомянули о мэрах, занимающихся хозяйственной деятельностью. "О! О! – оживилась аудитория. – У нас тут был в одном городе чиновник, тоже бизнесом занимался. Через несколько лет узнали, посадили в тюрьму".

В России законов, запрещающих совмещение государственной и коммерческой деятельности, нет (во всяком случае, если речь идет о государственных постах "низкого" уровня). Но неужто непонятно, что работать в мэрии и состоять в правлении акционерного общества, делать самому себе заказы... ну... этически как-то неловко...

Да. Непонятно. Любые запреты новой администрации вызывают митинги протеста. Потому что запрет, какой ни есть, – против демократии. Так как же запретишь подвижническую работу на две ставки бизнесмэру? В своем праве!

"Демократия в опасности!" Наши перспективы, как и 74 года назад, можно описать при помощи убогих лозунгов. Но не скрывают ли старые слова еще более печальную, чем тогда, реальность? Уничтоженное народовластие вовсе не было скомпрометировано в России как идея. Ульянов обещал землю и мир – это знают все, но это лишь та доля правды, которую сочли полезным довести до нас его последователи. Повсеместно требовали созыва Учредительного Собрания – и вождь, конечно же, навязчиво обещал. "Товарищи, только большевики смогут осуществить ваши чаяния!" Осуществили: узурпировали власть в Советах – и одним из лозунгов рабочих и матросских восстаний стали "Советы без коммунистов". Считается, что пропаганда вконец разложила армию, что Временное правительство некому было защищать – но и это не вполне так. Начало борьбы "на внутреннем фронте" описано, в частности, в мемуарах генерала Краснова, он сразу стал разыскивать верные воинские части: было достаточно полка. Но потрясенный генерал убедился, что и нераспропагандированные роты распылены по разным городам. "Товарищи" не надеялись на всеилые демагогии: они скромно пристроились при Керенском в военные ведомства и долгие месяцы занимались муравьиной "технической" работой...

В августе 91-го люди по стране поднялись на борьбу за Свободу и Достоинство. Есть о б щ е ч е л о в е ч е с к и е ценности – и демократия, действительно, часто выступает производной от них. Но многих из пришедших на баррикады тщетно было бы искать на выборах и митингах. Кто защитит демократические институты не от танков – от окончательной компрометации, от положения, при котором лучший их удел: не мешать, отступить перед авторитарными структурами? Неизвестно, что еще принесут эти структуры, но на господ "народных депутатов" не полагается уж совсем никто.

"Вот она, ваша демократия!" – повторяют все чаще самые разные люди. В адрес "советов без коммунистов", "мэрий" – имя деморганам легион, и что изменится, если пополнить коллекцию "Учредительным Собранием"?

Что ж, и вправду н а ш а: ничего общего не имеющая с мировыми образцами...

Самолечение – сомнительный путь, но другого у нас нет. Без желания решительно поставить неприятные диагнозы нечего и пытаться предотвратить летальный исход. Если же с жесткого и нелицеприятного диагностирования начать... Может, и есть шанс выжить у наследницы дряхлого и наглого режима, пока еще абсолютно советской демократии?

КУЛЬТУРА

Такой язык...

Юрий ПРОХОРОВ

"Не будь тебя – как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!" Эти, последние, строки стихотворения в прозе И. С. Тургенева цитировались довольно редко. Обычно – до звона, до эха: "О, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!" И все: лозунг – не мысль, ценится за краткость, а не за глубину. К этому – ряд локальных ассоциаций, которые должны в сознании быть устойчивее, чем столь же локальные ассоциации с правилами грамматики: его учил то ли Маркс, то ли Энгельс, "я русский бы выучил только за то, что им разговаривал..." Все это с лихвой должно было обеспечивать внешнюю мотивацию использования, распространения и изучения великого языка. Для внутреннего употребления было бы вполне достаточно воспетого В. Маяковским "заседания а-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома" как аббревиатуры языка и виртуозного русского мата как аббревиатуры коммуникации.

Но великий язык – это великое чудо, неподвластное даже марксизму в языкознании. Он жил и развивался, создавал литературу, копил духовные ценности и... смеялся. И говорил со всем миром. И весь мир знал: это великий язык великого народа, его надо знать, его необходимо учить. А все остальное: это великие трудности этого великого языка.

Распространение, а точнее – прежде всего **распространение изучения** любого языка в мире имеет свои объективные правила и законы. В отношении русского языка они описаны с той полнотой и убедительностью, которая может вызывать лишь одно искреннее недоумение: почему весь мир до сих пор, не отложив свои малозначимые дела,

Прохоров Юрий Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по учебной части Института русского языка им А. С. Пушкина в Москве.

не изучает (а уже пора бы и изучить!) его? В зависимости от уровня идеологического захлёба в советской печати фигурировали цифры "в той или иной степени владеющих русским языком в мире" от сотен миллионов до миллиардов (иногда видятся в этом подсчете даже незабвенные Герасим и Муму, ибо первый был немым в русскоязычной среде, а вторая была утоплена в русском языковом окружении по приказу на русском языке...). Принудительное изучение русского языка в бывших социалистических странах давало великолепную цифру изучающих, однако попытка объяснить на русском языке в этих странах устойчиво наталкивалась на трудно различимые то ли незнание языка, то ли нежелание пользоваться им. В ряде африканских и азиатских стран количество преподавателей русского языка, подготовленных в СССР, едва ли не превышало число изучающих русский язык в данной стране, а пяти-шестилетняя подготовка к гарантированной безработице вряд ли повышала интерес к овладению русским языком у следующих поколений. В чрезвычайно сложной ситуации оказывались выпускники советских вузов: в зарубежных странах по многим научным и производственным дисциплинам иные технологии, а владение советской технологией на русском языке в большинстве случаев проигрывало (не случайно основным местом работы выпускников были промышленные объекты, создаваемые в странах именно СССР, за счет СССР и из советских материалов). При обилии в странах идеологической литературы на русском языке в них практически было невозможно (за исключением восточноевропейских стран) приобрести новую научную литературу, а использование привезенной выпускниками литературы быстро начинало тормозить их интеллектуальный прогресс.

Идеологический клич о необходимости изучения русского языка распространялся на все сферы деятельности государства. Стоило какой-либо зарубежной стране лишь упомянуть о своем намерении двинуться по социалистическому пути развития, как туда незамедлительно высаживался мощный десант русистов. Без какой-либо мысли "зачем?" начиналось повальное (естественно, всегда политически санкционированное обеими сторонами) изучение русского языка, тратились силы и средства на создание учебных материалов, направление преподавателей и т. п. Во многих странах знание русского языка, полученное в СССР, было и основой (получение образования, в том числе и политического в СССР), и средством (вхождение в круг себе подобных) профессионального и политического роста. Обеспечение массового преподавания русского языка в стране становилось своеобразной индульгенцией.

Жесткое, однозначное главенство идеологии позволяло отмахнуться от многих проблем, которые возникали в процессе "триумфального шествия" русского языка по свету. И уже колебались в сознании пропагандистов устои английского языка, оставались далеко позади французский и немецкий, испанский и арабский. И уже виделось, как человечество читает очередной доклад советского руководителя не на английском языке в издательстве "Пергамон пресс", а на русском, в "Политиздате".

Но чуда не происходило. Базис и надстройка не хотели меняться местами на 5/6 части суши. Носители идеологически не выдержанных языков имели нечто, что было сильнее советских учебников и советской методики: они имели передовую технологию и твердую валюту, они имели достаток и порядок. Оказывается, фотография рубля на странице учебника русского языка почему-то не могла конкурировать с долларом, фунтом, маркой в кармане. Очаги коммуникации на русском языке в реальном обиходе не выходили за пределы образанью-йоркской Яшки-стрит, хотя и перемещали в пространстве: они возникали в крупных магазинах Венгрии и частных магазинчиках в центре Варшавы, духанах Кабула и торговых точках Луанды, дешевых лавочках Стамбула и валютных магазинах Гаваны. Там, где носитель русского языка оказывался носителем экономической "мощи". А на экране компьютера росла сила английского языка, азбука на нем рассматривалась как явление виртуозного характера.

Однако, несмотря на перевернутость "мира русского языка" и "мира на русском языке", всегда существовал и мир реальный: мир богатого и выразительного языка, мир фантастически богатой культуры (о богатстве которой долгие годы лучше знали на другом языке, а не на родном), мир громадной страны, оказавшей и оказывающей разными путями и по разным причинам существенное влияние на жизнь других народов. Всегда существовали люди, искренне любящие и с уважением относящиеся к этому языку, сделавшие его своей профессией и смыслом жизни. Сотни тысяч людей в стране русского языка занимались его описанием, созданием учебников по русскому языку для иностранцев, преподаванием языка дома и во многих странах мира. Профессионалы как бы заключали между собой негласный договор; вы обязаны сказать то-то и так-то, мы не обязаны это слушать; мы в ответ скажем то-то и то-то – пропустите это мимо ушей. Давайте изучать русский язык, русскую литературу, русский духовный мир, постигать столь привлекательную своей непостижимостью русскую душу. Такого рода договор заключал небезызвестный классик предварительной литературы Виталий Никитич Карцев, прибывший в гости в будущее в романе В. Войновича "Москва 2042":

"По дороге я спросил Коммуния Ивановича, почему он обращается ко мне не прямо, а через переводчицу. – Разве, – спросил я, – мы говорим с вами не на одном и том же языке? Он вежливо подождал перевод, потом объяснил, что хотя мы действительно пользуемся приблизительно одним и тем же словарным составом, каждый язык, как известно (мне это как раз не было известно), имеет не только словарное, но и идеологическое содержание, и переводчица для того и нужна, чтобы переводить разговор из одной идеологической системы в другую. – Впрочем, – добавил он тут же, – если это вас смущает, давайте попробуем обойтись без перевода".

Надо признать, что широкое распространение изучения русского языка (подлинное, а не мнимое, о котором говорилось выше), имело как бы две составляющих: ядро, связанное с общегуманитарными потребностями изучения каждого языкового феномена, культурного фонда, накопленного на этом языке, реальными потребностями интеллектуальных исследований, имеющих в любом государстве, их

исторически сложившимися экономическими, политическими, географическими, социальными контактами между странами, – и периферия, связанная с политическими (бывшие страны бывшей социалистической ориентации), экономическими (но опять же через политическую привязку экономики стран к экономике страны изучаемого языка) и культурными (в той же последовательности – через политическую обусловленность выхода на мировую арену культуры через русский язык) всплесками разной мощности. Наиболее мощными эти протуберанцы были, естественно, в рамках самого бывшего союза республик – вплоть до замены родной письменности на азбуку.

Долгие годы периферия так закрывала ядро, что иногда могли возникнуть и сомнения в его существовании. Но оно было. И ему принадлежит заслуга в том, что русский язык в мире преподавался и изучался, что он стал (часто не благодаря, а вопреки!) действительно мировым языком, языком международного общения – в том виде и количестве, в каком в этом нуждалось само международное общение. Накопленные за многие годы достижения в области методики и практики, подготовка большого количества специалистов – причем все это на уровне, не отличающемся от уровня преподавания других языков (а есть элементы и превосходящие его!), – являются залогом нормального существования и развития этого процесса, его устойчивости и непрерывности.

Ядро выжило – но взметнулись новые протуберанцы. Сейчас наблюдаются две противоположные, но отнюдь не взаимоисключающие тенденции в развитии изучения русского языка. Резко падает к нему интерес там, где он насаждался. Столь же резко растет интерес к нему у тех, кому он стал вдруг необходим. Парадоксальность ситуации в том, что это может проходить и в одной стране. Но эта парадоксальность мнимая: "я обязан" и "мне надо" могут уживаться и в одном человеке. Нельзя сказать, что в такой-то стране упал интерес к русскому языку: интерес вырос, а вот число принуждаемых к его изучению упало. Изменился профессиональный состав этого интереса: не благонадежность, а потребность стали основным стимулом. Невозможность общения на русском языке без идеологического переводчика останавливала раньше многих, у кого этот интерес был. Расширение контактов в нормальной человеческой и профессиональной форме (возможность, в которую всегда верило большинство носителей русского языка, и невозможности которой так изумлялись носители всех других языков) приводит к росту интереса к русскому языку в тех слоях общества, которые раньше и не помышляли об этом (примером тому – деловые круги). Как всякий всплеск – этот всплеск тоже временный по силе. Интерес к экзотике пропадает быстро. Однако он должен подготовить новый, может быть, наиболее устойчивый рост интереса к русскому языку, судьба которого зависит прежде всего от самой России. Его основание – интерес экономический, связанный со вступлением страны в новые экономические отношения в качестве равноправного партнера. Как ни парадоксально звучит, одним из самых действенных стимулов к изучению русского языка в зарубежных странах может стать конвертируемость рубля, создание реально-

го российского рынка, уверенность в бездонности которого у деловых людей других стран не намного меньше, чем у самих носителей языка. Не случайно в настоящий момент столь резко возросло стремление к изучению иностранных языков в России, причем не только (хотя и прежде всего) традиционного английского, но и ряда других: кто платит за музыку, тот и слушает ту, которую желает.

Вторая составляющая будущего роста интереса к русскому языку – интерес к русской духовной культуре, причем принципиально отличающийся от предыдущего этапа. Нельзя же было стремиться к изучению языка этой культуры только для того, чтобы услышать на русском языке, что этого в русской культуре нет. Нет великих русских философов, которых оптом вывезли из страны, нет всемирно признанных писателей, которым почему-то присуждают (идеологические козни!) Нобелевские премии, нет массы произведений литературы, изданных на всех языках, кроме языка оригинала.

Говоря о прошлом, утешаемся одним: никто, наверно, не произносил фразы, что он выучил русский язык для того, чтобы читать в подлиннике романы В. Кочетова и литературоведческие труды В. Ермилова! Говоря о будущем – можно с уверенностью утверждать, что были, есть и будут такие произведения и такие труды, ради которых русский язык изучать надо. И которые никогда не выпадут из русской культуры или будут числиться в ней по разряду "возвращенных".

Как будут изучать в мире русский язык – зависит от России. Как его будут преподавать – зависит от нее же. От знания любого языка, в том числе и русского, выигрывает не только тот, кто его знает. Выигрывает все человеческое общежитие.

Нормальное человеческое общество по существу своему этично. И оно должно видеть смысл своего бытия в служении высшим этическим ценностям.

Глубокая и прочная солидаризация современного общества в этом служении требует высокого уровня его общей культуры. Но подлинное культурное развитие возможно лишь при условии свободы духовной жизни и духовного творчества.

Обеспечивая материальные условия для достойного существования и внутреннего совершенствования людей, государство должно гарантировать и охранять:

- свободу религиозных убеждений и религиозной жизни;
- свободу философских убеждений;
- свободу научных взглядов, исследований и творчества;
- свободу художественного творчества;
- свободу творческого развития прикладных искусств и ремесел;
- свободу общественно-культурного творчества.

Программа НТС, Изд. "Посев", 1974 г.

Три ветви зарубежного православия

Михаил НАЗАРОВ

Русское духовенство, в сравнении с другими преследуемыми в России сословиями, дало наибольшее число жертв и меньше всего беженцев. Лишь 0,5% священников и 10% епископов (1) попали за границу вместе со своей паствой – Белыми армиями, или остались в заграничных епархиях и на отошедших от России территориях. И как в те годы разошлись пути разных частей Церкви в России ("плененная" и непримиримая катакомбная), так и зарубежное духовенство разошлось во взглядах на ту необычную ситуацию, в которой оказались и эмиграция, и Церковь, и сама Россия.

Причины раскола были церковно-политические, идеологические, богословские. На первом из этих уровней причина, по мнению Н. Зернова,

"коренилась во взглядах на права и полномочия оставшегося в России епископата. Одни считали его орудием в руках атеистической власти и рассматривали Церковь в изгнании как единственную представительницу русского православия. Для других епископы, оставшиеся в России, были законными вождями Церкви, и они подчинялись им во всех чисто церковных вопросах"; "третьи... отказывались судить о действиях епископата, пытавшегося искать компромисс с атеистическим правительством в России. Эта группа стремилась подчинить свои приходы юрисдикции нерусских православных иерархов" (2).

Прежде всего отметим документы, которыми каждая из этих групп (сам Зернов принадлежит к третьей) обосновывала свою позицию.

Постановление патриарха, Св. Синода и Высшего Церковного Совета от 7/20 ноября 1920 г. за № 362, изданное вдогонку Белой армии, уходящей из Крыма, гласило: если какая-либо епархия

"вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т. п. окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление во главе с Святейшим Патриархом прекратит свою деятельность, епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях"; это "непременный долг старейшего в означенной группе по сану Архиерея" (3).

Это послание было легализацией созданного именно таким образом в 1919 году Высшего Церковного Управления (ВЦУ) Юга России – на территории, занятой белыми. Оно эвакуировалось через Константинополь в Сербию (в Сремские Карловцы) и было возглавлено старейшим по сану – митр. Антонием (Храповицким), который в России был ректором Московской и Казанской Духовных академий и пользовался большим авторитетом в православном мире.

Патриарх Тихон де-факто признал эмигрантское ВЦУ. Так, весной 1921 года он подтвердил постановление "Высшего Церковного Управления за-границей о назначении" архиеп. Евлогия "управляющим, на правах епархиального архиерея всеми заграничными русскими церквями в Западной Европе... временно, впредь до возобновления правильных и беспрепятственных сношений означенных церквей с Петроградом" (4) (западноевропейские храмы были частью епархии митр. Петроградского, который теперь не мог их опекать).

В ведение карловацкого ВЦУ вошли части русского зарубежья, имевшие с церковно-канонической точки зрения разное положение:

1). Беженцы в странах, где не имелось поместных православных Церквей; здесь все было просто: эмигрантское духовенство окормляло свою эмигрантскую паству.

2). В странах, где имелись православные Церкви, положение было сложнее, ибо по церковным канонам на одной территории может быть только одна Церковь и одна структура церковной иерархии. Но 39-е правило VI Вселенского собора допускает исключение – для беженцев, временно ушедших от преследований на родине. На этом основании зарубежное ВЦУ нашло признание в Сербии, Болгарии, на территории Иерусалимского и Антиохийского патриархов, а также поначалу Константинопольского (Вселенского) патриарха (до 1924 г.) и в Греции (до 1929 г.). Лишь в Румынии, под давлением правительства, русские были вынуждены войти в Румынскую православную Церковь.

3). Зарубежные епархии самой Русской православной Церкви: как дореволюционные, так и ставшие заграничными вследствие изменения границ России. Если на Дальнем Востоке, в Америке и на Святой Земле русские епархии и миссии беспрепятственно вошли под руководство зарубежного ВЦУ, то в Польше, Финляндии и Прибалтике, при содействии местных правительств, Константинопольский патриарх постарался в том или ином виде подчинить эти отрезанные части Русской православной Церкви себе.

Против этого протестовал и патриарх Тихон, и духовенство затронутых епархий – но безуспешно. В Польше были закрыты многие православные храмы, заточены в монастыри архиепископы Елевферий и Пантелеймон, высланы за границу архиеп. Владимир и еп. Сергей (5). Из Финляндии был выслан архиеп. Серафим...

Но и в остальной части зарубежья ситуация осложнилась, когда патриарх, Священный Синод и Выший Церковный Совет в Москве **указом от 22 апреля/5 мая 1922 года** упразднили эмигрантское ВЦУ.

Причиной были призыв I Всезарубежного Собора 1921 года молиться за восстановление в России "законного православного царя из Дома Романовых" и Обращение к Генуэзской конференции:

"Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу, народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм – этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира. ...не дайте погибнуть вашей верной союзнице – России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ее врагом..." (6)

Реакцией на эти обращения и был московский указ от 22 апреля/ 5 мая 1922 года, адресованный митр. Антонию и митр. Евлогию (возведенному в этот сан патриархом в январе 1922 года в связи с тридцатилетием служения):

"ввиду допущенных... политических от имени Церкви выступлений и принимая во внимание, что, за назначением тем же Управлением Пресвященного Митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквами за границей, собственно, для Высшего Церковного Управления там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное Высшее Церковное Управление упразднить, сохранив временно управление русскими заграничными приходами за митрополитом Евлогием и поручив ему предоставить соображения о порядке управления названными церквами"; окончательное же суждение "о церковной ответственности некоторых духовных лиц за границей за их политические от имени Церкви выступления... иметь по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода, при полном, указанном в соборных правилах, числе членов" (7).

Некоторая расплывчатость этих формулировок вызвала впоследствии их разное толкование. Так, если митр. Евлогию поручалось возглавить всю эмиграцию, то не следовало ссылаться на его назначение зарубежным ВЦУ. Ведь оно поручило митр. Евлогию лишь заграничные церкви Петроградской епархии, но помимо них имелись более крупные епархии, входившие в ведение зарубежного ВЦУ (на Дальнем Востоке, в Америке, Греции, Турции, Сербии, Болгарии). Непонятно, почему для ВЦУ не оставалось "уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность". Уточнения указа и "суждения... по возобновлении нормальной деятельности Священного Синода" оказались невозможны, так как патриарх был арестован, а деятельность Священного Синода и Высшего Церковного Совета в Москве прекратилась.

Все сознавали вынужденность этого указа. Митр. Евлогий писал митр. Антонию:

"Указ этот поразил меня своей неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно он дан под давлением большевиков. Я за этим документом никакой обязательной силы не признаю, хотя бы он и был действительно написан и подписан патриархом. Документ этот имеет характер политический, а не церковный. Вне пределов советского государства он не имеет значения ни для кого и нигде" (8).

Как позже свидетельствовал очевидец, протопр. В. Виноградов, роспуск зарубежного ВЦУ был произведен патриархом под угрозой "поголовного расстрела московского духовенства, привлеченного в это время к ответственности по делу об изъятии церковных ценностей". ГПУ требовало "полного осуждения заграничного духовенства – лишения сана и отлучения от Церкви", но добилось только этого указа (9).

Послушные воле патриарха, зарубежные архиереи упразднили свое ВЦУ и созвали Архиерейский Собор. Из-за невозможности установить контакт с церковной властью в России Собор руководствовался документом от 7/20 ноября 1920 года, который теперь вступил в силу для всей Русской Церкви (на него сослался и временный преемник патриарха митр. Агафангел). Так зарубежный Собор создал в 1922 году свой новый исполнительный орган – Архиерейский Синод.

Это решение было принято зарубежными архиереями единогласно, с подписью митр. Евлогия "за председательствующего Синода". В мае 1923 года митр. Евлогий писал:

"Все заграничные епархии имеют свое объединение и свою высшую инстанцию в ежегодном Соборе епископов, в чем и проявляется во всей чистоте наш исконный восточно-православный принцип соборности. На Соборе архиереев будет председательствовать старейший по сану из архипастырей, который и в России имел особые перед другими владыками права - Высокопреосвященнейший митрополит Киевский Антоний, что будет согласно с п. 3 патриаршего указа 1920 года за номером 362" (10).

Все сочли, что митр. Евлогий именно так воспользовался своими "временными" полномочиями, полученными от патриарха Тихона.

В последующие годы ни освобожденный из-под ареста патриарх, ни его преемники не запретили новообразованный Синод и даже признали некоторые его решения. (Повторное осуждение патриархом "политической борьбы" эмигрантских архиереев не имело церковно-административного значение, как и т. н. "завещание", которое сейчас и советские источники (11) считают подложным.)

Молчаливое согласие патриарха Тихона с существованием зарубежного Синода подтверждается и тем, что запросы митр. Евлогия в Москву, просившего о расширении своих полномочий, были безуспешны. Архиеп. Серафим, поддерживавший из Выборга отношения с патриархом Тихоном, писал, что в 1924 году патриарх

"не согласился с проектом Владыки Евлогия об единоличном управлении епархий и упразднении Синода... Не согласился на это управление и Митрополит Петр, к которому Владыка Евлогий обращался с такою же просьбою в 1925 году" (12).

Однако, не добившись расширения своих прав из Москвы, митр. Евлогий счел, что сам указ 1922 года дает ему особые права. К большей самостоятельности американской епархии стремился и митр. Платон (там на Соборе 1924 года более половины приходов высказались за автономию).

Раскол произошел в 1926 году, когда митр. Евлогий и митр. Платон ушли с заседаний Собора. Духовенство в этих двух епархиях в основном последовало за своими митрополитами. Верность Синоду сохранили 18 епископов, отделилось 10 (4 в Европе и 6 в США). В епархии митр. Евлогия оказалось 62 прихода (в основном во Франции); в параллельной Западно-Европейской епархии Синода - 31 приход (синодальные приходы в Германии были выделены в отдельную епархию, наряду с прочими, которые насчитывали сотни приходов). В Северной Америке, из-за сильной тяги к автономии, 90% прихожан (в основном старые иммигранты) оказалось на стороне митр. Платона; не пошел за ним только еп. Аполлинарий с паствой из новых эмигрантов, однако к 1933 году перевес уменьшился до соотношения 250 к 64 приходам (13).

После раскола, ссылаясь на запретительный указ 1922 года, митрополиты Евлогий и Платон стали утверждать, что власть Синода неканонична. Синод возражал, что постановление 1920 года по своему общему каноническому значению выше, чем частный запретительный указ 1922 года. Упразднив тогда зарубежное ВЦУ и "сохранив временное управление русскими заграничными приходами" за митр. Евлоги-

ем, патриарх не предполагал упразднить высший зарубежный орган, а поручил митр. Евлогию "представить соображения о порядке управления" в новом виде. К тому же назначение его управляющим русскими церквями в Западной Европе вовсе не было его возвышением: это произошло, когда он, еще до окончания гражданской войны, в феврале 1920 года уехал в Европу и оттуда попросил ВЦУ Юга России об этом назначении; окончательно оно было сделано в 1921 году. Именно это назначение утвердил в 1921 году и "временно сохранил" в 1922 году патриарх Тихон – "ввиду состоявшегося постановления Высшего Церковного Управления за границей". Но митр. Евлогий

"простое административное распоряжение Патриаршего управления, возложившее на него поручение по управлению русскими заграничными приходами и при этом вызванное ненормальными обстоятельствами церковной жизни в России, поставил превыше всех священных канонов... защищая свои мнимые права на единоличное и бесконтрольное управление Заграничной Русской Церковью". Никакое назначение не дает епископу право управлять своими приходами "единолично и независимо от Синода и Соборов", при "полной неприкосновенности, неподсудности и безответственности пред наличной высшей церковной властью" (14).

Кто бы ни был прав формально в толковании запретительного указа 1922 года, все же, думается, издавая его, патриарх не мог знать, ни сколько просуществует коммунистическая власть, ни какой богорборческий размах она приобретет, ни кому и какими средствами придется защищать русскую Церковь – в том числе из-за границы. Поэтому настаивать на "верности" этому, вырванному чекистским шантажом, указу в последующие десятилетия – значило отстаивать букву, но не дух документа.

Новый глава московской церковной власти митр. Сергей писал в 1926 году заграничным епископам по поводу их разногласий:

"Вы просите меня быть судьей в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю и из кого состоят Ваш Синод и Собор, и какие их полномочия. Не знаю и предмета разногласий между Синодом и Митрополитом Евлогием. Ясно, что судьей между Вами я быть не могу.

Ваше письмо дает мне повод поставить общий вопрос: может ли вообще Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между нами фактически нет отношений? ...польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия, и имеющий силу пресекать всякое непослушание, не прибегая к нашей поддержке, ибо всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений"; или же – "подчиниться (допустим, временно) местной православной власти... которая Вас приютила"; или же – "В православных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и нерусские" (15).

Здесь уже указаны возможности разных путей зарубежного православия, которые эмигранты вправе избрать себе сами. Но это было последнее свободное слово митр. Сергея к эмиграции. Вскоре он был арестован, а выпущенный из тюрьмы, издал в 1927 году декларацию о "лояльности советской власти" и потребовал от зарубежного духовенства таких же подписок.

Митр. Евлогий и его духовенство дали подписки – "чтобы не подвергать опасности" Церковь на родине. Зарубежный Архиерейский Собор,

по тем же соображениям – "Чтобы освободить нашу иерархию в России от ответственности за непризнание советской власти заграничной частью нашей Церкви" – отверг требование лояльности как "неслыханный и неестественный союз между безбожной властью и Св. Православной Церковью" и постановил, что "впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама, согласно священным канонам, определениям Собора 1917–1918 гг. и постановлению Патриархии от 7/20 ноября 1920 года, при помощи Архиерейского Синода и Собора Епископов" (16).

"В Америке же митр. Платон формально последовал примеру митр. Евлогия, но собирать такие подписки лояльности среди духовенства, которое считало себя американцами, было еще труднее, чем в Париже" (17). Американская митрополия в эти годы провозгласила себя "автономной независимой Американской Православной Кафолической Церковью", стремящейся к автокефалии (автономия означает самоуправляющуюся часть какой-либо Церкви; автокефалия – самовозглавляющаяся Церковь, равноправную с другими).

Таким образом, возникли три ветви зарубежного православия, разделенные по принципам подчинения – 1)эмигрантскому Синоду, 2)возглавлению Церкви в СССР или 3)переходящих от русскости к новому бытию в качестве нерусских Церквей.

Границы между этими ветвями устоялись не сразу. Сначала митр. Евлогий был верен московской церковной власти, чем и оправдывал свой разрыв с зарубежным Синодом. Он пишет, что защищал митр. Сергия, даже когда тот "заявил иностранным журналистам, что в Советской России гонений на Церковь нет" и когда "в эмиграции поднялось сильнейшее возмущение столь явной неправдой" (18). Но в 1930 году, после участия в молении о страждущей Церкви в России, митр. Евлогий был запрещен в служении той же московской властью и отказался ей подчиниться. И епархиальное собрание, и митр. Евлогий снова решили, что у них "нет другого исхода, как опереться на этот указ (20 ноября 1920 г.)" (19)...

Примерно так же сложилась судьба митр. Платона: он был запрещен патриархом в служении еще в 1924 году, но запрещение было приостановлено; окончательный запрет последовал в 1933 году – и этому он также не подчинился (20). Как решил еще Детройтский Собор 1924 года, американская автономия должна была основываться на все том же патриаршем указе 1920 года...

Однако строить церковную жизнь на этом указе означало бы вернуться в Зарубежную Церковь, ибо он предписывал, что "епархиальный Архиерей немедленно входит в сношение с Архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти". Но митр. Платон стремился к автокефалии, а митр. Евлогий предпочел войти в юрисдикцию Константинопольского патриарха, которая заняла примиренческую позицию по отношению к большевикам. Вселенский патриарх давно притязал на подчинение себе русской диаспоры – и в 1923–1926 гг. митр. Евлогий справедливо писал

ему о неканоничности этих притязаний (21)... Теперь же митр. Евлогий заявил, что только подчинение Константинополю "канонично".

С этих пор большинство "парижан" и "американцев" оспаривают каноничность Русской православной Церкви за границей, отказываясь применить к ней как 39-е правило VI Вселенского Собора, так и постановление от 7/20 ноября 1920 года. Правда, оспаривают не все. Например, архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) писал:

"Взятое на себя в 1920 г. заграничными русскими архиереями духовное окормление русской паствы... было, конечно, законным... Церковный центр в России в то время заграничной пастве помочь не мог. Православные ереки Истанбула или сербы Югославии тоже не имели духовных сил пастырски окормить это многое множество скорбящих русских людей, потрясенных изгнанием". Поэтому "По отвлеченно-канонической «букве закона», отрицатель Зарубежной Церкви прав, "но религиозно неправ он, применяя каноны, к данному особому конкретному случаю церковной жизни неприменимые" (22).

Еще чаще представители парижской и американской юрисдикций подчеркивали неабсолютность канонов в отношении к диаспоре ("Таких канонов просто-напросто нету") – когда это касалось их собственных, канонически уязвимых, решений. Парижане сознавали, что "ни одна Церковь не имеет канонического полноправия нас объявить автономными или автокефальными, в случае если она того бы желала. А Русская Церковь тем менее", ибо Церкви в эмиграции образованы людьми, "не желающими подчиняться церковной организации той страны, из которой спасались". Поэтому "каноническая теория" о подчинении парижан Вселенскому патриарху "была главным образом разработана богословами Парижской Свято-Сергиевской академии". Правда, под давлением Москвы, в 1965 году "односторонним актом Константинопольский Престол официально отказался от своей вселенскости" (23), то есть от возглавления "парижан", – писал К. Андронников (позже подчинение Константинополю было восстановлено). И автокефалия американцев, полученная в 1970 году от несвободной Московской патриархии, признана еще не всеми Церквями...

Но инициаторы таких "починов канонического прояснения" (выражение о. Александра Шмемана) искали в неабсолютности канонов оправдания своему превращению в нерусские Церкви; тогда как Зарубежная Церковь настаивала на каноническом оправдании своего существования как части Русской Православной Церкви в эмиграции: она "не признает законным иерархическое возглавление современной официальной Русской Церкви", считая его "порабощенным богоборческими силами", но ощущает "свое полное единство с мучениками и исповедниками России, исповедующими веру Христову посреди гонений, не идя ни на какие компромиссы со злом" (24).

На призыв в 1945 году патриарха Алексия вернуться "в ограду" Матери-Церкви тогдашний глава Зарубежной Церкви, митр. Анастасий отвечал, что ее члены

"никогда не считали и не считают себя находящимися вне ограды Православной Русской Церкви, ибо никогда не разрывали канонического, молитвенного и духовного единения со своею Матерью Церковью... Вполне правомочным судьей между зарубежными епископами и нынешним главою Русской Церкви мог бы быть

только свободно и законно созданный и вполне независимый в своих решениях Всероссийский Церковный Собор с участием по возможности всех заграничных и особенно заточенных ныне в России епископов, перед которыми мы готовы дать отчет во всех своих деяниях за время нашего пребывания за рубежом..." (25).

Здесь уместно уточнить определение, данное Зарубежной Церкви Н. Зерновым в начале этой главы: "Церковь в изгнании как единственная представительница русского православия". Зарубежная Церковь всегда поминала (и поминает) "православное епископство гонимыя Церкви Российския" – истинный подвиг сопротивления совершался там. Лишь поскольку у гонимых не было своего голоса – Зарубежная Церковь долгое время была их единственной представительницей *за границей*, свидетельствующей об этом подвиге.

В свою очередь, Зарубежная Церковь предъявляла упреки "парижанам" и "американцам", считая, что их откол отторгает части Русской Церкви без ее согласия, ибо действие постановления от 7/20 ноября 1920 года распространяется и на заграничные епархии...

Конечно, отрыв от Церкви ее епархий (в автокефалию или в подчинение Вселенскому патриарху) не может быть самовольным, без согласия Матери-Церкви – эти аргументы тогда звучали и из Москвы. Но при их формальной обоснованности они тоже часто сводятся к отставанию буквы, а не духа. Ведь административные каноны не даются с неба в виде абсолютных истин, а вырабатываются людьми как истины исторически обусловленные.

Солженицын, пытаясь примирить зарубежные юрисдикции, писал в 1974 году:

"Расчеты всяких строителей предусматривают действия обычных земных сил, а если раскололась сама земля, то нельзя ни упрекать их, ни сетовать на формулы. Я думаю, в такую эпоху канонические основания вообще должны были отсутствовать на второй план перед духом каждой Церкви и верностью ее исповедания" (26).

Думается, если следовать не букве указов и канонов, а их духу, вполне допустимо и каноническое упорядочение всех возникших церковных организмов. Ведь части Церкви могут менять свое самосознание, переставая быть русскими – и тогда они вправе дать жизнь новым поместным Церквам. В этом можно видеть один из провиденциальных результатов Октябрьской революции, посеявшей зерна православия по всему миру.

Вина "американцев" заключается лишь в том, что Русская Церковь-Мать находилась в столь несвободном состоянии, что не могла дать им законную автокефалию, когда они для нее созрели. А вина "парижан" – в том, что Церковь-Мать была неспособна управлять ими, и они оказались в состоянии подросткового "беспризорничества", а полюбив "приемных родителей", не хотят от них уходить. Парижская юрисдикция "вместе с греческой диаспорой, все более становится зерном или начатком Западно-Европейской многонациональной Православной Церкви" и даже после освобождения России "едва ли станет епархией Русской Церкви" (27), – писал еп. Александр (Семенов-Тянь-Шанский).

И подчеркиваемая противниками Зарубежной Церкви формальная уязвимость ее канонического обоснования тоже связана с вынужден-

ными распоряжениями несвободного руководства Церкви на родине. Таким образом, ключ к преодолению канонических разногласий лежит в России, в восстановлении свободы всецелой Русской Церкви, которая должна поставить точки над "і".

*

Как уже сказано, раскол имел не только церковно-политические причины, но и идеологические. В Америке, как пишет о. Михаил Аксенов-Меерсон,

"В годы первой мировой войны... в русской церковной среде начали усиливаться антимонархические и антииерархические настроения", которые "находили благодатную почву в американском стиле политической и церковной демократии". "Возникновение поместной американской Церкви означало революцию в православии. В лице Православной Церкви в Америке православие преодолело свой тысячелетний плен государственности и национализма" (28)...

Сходную "революцию в православии" пытались осуществить и "парижане", решившие, по выражению митр. Евлогия, "временно умереть в политико-национальном отношении" (29). Н. Зернов пишет, что возглавители Зарубежной Церкви "продолжали традицию и московского царства и петербургской империи. Они стояли на твердой почве того союза между церковью и государством, который начался со времени императора Константина в IV веке. Противники их считали, что этот период окончился с отречением русского монарха и церковь должна по-новому устанавливать свои отношения со светской властью" (30).

Эти разногласия проявились уже в связи с призывом I Всезарубежного Собора к восстановлению законного православного царя. Правда, тот призыв объяснялся не столько монархической идеологией Церкви, сколько нравственным чувством национальной вины за революцию. На II Всезарубежном Соборе в 1938 году это более точно выразил архиеп. Иоанн (Максимович):

"Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно: клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные вожди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал свершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним..."

Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов и возрождение ее возможно лишь после очищения от них. Однако до сих пор нет настоящего покаяния, явно не осуждены содеянные преступления, а многие активные участники революции продолжают и теперь утверждать, что тогда нельзя было поступить иначе..." (31)

В восстановлении законного царя и виделось искупление греха...

Особая тема – богословские разногласия, в которых Синод видел "истинную причину переживаемой церковной смуты", которая обострилась именно к 1926 году, тогда как две предыдущие причины (церковно-политическая и монархическая) сами по себе к расколу не привели. В послании Синода в 1927 году говорилось:

"...митрополит Евлогий стал явно покровительствовать модернизму как в области христианского вероучения, так и в сфере церковной жизни". "Богословский институт в Париже учрежден был митрополитом Евлогием без ведома и

благословения Заграничного Синода и Собора. Учрежден по программе, Синодом не одобренной и с приглашением в качестве преподавателей лиц, или высшего богословского образования не получивших, или таких, православие которых для Синода и Собора весьма сомнительно"; сотрудники этого Института призывают к таким начинаниям, "которые переступают грани простой реформы и возможны лишь «в виде реформации»", "то есть к отступлению от истины, хранящейся в Церкви от времен апостольских"; пример тому: "учение о Софии как о женственном начале в Боге" (32).

В свою очередь, "парижане", только выйдя из-под контроля консервативного Синода и могли заниматься своим богословским творчеством. Их ждали на этом пути как успехи (в области социального христианства и оцерковления культуры), так и соблазны – "софиология" декана Богословского института прот. С. Булгакова была одним из них. Но к чести его коллег, они же дали ему и объективную оценку – когда и в Париже маятник качнулся от новаторства к традиции. Проф. прот. В. В. Зеньковский писал:

"...в своих чисто богословских трудах Булгаков *остается философом*... Булгаков бывал часто достаточно *неосторожен* в своих формулах, – у него на каждом шагу найдем мы противоречия и трудно согласимые выражения – и именно о Софии" (33).

А проф. архм. Киприан (Керн) заявлял:

"Богословский институт никогда не считал домыслов о. Сергия своим официальным богословием. Никакой своей школы о. Сергей у нас так и не мог создать. Больше того, он не оставил в среде своих бывших слушателей, а теперь и преподавателей, ни одного ученика... Его идеи, вероятно, останутся, по меткому слову А. В. Карташева, «продуктом типографского станка и мертвыми обитателями библиотечных полок...»" (34).

Свои "идеология" и "богословие" были и у той ветви, которая возникла в результате требования митр. Сергия дать подписку о лояльности. Как замечает Н. Зернов, эта ветвь считает, "что предрержащая власть, как бы она ни была враждебна христианству, заслуживает послушание духовенства и молитв верующих, так как нет власти, которая не от Бога" (35). О богословской спорности подобного самооправдания нет необходимости специально говорить (апостол имел в виду подчинение такой власти, когда "начальник есть Божий слуга, тебе на добро" – Рим. 13,4).

Солженицын писал:

"трудно себе уяснить пути водительства западных епархий московской юрисдикции: как это? – из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи – надевать такие же цепи на себя? из сочувствия к рабам склонять и свою выю под ярмо? из сочувствия к лежущим в плену – поддерживать ту ложь на свободе? Если все это – из преданности материнской Церкви, если все эти жертвы – для единства с ней, то это – ложно понятое единство" (36).

Но все же не только раболепностью объясняется существование этой ветви: здесь присутствует "идея общей судьбы" с Россией в виде молитвенной помощи ей; как бы вера в чудо. Не всегда духовенство этой ветви вело себя послушно. Наибольшую известность и авторитет приобрели митр. Антоний (Блум) в Англии и архиеп. Василий (Кривошеин) в Бельгии, которые протестовали против преследований верующих в СССР.

Границы между всеми ветвями были подвижными. По инициативе Синода состоялось краткое примирение с митр. Евлогием в 1934–1935 гг.; тогда же, после смерти митр. Платона (1934 г.), американская митрополия воссоединилась с Зарубежной Церковью на период с 1935 по 1946 гг. После войны митр. Евлогий подал прошение на переход своей епархии в подчинение Московской патриархии (только его смерть помешала этому осуществиться в полной мере); от Зарубежной и Американской Церквей тоже были такие переходы (на волне патриотизма или в результате советского шантажа).

И на практике все возникшие юрисдикции совмещали разные миссии, направленные и на иностранный мир, и на родину. Так, "Вестник РХД" и книги издательства ИМКА-Пресс получили заслуженную известность в России, как и работы "американцев" о. Александра Шмемана, о. Иоанна Мейендорфа. А Зарубежная Церковь развила миссионерскую деятельность: Духовная миссия в Китае имела около 20 детских школ, переведены на китайский творения св. отцов и литургические книги; сербское женское монашество возникло благодаря русскому; сейчас у Зарубежной Церкви имеются школы для арабских (на Святой Земле) и чилийских девочек, англоязычные монастыри в Северной Америке, множество изданий на местных языках.

Миссии всех трех ветвей зарубежного православия, фланги соприкосновения между ними и опасности, грозящие при абсолютизации и искажении этих миссий (отмечены восклицательным знаком), можно выразить в следующей схеме:

"Склонившие выю под ярмо" ("идея общей судьбы" + невмешательство) отказались от непримирения комвласти. Их оправданием было смирение; в сущности они отказывались от несения любой зарубежной

миссии, уповая на силу молитв. Но на практике это часто граничило с капитуляцией, и Церковь молчащая превращалась в Церковь лгущую, в инструмент советской политики.

Другая позиция (неприятие комвласти + невмешательство) вела к отказу от "идеи общей судьбы". "Чтобы не повредить", они сконцентрировались на несении православия в иностранный мир: "мы борьбы не ищем" (37). Они, конечно, были вправе избрать эту миссию "умершего зерна", которая, даст Бог, принесет свой плод (грозящая им опасность: безответственность).

Только вряд ли было оправданно требовать того же от третьих, которые соединили "идею общей судьбы" с неприятием комвласти. Они стремились быть за границей свободной частью Русской православной Церкви и свидетельствовать о ее мученическом подвиге на родине, защищать верующих гласностью, отстаивать бескомпромиссные критерии оценок происходившему в России. (Опасность этого варианта: горделивая узость – может быть, от недостатка смирения.)

Но как сказал А. Солженицын:

"...это многodesятилетнее, на Западе все более одинокое, горькое твердое стояние не может не вызвать уважения в наш расслабленный век... И когда Зарубежная Русская церковь обвиняется в русской узости, я должен ее защитить. Безо всякой теории: пока Россия измождена и распята, я, придя в храм, об этом забыть не могу, и даже тем более здесь, в эмиграции, не могу, и хочу приобщиться к молению о том, чтоб она воспряла. И когда в цюрихском церковном подвальчике перед неполным десятком прихожан престарелый о. Александр (Каргон) с задыхкою и страданием в голосе – ежеразным страданием – произносит:

"о еже избавити люди Твоя от горького мучительства безбожных власти", – я вздрагиваю (потому ли, что невозможно услышать такое в московском храме?), вспоминаю реально, в тысячах лиц, наших людей под безбожной властью, и, мне кажется, из этого немногочисленного подвальчика струится вверх немалая часть нашего будущего освобождения. Когда же в мощном просторном храме при многих русских и на русском языке я слышу прошение о королеве Елизавете – я, при всем к ней сочувствии, не вздрагиваю, ибо знаю, что мало угроз на небе ее..." (38).

Думается все же, сегодня о каждой из эмигрантских ветвей уже можно судить не по тому, какую миссию она себе выбрала, а по тому, насколько хорошо она выполняет свою миссию. Тогда кое-кому и в Зарубежной Церкви было не лишне напоминание Солженицына, что

"всякое стояние, чтоб удержать свои позиции неискаженными, должно развиваться во времени. И чуткое развитие взглядов, оценок, практических решений Ваших Соборов, поместных и архиерейских, могло бы вероятно сделать Вашу деятельность много эффективнее и помочь насущнее общему возрождению Русской Церкви... Я бы очень предостерег отдельных заносчивых мечтателей от такого ожидания, что освобожденный православный мир рухнет о-земь и будет просить иерархию Зарубежной Церкви прийти и возглавить себя... Не человеческими весами взвесить, кто кого должен тут оказаться достоин по силе страданий, по силе раскаяния и по силе веры своей" (39).

Конечно же, каяться за свои грехи должны все, в том числе и эмиграция: что не была "со своим народом, там где наш народ к несчастью был"... У каждой из ветвей есть грехи и добродетели. Но какие бы отклонения ни встречались у кого-то в следовании своему принципу – это не отменяет возможности самого принципа.

Трагично не происшедшее разделение, а неспособность разделившихся понять возникшие разные самосознания друг друга и вследствие этого – утрата литургического общения. Задача состоит не в объединении эмигрантских юрисдикций, не в навязывании друг другу своих миссий, а в прощении допущенных несправедливостей.

В Сан-Франциско ситуация была близка к желательной: еп. Василий (Американской Церкви) и архиеп. Антоний (Зарубежной Церкви) не раз "вместе молились и благословляли народ... в Русском Центре", их прихожане могли посещать храмы разных юрисдикций. Епископ Василий (Родзянко) пишет, что Православная Церковь в Америке никогда не выносила решения о неканоничности Русской зарубежной Церкви:

"Ни один ныне здравствующий иерарх РЗЦ не находится ни под запрещением, ни под судом, и никем не лишен сана... Когда на Всероссийском Поместном Соборе 1971 г. в Троице-Сергиевой Лавре был поднят вопрос об отлучении РЗЦ, этому смело и решительно воспротивился тогдашний экзарх Московской Патриархии в Западной Европе, Сурожский Митрополит Антоний (из Лондона) и произнес на Соборе горячую речь в защиту РЗЦ. Его поддержал в своем выступлении делегат-мирянин из Франции Н. В. Лосский. Собор не отлучил РЗЦ, а всего лишь постановил «изучить этот вопрос». "Точно также и Архиерейский Собор РЗЦ нигде и никогда не "отлучил" (не объявил "неправославной" – наравне с римо-католиками...) ПЦА... Все решения носили лишь административный характер. Существуют различные богословские мнения на этот счет, но они только мнения, а не канонические экклезиологические решения всей РЗЦеркви". ПЦА и дальше считает РЗЦ Церковью и не сомневается ни в ее таинствах, ни в ее Православии, ни в ее Вере, и мистически находится с ней в полном общении, как с частью Вселенской Православной Церкви – Божественного Тела Христова, присутствующего во всей полноте в ее Евхаристии" (40).

...Сегодня Русская зарубежная Церковь имеет около 150.000 прихожан, 330 приходов и 24 монастыря – на всех континентах, в том числе на Св. горе Афон и на Святой Земле. Западно-Европейская православная Франкископия насчитывает около 50 приходов (в их числе много франкоязычных) с примерно 30.000 прихожан. В Американской православной Церкви – более 500 приходов (в том числе албанские, болгарские, румынские, вернувшиеся в православие униаты, мексиканские старокатолики) и несколько сот тысяч верующих. Зарубежные приходы Московской патриархии насчитывают во всем мире (помимо восточной Европы) 4-5 тысяч человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kovalevsky P. La Dispersion Russe. Chauny (Aisne). 1951. P. 7.
2. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж. 1974. С. 228-229.
3. Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженного Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк. 1961. Т. VII. С. 27-29.
4. Цит. по: Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Париж. 1947. С. 386.
5. Митрополит Владимир. Париж. 1965. С. 30-39.
6. Цит. по: Тальберг Н. К сорокалетию пагубного евлогийанского раскола. Джорданвилль. 1966. С. 7-8.

7. Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. С. 8-10; Евлогий Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 402-403.
8. Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. С. 10.
9. Цит. по: Там же. С. 9, 11.
10. Цит. по: Родзянко М. Правда о Зарубежной Церкви / "Православная жизнь". Джорданвилль. 1976. № 6. С. 7.
11. Напр.: "Московский Церковный Вестник". Москва. 1990. № 13. С. 8.
12. Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. С. 61-62, 210.
13. Seide G. Geschichte der Russischen Orthodoxen Kirche im Ausland von der Gründung bis in die Gegenwart. Wiesbaden. 1983. S. 201; Seide G. Verantwortung in der Diaspora. München. 1989. S. 83-84.
14. Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. С. 148, 112, 202.
15. Письмо митрополита Сергия / "Вестник РХД". Париж. № 114. 1974. С. 147-148.
16. Цит. по: Польский М., прот. Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль. 1948. С. 118-119.
17. Поспеловский Д. Митрополит Сергей и расколы справа / "Вестник РХД". 1990. № 158. С. 72-73.
18. Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 620-621.
19. Цит. по: Польский М., прот. Указ. соч. С. 143-145.
20. Поспеловский Д. Указ. соч. С. 72-73.
21. Примеры см.: Граббе Г., протопр. Церковь и ее учение в жизни. Монреаль. 1964. Т. I. С. 233-235.
22. Иоанн (Шаховской), архиеп. Православие в Америке / "Русская мысль". 1964. 27 февр.
23. Андронников К. О православии на Западе / "Вестник РСХД". 1967. № 86. С. 26-37; Андронников К. О церковном устройстве в Западной Европе / "Вестник РСХД". 1970. № 98. С. 47-52.
24. Православная Русская Зарубежная Церковь. Монреаль. Без года (1960-е годы). С. 2. (Брошюра, предназначенная Синодом для засылки в Россию.)
25. Цит. по: Родзянко М. Указ. соч. С. 40.
26. Солженицын А. Письмо Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви / "Вестник РХД". 1974. № 112-113. С. 104.
27. От епископа Александра Зиловского (Семенова-Тян-Шанского) / "Вестник РХД". 1974. № 114. С. 112-113.
28. Аксенов-Меерсон М., свящ. Православие и свобода. Бенсон (США). 1986. С. 154, 160, 171, 177, 179.
29. Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 609.
30. Зернов Н. Юрисдикционные споры в Русской Церкви эмиграции и I Всеамериканский собор в Карловцах в 1921 году / "Вестник РХД" 1974. № 114. С. 120, 122, 124-125.
31. Цит. по: "Русский паломник". Калифорния. 1990. № 2.
32. Цит. по: Никон (Рклицкий), архиеп. Указ. соч. С. 172-176.
33. Зеньковский В., прот. История русской философии. Париж. 1950. Т. II. С. 435, 444.
34. Цит. по: Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк. 1956. С. 151-152.
35. Зернов Н. Юрисдикционные споры... С. 121.
36. Солженицын А. Письмо Третьему Собору... С. 104.
37. Цит. по: Родзянко М. Указ. соч. С. 40.
38. Солженицын А. Письмо из Америки / "Вестник РХД". 1975. № 116. С. 126-127.
39. Солженицын А. Письмо Третьему Собору... С. 109.
40. Вассилий (Родзянко), еп. Наши отношения с Зарубежной Церковью / "Русская жизнь". Сан-Франциско. 1982. 23 сент. С. 6.

Самый откровенный аморалист

Д. ШТУРМАН

Политолог и публицист Дора Моисеевна Штурман продолжает серию статей "Ленин и его гвардия" – о большевиках–руководителях, перечисленных Лениным в его завещании последних дней 1922 года. В "Посеве" уже были опубликованы статьи о Пятакове (№ 2, 1991), о Бухарине (№№ 3 и 4, 1991), о Зиновьеве и Каменеве (№ 5, 1991). Троцкий – единственный представитель "ленинской гвардии", еще сохраняющий симпатии немногочисленных своих последователей, поэтому ему Д. М. посвящает целых три статьи. Первая из них публикуется ниже.

*Опасные делишки –
писать в России книжки.
Ты, Лёва, тиснул зря
"Уроки Октября".*

*(Из лагерной эсеровской
песенки 1920-х гг.)*

Профессионалы, пишущие о Троцком, упорно исследуют вопрос о том, почему Троцкий не овладел партийно–государственной инициативой после смерти Ленина и что ему необходимо было предпринять для одоления Сталина.

Логика, определяющая сегодняшнюю популярность Троцкого, такова: Троцкий упал, сраженный ледорубом, вложенным Сталиным в руки ничтожного политического статиста; если Сталин стремился его убить, значит, Троцкий был Сталину опасен; значит, Троцкий был противником Сталина, его антитезой. И если Сталин – тиран и невежда, то Троцкий – тираноборец и интеллигент. Сталин совершил страшные преступления – значит, Троцкий сделал бы на его месте много хорошего.

Растет, однако, не только апологетическая, но и отрицательная популярность Троцкого: ему приписывается всё больше и больше злого влияния на ход российской истории 1917–1929 гг.

Второй вариант мифа о Троцком таков: замысел хорошего русского коммуниста Ленина погублен злодейством еврея Троцкого, разоблаченного слишком поздно, чтобы можно было ликвидировать плоды его преступлений.

Как это ни странно, существует еще стереотип Троцкого–демократа, либерала, универсалиста в вопросах политики и культуры, и этот стереотип возникает даже в работах специалистов по советской и партийной истории, хорошо знающих свой предмет.

Собственно говоря, Троцкий не из тех авторов и политиков, чьи побуждения, черты и действия глубоко законспирированы и требуют для своего выявления исследователя с детективным даром. В своих сочинениях он весь как на ладони. В печатно-речевом наследии Троцкого присутствует зачастую удивительная – до цинизма, граничащего с наивностью, – откровенность. И одновременно в них явственно ощущается столь знакомая каждому подсоветскому человеку фальшь партийных мнимо теоретических штампов и партийной политической фразеологии. Это противоречие объяснимо. Троцкий – приверженец глубочайше беспомощной схемы перманентной мировой пролетарской революции. Он исповедует эту схему неукоснительно, с патологическим безразличием к ее наглядному расхождению с действительностью. Не утратить при этом видимость логичности и правдоподобия Троцкому, как и всем радикальным марксистам, позволяет только ряд словарных подмен.

Эти лексические подмены со времен Маркса и Энгельса стали частью партийного ритуала, вошли в плоть мышления коммунистических партийных лидеров. Они сводятся к неправомерному лексическому отождествлению радикал-экстремистской партии коммунистов с рабочим классом, с его лучшей частью ("авангардом"), впитавшей в себя некий мистический "дух рабочего класса" (Ленин). До своего перехода к большевикам Троцкий не раз уличал Ленина в беззастенчивой эксплуатации этого неправомерного отождествления (большевики = "авангарду пролетариата"). Это ему сразу же после смерти Ленина и напомнили "старые большевики" – Каменев и Сталин – с целью указать самонадеянному пришельцу его место в партии. Троцкий претендовал на лидерство – Сталин умело обратил против него его небольшевистское прошлое и свары с Лениным.

Как все талантливые ораторы артистического, актерского типа, Троцкий легко самовозгорался от пламени, которым стремился зажечь аудиторию. При согласии с лексической подменой, о которой сказано выше, в действиях коммунистов-экспансионистов появлялась марксистская логика. Сумев внутренне переступить через эту подмену, Троцкий уже не сомневался более в непогрешимости пророчеств и рецептов Маркса, а значит, и в собственной правоте: он работал на "мировую пролетарскую революцию", которую предсказал Маркс. И уже не трудился скрывать неблагоприятные, на посторонний взгляд, детали и своего, и партийного поведения: всё искупалось "правильностью" диктующей эти поступки схемы. Так Гитлер не скрывал своего антисемитизма, который обычные житейские антисемиты из тех, которые покультурнее, стараются не выставлять на показ без особой нужды. Они понимают, что расизм не красит, – Гитлер отверг это понимание. Он верил только величию и спасительности своей программы для немцев. Точно так же Троцкий уверовал в конечную спасительность своей программы для всего человечества; поэтому исчезли всякие поводы стесняться, стыдиться жестоких или бесчестных шагов, продиктованных интересами всемирной экспансии коммунизма. К тому же Троцкий и по натуре склонен к рисовке, к

позе, к самолюбанию. У него что ни фраза – то поза; что ни поза – то фраза. Обращаясь в своих сочинениях к единомышленникам, полагая в них ту же приверженность к марксистской схеме, что и в себе, он охотно обнажает свои политические маневры, которые всегда считает блистательными, демонстрирует свою беспощадность и бескомпромиссность, а заодно нередко и изнанку партийной тактики.

Почему Троцкий не сменил Ленина в 1923–1924 годах?

Сочинения, речи и автобиография Троцкого(1) свидетельствуют: Троцкий силен только на гребне волны, в условиях, когда его революционные устремления, ораторский фейерверк, тактическая изобретательность и военная беспощадность поддержаны, подстрахованы общей благоприятной ситуацией (массовым настроением) и некоей фигурой номер 1, предопределяющей возможности Троцкого – организатора и завоевателя, Троцкий по личным психологическим качествам – деятель номер 2, верховный исполнитель, а не инициатор, не генератор ведущих идей, маневров и настроений. Темперамент и честолюбие влекли его к более радикальной деятельности, чем осторожная политика западной и российской социал-демократии. В месяцы и недели революционных подъёмов его тянуло в сторону большевиков.

Февральская революция возродила революционные устремления Троцкого 1905 года. Он увидел в ней один из этапов своей "перманентной революции" и решил, что следующий этап (переход от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской) можно проделать в союзе с Лениным. За этим этапом ему грезился третий – международная, во всяком случае – европейская, социалистическая революция. Но пока следовало энергично действовать здесь, в России, опираясь на тактический гений Ленина. Этот союз предопределил драматическую гибель Троцкого и его детей. Но тогда – кто мог предвидеть такой ход событий? И Троцкий решительно становится в кильватер деятелю, о котором за 1906–1916 годы произнес и написал столько уничтожительных слов. Отныне и до конца 1922 года его поведение стратегически предопределено сценарием Ленина.

Троцкий при благоприятных для него обстоятельствах импровизирует легко и успешно. В 1905 году он играл на высокой волне восстания. Между февралем и октябрём 1917 года он действовал с опорой на Ленина внутри распадающегося государства, против кучки растерявшихся интеллигентов – либералов и социалистов. Потом носился в штабном вагоне, как Махно – в тачанке, чувствуя за собой, в партийном тылу, всё того же Ленина и партию. А партии отступать иначе, как в пропасть расплаты за всё творимое, уже в 1919 году было некуда.

К 1923 году он по необходимости перестал опираться на выпадающего из игры большевика номер 1, но никого из вероятных преемников Ленина не ощутил стоящими не только над собой, но и вровень с собой. Не Сталина же, с которым в его сознании ассоциировалась непреодолимая второсортность?.. Троцкий остался без внутренне признанного активизирующего патрона и сделался снова тем, чем был до

альянса с Лениным, – коммунистическим литератором, для которого поле битвы – бумага, оружие – разные полемические и пропагандные жанры: статья, декларация, диалог, заявление, прокламация. Бороться со Сталиным на этом поле и этим оружием было смешно, ибо Сталин действовал сугубо организационно, лепя работающие в нужных ему направлениях функциональные структуры и подразделения, временные и постоянные, динамические и стабильные. Сталин овладевал партократическими аппаратами, – Троцкий и его сторонники упражнялись в различных жанрах дискуссии. Несовпадение плоскостей состязания предreshало исход борьбы.

Было еще и объективное обстоятельство, предопределившее падение Троцкого после смерти Ленина (произошло бы то же самое и при Ленине или Ленин сумел бы его увлечь за собой, трудно гадать). Троцкий всегда оставался человеком Схемы. По окончании гражданской войны Схема пришла в существенное противоречие с интересами его не склонной к смертельному риску партии. Троцкий (как Гитлер) утратил чувство реальности в определении возможной меры риска для партии и для системы.

Он хотел продолжать свою "перманентную" (непрерывную) "революцию" прямолинейно, как, по его представлениям, он действовал до тех пор. Но перманентность того, что большевики называли "мировой пролетарской революцией", уже уходила в разветвленный подкоп под Европу – в мировое агентурное, пропагандистское и террористическое подполье. Даже от собственного народа это подполье надо было конспирировать: народ только-только утихомирился в нэпе, еще едва-едва набиравшем силу. Серенький Сталин, над чьей ленностью беспечно потешался Бухарин(2), превосходно усвоил и очень быстро освоил внешнеполитическую тактику Ленина – основателя Коминтерна, – тактику подпольной деструктивно-пропагандистской экспансии взамен чересчур откровенных лозунгов "мировой революции".

У Сталина было такое же четкое чувство меры, как и у Ленина: оба они как правило не заглазывали кусков, которых не могли бы переварить. Сталин, следуя Ленину, отбросил мысль о лобовой революционной атаке против "мирового империализма". В этом за Сталиным стояли и партия, и страна. Вместо этого возникала тактика проникновения в жизнь всех народов мира без объявления военных действий, сквозь любые щели и ходы. Шпионаж, агентура влияния, вербовки, деструкции, демобилизации, подкупы, дезориентации, в определенных случаях – террор, сперва индивидуальный, который постепенно стал массовым, – вот направления, по которым начала развиваться перманентная экспансия партократии в свободный мир. Троцкий то ли проглядел, то ли не мог ради этих приемов расстаться с революционерской патетикой и эстетикой своей модели "мировой революции". Он рвался к межконтинентальной трибуне и жаждал трансевропейского штабного вагона.

Между тем ему не на кого было опереться в пропаганде своей перманентной схемы, кроме горстки таких же догматиков и одновре-

менно романтиков, революционеров-космополитов, каким оставался до самой своей гибели он сам. Сколько бы Троцкий ни рассуждал и ни писал о своем понимании задач РКП(б), российского и мирового пролетариата, сам он ничего не делал и не мог бы поделаться для решения этих задач. Любая попытка РКП(б) переключиться на "перманентную революцию" была бы гибельной для режима и встречала решительное сопротивление не только Сталина, но и большинства членов партии.

Что же ему оставалось делать?

До высылки он удалялся от неблагоприятной и несимпатичной реальности в партийные санаторные заповедники (благо, болезни действительно были: колит, хроническая легкая лихорадка, нервы, изредка – обмороки^{*}) и вел против Сталина уничтожительную, как ему казалось, войну, то есть писал статьи об истинном ходе и смысле октябрьской революции, об истинных, по его мнению, ролях и поведении ее участников и время от времени требовал (тоже в статьях, иногда – в письмах) "ленинской демократии" в партии. Как и во всех внутрикейстских требованиях "демократии", это означало требование свободы высказываний и действий для себя и своих сторонников.

В Kisловодске в сентябре 1924 года он написал замечательную статью "Уроки октября". Ему самому эта статья не принесла ничего, кроме неприятностей: в ней он ядовито напоминал своим процветающим коллегам по руководству партией то, о чем они очень старались забыть.

Они отплатили ему за эту предельно недипломатическую, преисполненную самолюбования и самоуверенности статью первым открытым и грозным в своей откровенности выступлением против него и его претензий на ведущее место в л е н и н с к о й, то есть и х партии. Ленин, изолированный и пренебрегаемый партийной элитой весь последний год своей жизни, был к этому времени уже мумифицирован. Его литературное наследие стало неисчерпаемым источником разноречивых цитат для всех фракций РКП(б). Статья Троцкого издается по указанию Центрального Комитета партии отдельной книжкой с присовокуплением к ней доклада Каменева и выступления Сталина, посвященных разбору не только этой статьи своего оскорбителя, но и всей политической биографии Троцкого. На титульном листе этой книжки злобеще-массивными черными литерами напечатано: "Троцкий перед судом коммунистической партии". Далее следует: "Л. Троцкий, 1917. Уроки Октября". А еще ниже – "Каменев и Сталин. Ленинизм или троцкизм? Ответ Троцкому"(3).

В докладе Каменева и в выступлении Сталина отчетливо (для современного слуха) звучит убийственная фразеология "больших процессов" 1930-х гг. На вертеле этой фразеологии будет корчиться через тринадцать лет и Каменев. Но в 1924 году Сталин милостиво отпускает ему и Зиновьеву грех несогласия с Лениным осенью 1917 года. От

^{*} Ходили слухи, что у Троцкого была эпилепсия, но он это в своей автобиографии решительно отрицает, настаивая лишь на склонности к обморокам.

Троцкого же в докладе Каменева и выступлении Сталина остается лишь самовлюбленная и беспринципная безличность, суетливо перебегающая от одной партийной группировки к другой в поисках политического выигрыша. Между тем прав, рисуя свою картину октябрьских событий, Троцкий, а не его оппоненты. Именно эта унижительная для многих "старых большевиков" точность Троцкого в изображении октябрьского переворота и явилась главным (не декларируемым его оппонентами) его преступлением перед партией. Он не имел, по их убеждению, права посягать как на партийный миф, так и на его героев в своей статье, рассчитанной на молодых партийцев и на коммунистов Запада.

"Уроки Октября", возбудившие негодование верхушки тогдашней РКП(б), могли бы стать блистательными уроками истории XX века для человечества, если бы они не шли в пустом классе, как идут все такого рода уроки. А жаль...

В "Уроках Октября" доказывается, в первую очередь, тот общеизвестный для тогдашнего руководства партии факт, что подавляющее большинство предоктябрьского ЦК (более остальных - Зиновьев и Каменев, а одно время и Сталин; его, правда, Троцкий не называет) в октябре 1917 года было против восстания.

Считая себя марксистами, они никак не могли освоиться с мыслью, что в стране с двадцатикратным, если не более, преобладанием крестьянства над промышленными рабочими можно устраивать пролетарскую революцию... И уж вовсе никто из них, вероятно, не мог тогда представить себе, что свободно высказанные внутри партии политические соображения окажутся когда-нибудь для них смертоносными. В марте-октябре 1917 года в тяжбе с верхушкой собственной партии Владимир Ульянов, победив, предрешил губительный поворот истории XX века в тупик партократии и нечеловеческую гибель большинства октябрьских партийцев. Однако Троцкий, вскочивший тогда на подножку ленинского автомобиля, никогда не будет воспринимать октябрьскую победу Ленина (и свою) иначе, как величайший исторический выигрыш(4). Он всегда будет возвращаться в 1917-й год как в эру высшего своего торжества. Всегда бесцеремонно относившийся к теоретическим догмам Ленин (мастер их подгонки под нужды момента) и упрямый, казалось бы, марксистский доктринер Троцкий равно легко переступили через ортодоксальный марксизм, когда учуяли возможность добиться власти.

"...Вырвать власть. Остальное приложится", - так характеризует Троцкий в "Уроках Октября" сентябрьскую позицию Ленина и подписывается под ней обеими руками. Он многократно подчеркивает и первым возводит в исторический антипартийный криминал несогласие большинства куда более старых, чем он, сподвижников Ленина с этой позицией.

Характерологически между Лениным и Троцким было мало общего. Ленин никогда не компоновал сам собраний своих сочинений. Это делали за него другие, в основном, после его смерти. Его редакторы, а

не он, включили в его сочинения все клочки бумаги, которые он когда-либо подписал (кроме по сей день секретных), все газетные отчеты о его речах, включая самые косноязычные. Троцкий же сам курирует издание своих сочинений и любовно включает в них даже протоколы своих допросов(5), а также газетные упоминания о своих выступлениях и подписанные им приказы, полагая, по-видимому, что для современников и потомков значительно всё, что он когда-либо произнес или написал. Великая Схема, которая избрала его своим орудием, не допускает сомнения в своей всеохватывающей правоте и тем самым исключает сомнения в непогрешимости своего носителя.

В "Высокой болезни" Б. Пастернак писал о Ленине: "Когда он обращался к фактам, казалось: полоща им рот, его голосовым экстрактом сквозь них история орёт".

Так показалось в какой-то миг Пастернаку. Сам же Ленин был чужд соизмерению себя с историей: он впрягся в свою чудовищную задачу и волок ее, пока не свалился, так и не постигнув ее бессмысленности. Троцкий же, оказавшись уже к середине 1920-х гг. почти не у дел, всегда, вплоть до удара сталинским ледорубом по черепу, преисполнен революционной патетики и ощущает себя "голосовым экстрактом" самой истории.

"Уроки Октября" – это прежде всего рассказ о том, как Троцкий организовал Октябрь. В 1924 году, явно оттесняемый Сталиным и остальными уже не на второе, как при Ленине, место, а на третьестепенные роли, он упивается величавыми воспоминаниями о своем апогее, что и было язвительнейше прокомментировано Каменевым и Сталиным в упомянутой выше книге.

В итоге долгих рассуждений Троцкого оказывается, что для начала партократического переворота в России вообще не потребовалось ни согласия, ни участия народных масс, в том числе и пролетарских. Большевицкие лидеры 1924 года отнюдь не были заинтересованы в публичном доказательстве этого факта ради самовозвеличения Троцкого.

Но Троцкий неопровержимо доказывает: понадобилась продолжительная кризисная ситуация и бездействие (безвластие) Временного правительства, чтобы обстоятельства, именуемые "двоевластием", привели к большевистскому перевороту.

По Троцкому, и переворот фактически совершился несколько раньше, чем принято числить в силу традиции, связавшей переворот со II съездом Советов.

Ленин, впрочем, и не собирался ждать II съезда Советов. Он упорно требовал от ЦК своей партии пренебрежения этой пустой формальностью – предварительной легализацией съездом действий большевиков. Но во всей своей публицистике и речевой продукции 1917–1921 гг. Ленин с неменьшим упорством камуфлирует большевистский партократический переворот волей и властью Советов. Троцкий же с присущей ему – всегда не ко времени – откровенностью доказывает изна-

чальную камуфляжную роль Советов в большевистской политике. Ведь не Советы, а партия есть синоним лучшей части пролетариата, – кому же, если не партии, положено воплощать в своих действиях волю класса?

Троцкий с высокой степенью документальности и с несомненным знанием дела показывает, что так называемое "восстание" лишь чисто пропагандистски, *post factum*, "было введено в советское русло и агитационно связывалось со вторым Съездом Советов": к моменту открытия съезда власть была в руках Троцкого и его отборных штурмовиков, и потому Ленин смог появиться на съезде.

Одновременно, не выпячивая себя за нейтральным "мы", он показывает, что своим фантастическим выигрышем в восстании партия обязана ему*, а не Ленину:

"С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (1 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство"(6).

"...Советы Ленина – начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекали именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после "тихого" восстания столичного гарнизона к середине октября. С того момента, как батальоны по приказу Военно-Революционного Комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно.

...Мы называем это восстание "легальным" – в том смысле, что оно выросло из "нормальных" условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только продолжали и улубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго Съезда Советов, мы развивали и улубляли уже успевшие сло-

* В автобиографической "Моей жизни" с такой же скромностью будет показано, что и выигрышем в гражданской войне тоже ему.

житься традиции двоевластия, подготавливали рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе"(7).

Так "двоевластие", то есть фактическое безвластие Временного революционного правительства, обеспечило априорную легализацию большевистского – под прикрытием власти Советов – монопартократического переворота.

"...Нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности наших врагов – соглашателей"(8), – говорит Троцкий.

"В ловушку советской легальности" – это сказано с непозволительной откровенностью, но в высшей степени метко. В эту ловушку с тех пор и ловились хорошие люди во всем мире, включая героических советских правозащитников. А советской легальности не существует с октября 1917 года.

Еще циничнее звучит следующее признание Троцкого:

"Временное Правительство хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели идти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель, "легальное" прикрытие. Этим мы обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона и тесно связали его с петроградскими рабочими. Наоборот, наши противники, при безнадежности своего положения и путаности своей мысли, склонны были советское прикрытие принимать за существо. Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность"(9).

"Петроградские рабочие", что непреложно следует из текста статьи, были здесь ни при чем. Троцкий основательно кривит душой, когда говорит:

"В сознании масс источником власти являлись Советы. Из Советов вышли Керенский, Церетели, Скобелев. Но и мы были тесно связаны с Советами нашим основным лозунгом: вся власть Советам.

...и мы были заинтересованы в том, чтобы использовать советскую легальность. В конце Демократического Сопения мы вырвали у соглашателей согласие на созыв Второго Съезда Советов. Этот Съезд создавал для них чрезвычайные затруднения: с одной стороны, они не могли противиться созыву, не порывая с советской легальностью; с другой стороны, они не могли не видеть, что Съезд не обещает им, по своему составу, ничего хорошего. Тем настойчивее апеллировали мы ко Второму Съезду, как хозяину страны, и всю нашу подготовительную работу приурочивали к поддержке и охране Съезда от неизбежных на него покушений контрреволюционеров"(10).

Здесь есть принципиальная передержка: съезд не обещал "ничего хорошего" не "соглашателям", а большевикам. Потому они и предварили его своей операцией. Поставив съезд явочным порядком перед уже свершившимся захватом власти, большевики добились на нем перевеса только после ухода со съезда значительной части его депутатов. Впрочем, чуть ниже Троцкий и сам о том говорит:

"Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией – одно, а подготавливать и потом осуществить восстание под лозунгом

защиты прав Съезда Советов – совсем другое. Таким образом **приурочение** вопроса о захвате власти ко Второму Съезду Советов не заключало в себе каких-либо наивных надежд на то, что Съезд сам по себе может разрешить вопрос о власти. Такой **фетишизм советской формы был нам совершенно чужд**^{*}. Вся необходимая работа, не только политическая, но и организационная и военно-техническая, для захвата власти шла полным ходом. Но легальным прикрытием для этой работы была все та же ссылка на предстоящий Съезд, который должен разрешить вопрос о власти"(1).

Чем еще можно объяснить эту одиозную откровенность, если не абсолютным внеморализмом автора? Переступить через заповедь "Не лжесвидетельствуй" куда легче, чем через заповедь "Не убий". Но как оправдать этот цинизм с точки зрения сугубо партийной, тактической? Разве что только весьма обоснованным представлением о нечитаемости партийной литературы никем вне партии и Коминтерна...

Как известно, группа видных большевиков вступила в переговоры с меньшевиками, убеждая их, что никакой угрозы восстания, которое якобы будет возглавлено большевиками, не существует. Напротив: руководство РСДРП(б) прилагает максимум усилий для исключения такой угрозы.

Троцкий уничтожительно иронизирует:

"Предположение Керенского, будто специально для этого отряженные большевики вводили в заблуждение меньшевиков и эсеров насчет предстоящей ликвидации восстания, с фактической стороны не верно. На самом деле в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. Но объективно эти парламентарии несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага. Однако эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и повела его до конца.

Для того, чтобы весь этот широкий обволакивающий маневр оказался победоносным, нужно было стечение совершенно исключительных обстоятельств, больших и малых. Прежде всего нужна была армия, не желавшая больше сражаться.

...Только в этих условиях можно было победоносно провести эксперимент с петроградским гарнизоном, предопределивший октябрьскую победу"(12).

^{*} Что "фетишизм" любых представительных форм большевикам был и остался чужд, это точно. Поэтому так и удивило меня, что А. Авторханов в "Становлении партократии", защищая демократизм Троцкого начала 1920-х годов против узурпаторских тенденций Сталина, пишет:

"Сталин обосновал и программу превращения Советов из органов государственной власти во вспомогательный орган партаппарата.

...Сегодня такой порядок в СССР считается само собой разумеющимся, но в то время, когда Советы пришли к власти под лозунгом самого Ленина "Вся власть Советам!", такая бесцеремонная узурпация власти Советов, этих якобы народных парламентов ("Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов") считалась прямо-таки кощунственной".

Здесь Троцкий не только решительно отменяет привычную версию героической октябрьской революции – на деле плода шкурной трусости петроградского гарнизона. Он еще и преподносит весьма сомнительный комплимент своим противникам в тогдашней, 1924 года, глухо идущей борьбе за власть, за лидерство в партии. Они, оказывается, сыграли роль не только оппортунистов и изменников партийному делу, но и послужили невольно безмозглой ширмой для истинных революционеров. Троцкий же действовал проницательней самого Ленина.

Фраза "такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд", признающая фиктивность советской вывески партократии ленинского периода, произносится Троцким без колебаний. Доблестью коммуниста является партийность, а не народность.

Не ко времени откровенные "Уроки Октября", которые так дорого обошлись впоследствии Троцкому, одно только и призваны были доказать: что большевистский заговор не являлся мнимым и что во главе этого заговора практически стоял в решающую минуту не Ленин, а он, Троцкий. Сталин же вообще не имел отношения к этому блистательному маневру. Мог ли мстительный Коба простить Троцкому его неосмотрительное самодовольство?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Троцкий Л. Д. "Моя жизнь". Берлин, "Гранит", 1930.
2. "Первое качество Сталина - ленность, - поучал меня когда-то Бухарин. - Второе - непримиримая зависть к тем, которые знают или умеют больше, чем он. Он и под Ильича вел подпольные ходы". Троцкий Л. Д. "Моя жизнь". Ч. II, с. 184.
3. Берлинское книгоиздательство, 1924.
4. Троцкий Л. Д. "1917. Уроки Октября". Троцкий перед судом коммунистической партии, с. 65, 67.
5. Июль 1917 года.
6. Троцкий Л. Д. "1917. Уроки Октября". Троцкий перед судом коммунистической партии, с. 40-41.
7. Там же, с. 41-42 (выделено Д. Ш.).
8. Там же, с. 42-43 (выделено Д. Ш.).
9. Там же, с. 43 (выделено Д. Ш.).
10. Там же, с. 43-44.
11. Там же, с. 44 (выделено Д. Ш.).
12. Там же, с. 44-46 (выделено Д. Ш.).

Обманутый временем

Юлия ЖУКОВСКАЯ

Я смотрю в глаза своему деду Мартемьяну Рютину. Такая неизбывная мука, такая скорбь застыли в них!..

На самом краю жизни сделал фотограф внутренней тюрьмы на Лубянке этот снимок, прежде чем пуля пробила затылок, а прах захоронили среди других "невостребованных" на кладбище Донского монастыря.

Я уже знаю о своем деду очень много, особенно из его собственных писем, отправленных жене и детям из одиночек Верхне-Уральской и Суздальской тюрем. Уверена: если бы он только знал, что кто-то из его потомков увидит этот снимок, нашел бы силы посмотреть в объектив иначе, спрятав безысходную боль. Но он не мог этого знать. Равнодушный конвоир отошел в сторону, привыкший ко всему фотограф сделал снимок, и на этом всё кончилось. Из газет я теперь знаю, что фотографировали либо в день расстрела после приговора, либо накануне. Значит, это было девятого или десятого января 1937 года.

Изуверство НКВД понять невозможно. Зачем фотографировать смертника в день казни? Это, наверное, может объяснить только сам садист-убийца.

Его реабилитировали после долгих сомнений "цекистов" лишь в 1988 году. Да и как могли они простить вдруг хоть одну фразу из его знаменитого теперь "Обращения" и работы "Сталин и кризис пролетарской диктатуры"? Как можно было снять клеймо "врага", сказавшего еще в 1932 году пророческие слова:

"Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца, авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах".

О его реабилитации сразу же сообщили все центральные газеты. Глухо промолчала лишь "Правда". Но так как "дело" было еще заперто от журналистов и историков, статьи грешили ошибками, исправленными только теперь.

И вот осенью 1989 года, после безуспешных униженных просьб, обращенных к Прокуратуре СССР и ЦК КПСС, мне разрешили наконец, с ведома А. Н. Яковлева, в то время члена Политбюро, ознакомиться с делом деда в КГБ и делом в партархиве. То есть с тем, с чего начинается "Большой террор" Роберта Конквеста.

Обычная биография для большевика той поры. Рютин Мартемьян Никитич, крестьянский сын, родившийся в 1890 году в деревне Верхне-Рютино, что находилась в трехстах верстах от Иркутска, сельский учитель, участник гражданской войны, секретарь губкома. Он безоглядно верит Сталину до 1927 года, а позже становится его непримиримым политическим противником.

Я читала беспристрастные истины у историка Конквеста, описавшего неравное противоборство величайшего тирана с восставшим большевиком, а в сущности – обманутым человеком, и понимала то, что тщательно обходит сам Конквест, вероятнее всего, из неприязни к большевизму вообще. Понимала, какое нужно было нечеловеческое усилие Рютину, чтобы в то страшное время прокричать оболваненным людям слова правды.

А еще позже я узнала, что в камере деда на стене висели мои рисунки-каракули трехлетней девочки. Я выучила тогда написанную им для меня сказку в стихах "Осень-злюка". И перелистывая дело, вновь чувствовала себя ребенком, хотя была уже намного старше собственного деда...

Следует упомянуть, что о томе переписки в деле Рютина стало известно из публичного выступления члена Верховного суда СССР генерал-майора юстиции П. М. Таланова на открытии музейной экспозиции, посвященной Рютину.

Настал день, когда меня пригласили в Москву, и я медленно шла по Кузнецкому мосту к приемной известного всему миру страшного ведомства.

В маленькой комнате, где, вероятно, обычно ведется допрос, стояли два стола буквой "Т". Мне принесли откуда-то из другого здания несколько старых папок и предложили работать за тем столом, где сидит обычно следователь, а на место допрашиваемого сел работник Центрального архива КГБ. Я сняла пальто, села в удобное кресло и

поняла, что у меня нет сил взять в руки папку. Я заплакала, а сотрудник архива сделал вид, что смотрит в окно. Так и "смотрел", пока я доставала из сумочки таблетки, очки, носовой платок, блокнот, ручку. И началась работа, длившаяся несколько дней. Он смотрел в окно. Я читала содержимое папок, иногда плакала, выходила на Кузнецкий мост, бродила в толчее по мокрому грязному, перемешанному с солью снегу, а возвращаясь, снова листала страницы допросов, писем, квитанций на посылки для заключенного.

Все "входящие" и "исходящие" из камеры были перепечатаны тюремным писарем на очень тонкой бумаге с сохранением орфографии даже моей малограмотной бабушки. Фиолетовая лента была слишком сухая, машинку редко чистили, и буквы плохо пропечатывались. Я поняла, что перепечатывалось всё это и хранилось с единственной целью: вдруг Сталин потребует однажды переписку личного своего врага, непокаявшегося, несломленного.

В деле хранятся оригиналы всего лишь двух писем Рютина, в том числе письмо в Президиум ВЦИК СССР. Это предсмертное письмо, на большом рваном листе серой оберточной бумаги с прожилками древесины. Оно написано 4 ноября 1936 года. В нем есть такие строки:

"Я, само собой разумеется, не боюсь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых над мной беззаконий и прошу меня защитить от них".

И это написано спустя пять лет после ареста и пыток над ним самим и над семьей!

Вслед за этим письмом в деле подшита докладная Ежова, в которой он уведомляет "вождя" об отправке ему копии этого письма в тот же день. Значит, все-таки "вождь" следил и читал. Убеждает в этом и то, что младший сын Рютина переписывался с отцом почти беспрепятственно с 1932 по 1936 год. Этой переписке не мешали даже тогда, когда сын был сослан на Колыму, а отец все еще был в Суздале. Цензоры пропускали всё: философские рассуждения, взгляды на историческое прошлое России, подробности быта, исповеди молодого человека, даже обсуждения новостей техники в самолетостроении. Вычеркивали лишь иностранные слова, написанные латинскими буквами, и математические формулы. Извечная ненависть невежд к непонятному...

Сталину нужно было знать, о чем говорят между собой отец и сын. После расстрела отца двадцатичетырехлетний сын Рютина перестал быть нужен НКВД, и его немедленно убили. Как это было – написал Шаламов в своих "Колымских рассказах".

Это еще одно доказательство: следил и ждал, когда и кого можно будет убить. Догадывался ли об этом мой дед? Разумеется. Особенно после убийства Кирова, к которому он, кстати, не испытывал особенного пиетета, хотя именно Киров, по свидетельству современников (и по Конквесту), горячее всех вступился за сохранение жизни опальному Рютину.

Но вот что пишет сам Рютин после убийства Кирова:

"Мое странствие по путям и "перепуткам" всемирной истории еще не кончилось. Тяжелое это путешествие! Весь путь исторического развития усеян трупами, убийствами, заговорами, ложью, клеветой, самыми чудовищными преступлениями" (4 декабря 1934 г.).

А через несколько дней добавляет:

"Бессмыслица становится "смыслом", ребус сам себе обнаруживает ответ, а Апокалипсис оказывается откровением простого факта, что каждый должен знать "жузыкину мать".

Письма Рютина вообще стоят особняком в тюремно-лагерной литературе. В них мало описаний тюремного быта и вовсе нет риторики по поводу "за что меня-то?". И уж тем более нет оправданий перед потомками, доказательств невиновности, недоумений и стенаний. Он сам признается, что, оказавшись в тюрьме, испытал облегчение:

"Дышишь и не надыхаешься, ходишь и не находишься" (это о тюрьме!), "даже как будто физически ощущаешь, как распускаются и отдыхают нервы. Только теперь я начинаю ясно сознавать, как они у меня были напряжены и натянуты. Можно лишь удивляться, как эта до отказа натянутая струна всё выдержала и не лопнула..." (2 ноября 1933 г.).

И если есть ощущение своей вины, то только перед самыми близкими:

"Я в этот момент особо остро чувствую, что тысячу раз перед всеми вами и особенно перед Дуней виноват в том, что вам приходится из-за меня страдать и постоянно быть под угрозой всякого рода неприятностей. Но что же я теперь сделаю? То, что случилось, то случилось! Надо запастись терпением и выдержкой!" (6 декабря 1932 г.)

Перечитывая многие документы, связанные с тюремными годами жизни деда, я не могу отделаться от мысли: они (партаппарат) перевели его на работу в Москву, приняли за своего, они затащили его в свою "малину", а поняв, что "чужой", – словно раздели донага и куражились как хотели. То же самое чувство охватило меня и при чтении партархива.

И еще: инквизиция (КГБ) может без особого страха обнародовать свои архивы. Инквизиция на то и инквизиция, что на нее со временем можно всё списать. А показывать людям партийные архивы опасно: они во сто крат безнравственнее и страшнее архивов НКВД, и преступления партии как банды уголовников становятся очевидными.

До ареста деда семья из семи человек жила в небольшой квартире на Грузинском валу возле Белорусского вокзала. Квартиру эту он купил в кооперативе железнодорожников, отказавшись от всяких бесплатных благ. Уже в 1932 году он написал о незаслуженных привилегиях вот что:

"Верхушка партийного и советского аппарата превратилась в банду беспринципных политиканов и политических мошенников. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрас-

ным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д. и т. д. И это при невероятном обнищании и полуугольном существовании всей страны".

Мы и сегодня не всегда ставим знак равенства между фашизмом и тем строем, в котором жили более 70 лет. Рютин поставил этот знак равенства еще в 1934 году, предупреждая нас сегодняшних о возможности утверждения фашизма в нашей стране:

"Фашизм пёстр и многообразен. Он играет всеми цветами радуги. Каждая фашистская страна имеет свои характерные особенности, каждая свой особый, специфический переход к фашистскому режиму. /.../ Все черты фашизма свидетельствуют, что основными рычагами его господства являются насильственная организация, террор, демагогия и ложь. Но именно поэтому всё его основание и является крайне шатким, он может держаться годами. Но он постоянно на пороховой бочке. Ни кладбищенская тишина вокруг него, ни шумные, пышные, крикливые, инсценированные карнавалы и манифестации преданности, ни потопки верноподданных приветствий не могут скрыть его шаткости, непрочности" (1934 г.).

Особенно возмущает его антисемитизм фашистской Германии. Вот что пишет он 9 сентября 1933 года:

"Несмотря на всю гнусность тогдашних (имеется в виду история страны. - Ю.Ж.) немецких правительств, Спинозу не послали на поселение, Лессинга не секли и не отдали в солдаты! Но то было в XVII и в XVIII столетиях, а в XX столетии в этой же самой Германии Эйштейн вынужден бежать за границу, десятки крупнейших ученых лишены возможности заниматься научной работой, а потомки Спинозы должны испытывать все прелести еврейских погромов. Не правда ли, замечательный "прогресс"!"

Осуждая сегодня систему, в которой нам довелось существовать, не стоит все-таки уходить от изучения объективных причин, которые приводили людей в революцию, делая их большевиками, меньшевиками, эсерами и анархистами. Искренне сожалея о крушении богатой и сильной страны, какой была накануне 1917 года Россия, мы подчас забываем, что безграмотность была присуща стране в равной мере с неисчислимым богатством. Быть может, именно из-за этой безграмотности народ впустил в свой дом коммунистическое варварство.

Умиляясь сегодня творениям Фаберже, устраивая вновь балы, на сей раз для нуворишей, в петербургских дворцах, проклиная свергнутый режим, мы и помнить не хотим о том, что в любой деревне, особенно такой заброшенной, как Верхне-Рютино, найти в царское время человека, способного прошение написать, было семьдесят лет назад не так-то просто.

У меня есть выцветшая фотография семьи Рютиных, на которой он сам, его родители, дед и сестра. Принарядились. Мой прадед шляпу ради такого случая надел, на женщинах блузки и юбки праздничные. А ноги у детей – босые. Не от нищеты – в сибирской деревне нищим мог стать разве только отъявленный лодырь, пьяница или больной. Просто летом никому и в голову не пришло, что на детях должна быть обувь: тепло ведь.

Жили в сибирских деревнях политические ссыльные – и в этом не было ничего необычного. К ним приходили за советом. И первым учителем моего деда стал тоже один из таких "поселенцев". Помню, как в детстве меня поразил рассказ мамы о том, что в деревне совсем не боялись "беглых". Избы на время полевых работ не запирались, а на столе в горнице для случайного путника всегда стояла кринка молока, был завернут в чистую тряпицу ломоть хлеба.

Стоит ли удивляться тому, что, быстро усвоив премудрости начальной школы, сбежал Мартемьян под влиянием ссыльного в свои 13 лет с обозом по льду Ангары в Иркутск? И лишь спустя год крестьянский сход смирился с этим и дал согласие на дальнейшую учебу беглеца.

Бесспорно, и там, в Иркутске, связь с "политическими" не прервалась. Пожалуй, не было области знаний, к которой он относился бы поверхностно или пренебрежительно. Покидая Иркутск, он оставил городу богатую коллекцию лекарственных трав и свой проект сохранения исторических памятников. Жажда знаний оказалась неутолимой. К моменту ареста (1932) он уже свободно знал два иностранных языка, русскую и западноевропейскую литературу, философию, историю, высшую математику. А оказавшись в заточении, восторженно писал:

"Знание – это волшебная, сказочная Синяя Птица. Никогда не поймашь ее! Она неумолимо захватывает, очаровывает и влечет к себе... Кажется, вот-вот поймашь... Но смотришь, она снова лишь махнет на тебя своими бирюзово-синими крыльями. Чем больше знаешь, тем больше убеждаешься, что ничего не знаешь. /.../ Перспективы знания так безграничны, что когда по отношению к ним начинаешь взвешивать свой теоретический и научный багаж, то чувствуешь себя прямо нищим, что не дает удовлетворения, а лишь увеличивает жажду. Поистине, как говорит устами Терессия древнегреческий сатирик Лукиан, «лучшая и самая разумная жизнь – это жизнь невежд»" (21 февраля 1934 г.).

Сегодня шквал публикаций так называемой лагерной литературы стих так же внезапно, как и начался. Причин для этого немало.

Во-первых, люди устали от описания рек крови, смертей и страданий.

Во-вторых, обгоняя историю, художественная литература и публицистика не всегда давали объективную оценку многим событиям и людям. Достаточно вспомнить, сколько дифирамбов было отпущено Каменеву, Зиновьеву, Бухарину, Тухачевскому, Орджоникидзе и многим, многим другим, повинным в гибели сотен тысяч людей.

Быть может, надо отдышаться и заговорить обо всем более взвешенно и трезво.

Убеждена, что тема борьбы со сталинизмом в России еще ждет своих исследователей. Это правда, что с приходом Сталина в России сменялись одно за другим обманутые поколения.

И все-таки нельзя считать, что смирились все. И напряженно работавшую мысль убить было не так-то просто даже в тюремном застенке.

Марксист-ленинец Рютин уже к 1936 году переосмыслил многое. 4 декабря 1935 года он пишет сыну, отправленному в ссылку в Среднюю Азию и дальше. В этом письме столько наивности, мужества и любви к сыну, столько новых размышлений, что я хочу привести здесь несколько выдержек из него.

"23 ноября после семимесячного перерыва получил от тебя из Алма-Аты первое письмо. Моей радости не было пределов. Ликовал как библейский Иаков о нашедшемся Иосифе! Прыгал как молодой жеребенок в яркий весенний солнечный день на зеленом лугу. /.../

Теперь не можешь ли ты мне сообщить, какое тебе было предъявлено обвинение, был ли какой-нибудь суд и за что тебя сослали? Я до настоящего времени абсолютно ничего не знаю. Знаю только, что тебя сослали на три года, а за что, про что - всё это для меня тайна. Далее, были ли тебе предоставлены самые элементарные условия оправдания (вызов свидетелей с твоей стороны и пр.)? Я абсолютно уверен, что ты ни в чем не виноват, и имею, конечно, как отец все законные основания знать, за что тебя выслали. Напиши, пожалуйста, если можешь. /.../

Что касается Гегеля и Ленина, то я, откровенно говоря, посоветовал бы их отложить тебе в долгий ящик.

Новые времена - новые песни. Ленина, насколько необходимо, ты достаточно знаешь, а чтение Гегеля было бы для тебя сейчас непростительной роскошью и непроизводительной тратой сил. /.../

Диалектике жизни бесконечно богаче, вернее, надежнее и "практичнее" можно научиться не из той или иной философской или социологической "системки", а только из подлинно гениальных художественных произведений. В этом отношении один "Фауст" Гёте и "Гамлет" Шекспира стоят всех философов и социологов от сотворения мира и доныне, взятых вместе! Надо только научиться их понимать".

Нет смысла объяснять, почему между Рютиным и существовавшим режимом должен был произойти неизбежный разрыв.

На суде во внутренней тюрьме Лубянки он не произнес ни слова. Единственное, что он мог сказать: "МОЯ ТРАГЕДИЯ - ЭТО ТРАГЕДИЯ ЦЕЛОЙ ЭПОХИ" - было уже сказано в письме 13 декабря 1933 года.

Он ушел из жизни первым, а вскоре, вслед за ним ушли в небытие любимая "голубка Дуня" и их сыновья.

Санкт-Петербург

Невдалеке от фронта

К истории Народно-Трудового Союза

Ярослав ТРУШНОВИЧ

Где-то в 1938 году группа старшеклассников Русской гимназии в Белграде решила, что "пора начать делать что-то для России", и направила двух "делегатов", Андрея Былинского и автора сих строк, к председателю НТС В. М. Байдалакову. Первая работа для входящих в Союз – это учение, сказал он и добавил, что "Николай Федорович Шиц все устроит". Н. Ф. Шиц сказал: "Пошли!"

Возле небольшого дома, который сносили и с полуразобранной крыши которого в великой пыли кто-то сбрасывал черепицу и куски досок, он остановился и, набрав полную грудь воздуха, крикнул: "Юра-а-а!" Черепица перестала падать и сверху отозвался высокий тенор: "Да, Николай Федорович?" – "Слезай!"

Сверху спустился светлоглазый, светловолосый, небольшого роста молодой человек. Н. Ф. Шиц кивнул в нашу сторону: "Гимназисты. Звено организовали. Звеноводитом будешь?"

Молодой человек вытер ладонь о перепачканную штанину и пожал нам руки. "Жедедягин. Для друзей – Юра. В институте окончился семестр, так я немного подрабатываю. Но по вечерам – могу!"

Мы начали "прорабатывать" материалы НТС, недавно вышедшие толстыми брошюрами и за зеленую обложку прозванные "зелеными романами". Шумно спорили, и нередко задачей звеновода было лишь успокоительно махать ладонями и уговаривать: "Ребята, не все сразу!"

После того, как Ю. Жедедягин – вместе с А. Ширинкиной и В. Молчановым – уехал в Германию, чтобы оттуда пробираться в оккупированные области России, руководить звеном стал А. Былинский. Когда уехал и он, назначили меня.

Андрей Былинский пробыл некоторое время в Берлине, затем перебрался в Россию, где поддерживал связь с партизанами в Белоруссии – и пропал без вести. Впоследствии стало известно, что засланные к партизанам особы получили приказ: членов НТС, налаживавших связь с партизанами, пытаться захватывать живьем и с партизанских аэродромов переправлять на "Большую землю". Ходили непроверенные слухи, что именно такая судьба постигла Андрея.

Продолжение. Предыдущие статьи исторической серии Я. А. Трушновича см. "Посев" №№ 1-6 за 1990 г., №№ 1-3 и № 6 за 1991 г.

Прием в НТС в Вязьме

Путь, которым А. Ширинкина, В. Молчанов и Ю. Жедилягин пробирались в Россию, был для того периода работы НТС "классическим". На белградской бирже труда подписали контракт с немецкой фирмой. В Германии на фирму не явились, а двинулись в Силезию. В Катовицах члены НТС из Польского отдела переправили их через новообразованную границу "тысячелетнего Рейха" – трамваем, в толпе рабочих – в Сосновицы. Из Сосновиц, с помощью друзей из польского Сопротивления, – в Краков. В Кракове их задержало гестапо, но те же поляки помогли бежать. В Варшаве А. Э. Вюрглер снабдил их "липой", свидетельствовавшей, что они – жители Белоруссии, бежавшие в 1939 году от большевиков и теперь возвращающиеся домой. (Об этих бумагах Русского Комитета в Варшаве мы писали более подробно в прошлом номере "Посева".) Добрались до Бреста, где как раз в тот день у местной группы НТС был праздник: вернулись два члена Союза, захваченные в 1939 году НКВД; при приближении немцев энкаведисты бежали, не успев их расстрелять, как других.

В Минске В. Молчанов и И. Кузьменко (член Союза из Югославии) попали в облаву в деревне, куда поехали за продуктами. В гестаповской тюрьме они пробыли полгода. Их допрашивали "с пристрастием". Выводили с группами других заключенных в тюремный двор, где на глазах у всех несколько заключенных расстреливали, а остальных отправляли назад в камеры – "до следующего раза". Оба вдобавок заболели в тюрьме брюшным тифом и с высокой температурой, в полубоморочном состоянии, притворялись здоровыми: тифозных больных гестаповцы пристреливали.

А. Ширинкина и Ю. Жедилягин двинулись дальше, в Смоленск, в распоряжение Г. С. Околовича, руководившего работой НТС на оккупированной территории. (Впоследствии руководителем работы НТС в оккупированной части Украины был Евстафий Игнатьевич Мамуков.)

Между Минском и Смоленском проходила (через Борисов) довольно строго охраняемая граница между оккупированной территорией с гражданским немецким управлением и "военной зоной", где власть была в руках военных комендатур. Первой через границу удачно переместилась А. Ширинкина. А Ю. Жедилягин пересек ее таким образом. Уборщиком в минском военном управлении был бывший советский офицер, член НТС. Он сообщил, что в Смоленск идет колонна грузовиков. Шоферы – работающие по найму поляки. К одному из этих поляков и вписали "помощником" Ю. Жедилягина.

В Смоленске под руководством Г. С. Околовича работала группа, в которой были и друзья Ю. Жедилягина из Югославии. Были также члены НТС из Праги В. Хасапов, О. Лопуховский, братья Кандины и вездесущий С. Тарасов – певец и танцор, он устроился в ансамбль песни и пляски и разъезжал с ним по оккупированным областям, выполняя одновременно поручения Союза. Но совсем неожиданной была встреча со старым другом Иннокентием Хлобыстовым, связь с которым была потеряна. Оказалось, что он в Смоленске уже давно: еще до войны нелегально перешел в Россию. (И. Хлобыстов остался в России,

участвовал во взятии Берлина; служил в Группе советских оккупационных войск в Германии; связался с руководством НТС через нашу Берлинскую группу; после демобилизации вернулся в Россию и продолжал вести работу; был схвачен КГБ и умер в заключении.)

Г. С. Околович намеревался отправить Ю. Жедилягина в Могилев, но тот отпросился поближе к фронту, в Вязьму. Он знал адрес члена НТС в Москве и надеялся, что из Вязьмы с ним удастся связаться. Да и Москва в тот момент висела на волоске: немцы готовились ее взять, советское командование – оставить.

В Вязьме до Ю. Жедилягина уже успел побывать В. Кашников, но в тот момент закрепиться там он не смог: через Вязьму только что прошел фронт, город еще местами горел. Но сейчас там уже были члены НТС, и надо было связаться с двумя из них, жившими на Юхновской улице. Дома их не было: незнакомый мужчина сказал, что оба арестованы немцами. К счастью, он оказался их другом, хранившим их вещи и литературу НТС. Он же познакомил Ю. Жедилягина с начальником городского управления Н. Я. Шалдыкиным, который пообещал устроить Ю. Жедилягину документы.

Н. Я. Шалдыкин был педагогом и приложил много усилий для того, чтобы дети могли продолжать учиться. Хотя недалеко от Вязьмы шли бои, но в школе – шли занятия.

По вечерам у Н. Я. Шалдыкина собирались друзья под видом "вечеров поэзии". Говорили и спорили о многом, от вопроса о хлебе насущном до судеб России, которая ведь переживала один из самых трудных периодов своей истории.

На этих вечерах бывали и из местных жителей, и москвичи, попавшие в Вязьму силой обстоятельств. В Москве было сформировано 12 ополченческих дивизий, куда забрали студентов, музыкантов, врачей, ученых, – людей, мало знакомых с военным делом, да к тому же вооруженных по системе "одна винтовка на троих"...

Ополченцы попали в Вяземское окружение, и многие из них пытались осесть на местах под видом местных жителей, чтобы не угодить в лагерь военнопленных. Н. Я. Шалдыкин помог многим окруженцам, превратив их в "коренных вязьмичей". (Сам Н. Я. Шалдыкин стал членом НТС. Впоследствии он погиб в Белоруссии.)

Вошли в НТС и некоторые из московских ополченцев. Имен их – и подобных им людей – члены НТС в воспоминаниях обычно не произносят: многие из них при отступлении немцев остались в России. Ю. Жедилягин только вскользь отмечает, что среди москвичей был хирург из Кремлевской больницы и что такого масштаба и возраста людей он, по молодости своей, лично принимать в организацию стеснялся. В таких случаях Вяземская группа приглашала Г. С. Околовича.

Местные самоуправления

Мы уже говорили, что пока не начали активно действовать партизаны, в особенности специальные группы, переброшенные с "Большой земли", населению в прифронтовой зоне жилось несколько легче, чем под гражданскими оккупационными властями, где управляли

"гольдфазаны" ("золотые фазаны" – так немецкое население вполголоса называло, за цвет формы, членов национал-социалистической партии). Это не значит, что и там не арестовывали, не расстреливали заложников, что там не умирали от голода военнопленные. Просто среди военных комендантов было не так уж много "железных" партийцев и тупо-высокомерных расистов. В прусской конституции сказано, что "первая обязанность бюргера – сохранять спокойствие". (Занятное совпадение: у нас, хотя и не было в конституции, царило то же популярно изложенное правило: "Не высовываться".) Этого и ожидали коменданты от населения оккупированных областей и неохотно вмешивались в хозяйственную жизнь, доверяя работу местным самоуправлениям. В эти-то самоуправления и старались включиться члены НТС, выполняя установки организации:

- всемерно помогать на местах населению и пленным;
- проникать в толщу населения и закрепляться там;
- изучать настроения и обстановку и информировать о них Центр;
- распространять идеи Союза и изучать их доходчивость;
- искать верных и честных друзей, создавать группы "без пяти минут членов НТС", принимая наиболее подготовленных в организацию.

Когда немцы начали массово набирать людей на работы в Германию и широко это пропагандировать, Союз решил по мере сил противодействовать. А. Хохлов и Ю. Жедилягин даже устроились на работу в вяземскую биржу труда, чтобы пытаться путать немецкие планы. Но ни в 1941, ни в 1942 годах удержать людей от отъезда в Германию не удавалось.

Добровольный отъезд в Германию резко уменьшился после того, как стало известно, что "восточных" рабочих держат впроголодь, что рабочий день изнурителен и долог. Но больше всего возмущали людей унижения, которым они подвергались. Их метили как скот значками "Ост", их барачные общежития были за колючей проволокой и мало чем отличались от концлагеря, им запрещалось пользоваться городским транспортом, укрываться в солидные бомбоубежища, устроенные для людей "высшей расы". Бывало, что и били... Гнев и горечь несомненно усугублялись еще и тем, что многие из носивших значок "Ост", задолго до войны и в первый период войны надеялись, что культурный Запад освободит их от ВКП(б) – Второго Крепостного Права (большевиков); так до войны очень многие советские граждане расшифровывали название компартии.

Другая причина уменьшения добровольных отъездов в Германию заключалась в том, что в оккупированных областях деревня, а за ней и город довольно быстро становились на ноги. Естественно, что об этом ни словом не упоминали советские исследователи. Но не писали и западные, очевидно, не желая обижать Сталина, Хрущева, Брежнева и иже с ними, опасаясь, что их обвинят в симпатиях к нацистам.

А дело было вовсе не в нацистах. Жизнь улучшалась без их одобрения и даже без их ведома. Дело было в отсутствии советской власти. Там, где не было партизан, в особенности засланных Москвой, и, следовательно, не свирепствовали карательные отряды, даже вблизи фронта жизнь была сравнительно мирной. Верно, немцы требовали поставок. Но не забирали все "под метлу" и платя колхозникам пус-

тыми трудоднями. И в жизнь колхозников они не вмешивались, да из-за языковых различий и не могли бы особенно вмешиваться. Подписываться на какой-нибудь русский "Фелькишер Беобахтер" не принуждали, изучать "Майн Кампф" не заставляли, за вступление в нацистские организации не агитировали. Да и колхозников практически больше не было. Верно – национал-социалистическое руководство запретило распускать колхозы: они были ему нужны по той же причине, что и коммунистическому. Однако крестьяне без шума поделили между собой землю, технику использовали артельно. "Подати" поставляли исправно. Немецкие контролеры появлялись редко, а когда появлялись, хитрые старосты старались напоить их до полубессознательного состояния и отправить в обратный путь, уложив замертво в сани, рядом с "подарками" в виде поросят, гусей и первача. "Нам только жить не мешай, а уж хорошую жизнь мы создадим себе сами", говорили люди.

В городах, как всегда в такие времена, с питанием было хуже, чем в деревнях. Но местное самоуправление пыталось как-то исправить положение, устраивая, например, городские столовые. В Вязьме предприимчивый Чикмарев даже организовал небольшой завод колбасных изделий, главным образом из конины: скупал у немцев раненых лошадей; фронт ведь проходил недалеко от города.

С точки зрения Сталина, все, кто работал при немцах, были преступниками, после войны с ними жестоко расправлялись. Про одного из таких "коллорабационистов", священника, писатель Виктор Астафьев недавно сказал: "Да, он при немцах работал, но служил-то людям".

Тут, по-видимому, дело было не столько в том, кому служил и делал ли добро людям. Дело было опять-таки в том, что люди ушли из-под денно-нощного надзора диктатуры и тем самым "испортились", начали принимать самостоятельные решения. Через много лет после окончания войны, где-то в 60-е годы полковник КГБ сформулировал это примерно в таких словах, сказанных задержанным демонстрантам: "Даже если вы завтра устроите демонстрацию под лозунгом "Да здравствует советская власть!" – мы вас арестуем, потому что вы демонстрируете по собственному решению, а не по указанию партийного руководства!"

"Гитлер Россией подавится!"

Идея "третьей силы", которая в первый период войны мало воспринималась, впоследствии распространялась все успешнее. Не только под влиянием НТС: членов организации на оккупированной территории было ведь не так уж много. Где-то в 1942 году эта идея стала витать в воздухе. У НТС она была лишь четко сформулирована, поскольку организация начала ее выдвигать еще в 1938 году.

В то, что коммунистическая власть не вернется, не должна вернуться, люди верили, хотели верить. А если она и вернется, то "по-старому больше не будет". Вскоре и советская пропаганда – устно и вполголоса, но никогда в письменном виде, – вторя настроениям народа, стала пускать слухи, что после войны колхозы будут отменены.

Но большинство народа было уверено и в том, что сколько бы противник ни отхватывал нашей территории, России ему не победить, всех немцев, вместе взятых, не хватит на это. "Гитлер Россией подавится" – так формулировали эту мысль.

Все это тогда было, конечно, недоказуемо, основывалось на желаниях, на интуитивных ощущениях. Но вот сегодня, в журнале "Родина" (номер 6/7 за 1991 год, посвященный второй мировой войне) об этом говорит человек знающий, генерал-лейтенант в отставке Н. Г. Павленко, немало сделавший для восстановления правды о войне: "Даже если бы немцы взяли Ленинград, Москву и другие центры, отодвинули бы нас до Урала, то для победы им все равно бы не хватило сил".

Единственной возможностью избежать конечного поражения был для них отказ от намерения превратить Россию в колонию и помочь русскому народу расправиться со сталинской диктатурой. И немало немецких военачальников стояло именно за такое решение, приводя в ярость губителя своего и нашего народов – негибкого фанатика Гитлера.

Связь с партизанами. Мельник Прохор

После того, как в Вязме появилось отделение Торгового Общества "Восток", группа НТС решила туда проникнуть. Оно было создано по примеру английских и французских обществ в африканских и иных колониях, и его задачей было взять под контроль экономику в оккупированных областях Советского Союза. Но замысел одно, а практика другое.

Вяземское отделение общества находилось вблизи фронта и особенно развернуться не могло. Немцев в нем было всего трое, все остальные – русские. Немец Пехе, начальник отделения, не был поклонником Гитлера; предполагали даже, что он был противником национал-социализма. У Пехе была русская подруга, и он всегда, если мог, выполнял ее просьбы. А Супрунов, знавший немецкий язык и имевший шоферские права, устроился в общество первым, затем туда поступил Ю. Жедилягин.

Интерес для вяземской группы представляли склады общества – зерно и в особенности соль, ценившаяся тогда "на вес золота". А также то, что общество имело право выдавать проездные документы.

Сговорившись с русским начальником склада, при разгрузке перестали регистрировать часть товаров. Добытое шло в городские столовые и нуждающимся. Шло, судя по всему, кое-что и партизанам...

Продукты, и в особенности соль, отправляли даже в Смоленск, в распоряжение Г. С. Околовича.

Получив от общества "Восток" проездные документы, группа НТС создала по деревням опорные пункты, через которые налаживали связь с партизанами, переправляли туда литературу НТС. Одним из наиболее надежных мест связи была мельница в Золотаревке, формально перешедшая в общество "Восток". Мельник Прохор не был членом НТС, но был своим человеком. Партизаны, которых он снабжал мукой и другими продуктами, ему тоже доверяли.

Вначале партизан как таковых не было, а были "окруженцы", остатки разбитых частей Красной армии. Немцам сдаваться они не хотели, тем более узнав, что делается в лагерях военнопленных. О том, как "встречает Родина" вышедших из окружения, они тоже отлично знали. Словом, деваться было некуда, – а есть-пить надо. С добывания еды и началась партизанщина. Само партизанское движение, стремление отомстить немцам за их безобразия – создала со временем безумная политика Гитлера. Сталин же систематически стал оседлывать партизанские отряды, снабжая их боеприпасами и засылая в них партийных работников и чекистов. Но был период, когда партизаны еще не попали в подчинение Москвы, и находившиеся в них люди свободно говорили то, что думали: высказывания эти были одновременно и антисоветскими, и антинемецкими.

Встречались члены Вяземской группы с партизанами чаще всего на мельнице у Прохора, под видом дружеских вечеринок. Ужинали, "крутили патефон", затем девушки шли спать. Оставалась мужская компания, к которой из лесу выходило 2–3 связных от партизан. Обсуждали разные возможности, обменивались мнениями. На рассвете связные уходили обратно, забрав заготовленную Прохором муку и другие продукты.

Однажды Прохора арестовали, но поскольку он числился за обществом "Восток", Пехе за него поручился, и мельника освободили. Впоследствии, перед уходом немцев из Вязьмы, Прохора снова забрали. Пехе в Вязьме уже не было, заступиться было некому, и Прохора расстреляли. У членов НТС в Вязьме были обоснованные подозрения, что донесли на Прохора в гестапо по заданию НКВД – за его связь с НТС.

Были доносы и на членов НТС. Немецкий переводчик, русский по происхождению, знавший Ю. Жедилягина по Белграду, донес, что тот вовсе не житель Вязьмы, а член НТС из Югославии. Н. Я. Шалдыкин узнал об этом и предупредил. Ю. Жедилягин скрылся, но вскоре вернулся, так как сменился гарнизон и немецкое начальство, а вместе с ними уехал доносчик.

Опасаться надо было больше всего начальника вяземской русской полиции Скоробогатого, про которого ходили слухи, что он не то крупный член партии, не то засланный работник НКВД, задача которого создавать напряжение среди населения. Шалдыкин, постоянно встречавшийся со Скоробогатым по делам городского управления, предпринимал все возможное, чтобы обезопасить Вяземскую группу, членом которой он был сам. Впоследствии двойная игра Скоробогатого была раскрыта немцами: его расстреляли.

Военврач Валентин Андреевич Жданов

А. Супрунов, А. Хохлов, Ю. Жедилягин и молодой механик из Москвы жили в небольшом доме вблизи моста через речку Бебрю, приток Вязьмы. В этом доме собиралась молодежь, пели, "крутили патефон", шумно проводили время. Мало кто знал, что там центр Вяземской группы НТС. В этом доме было принято в организацию немало людей.

Нередко бывал там, и увлекался идеями НТС, Валентин Андреевич Жданов – сын (от первого брака) сталинского заместителя в Ленинграде, секретаря ЦК и Ленинградских обкома и горкома, члена Военного совета А. А. Жданова.

Военврач Жданов попал в Вяземское окружение и бродил в лесах с остатками разбитых частей. Им удалось установить связь с Москвой, и В. А. Жданова переправили на "Большую землю". А в начале 1942 года снова забросили в немецкий тыл. Но неудачно: его захватили. Он попал в лагерь военнопленных под Вязьмой, где его узнали и донесли немцам. Те как-то проверили и, убедившись, что он сын "того самого" Жданова, перевели в лагерь для "знатных военнопленных". Даже, что было редкостью, стали выпускать в город.

О своей матери он ничего не рассказывал, о мачехе отзывался хорошо, отца же явно не любил и говорил о нем мало. Ю. Жедилягин запомнил лишь его рассказ о том, что у Жданова была коллекция часов, которую он хранил в шкатулке.

Члены НТС относились к Валентину по-дружески. Он отвечал тем же. Но однажды он неожиданно-негаданно появился в форме немецкого лейтенанта и сообщил, что его направляют в Берлин, где он должен будет выступить по радио. Прощаясь, он расплакался.

Доехать до Берлина ему было не суждено. Друзья из Ярцева сообщили, что отряд партизан остановил поезд и убил одного-единственного пассажира – Валентина Жданова. Надо думать, что агентура дала знать в Москву, а оттуда пришло соответствующее распоряжение в один из особых отрядов. Убийство это – вероятно, наиболее веское доказательство того, что Валентин действительно был сыном "того самого" Жданова. Впрочем, сегодня это, вероятно, можно уже проверить по архивам.

*

Перед отступлением немцев в Вязьму приехал Г. С. Околович – определить, кому из группы можно остаться в Вязьме, а кому нельзя. Жившие в Вязьме москвичи, в том числе и члены НТС, намеревались пробираться домой в столицу, хотя и понимали, что их там не будут встречать с распростертыми объятиями. И в самой Вязьме осталась подпольная группа.

Ю. Жедилягин работал затем в Мстиславле, в Рославле и в Борисове, – вблизи которого члены НТС К. В. Болдырев и Д. В. Шульгин (сын В. Шульгина) налаживали сотрудничество с партизанами.

Использованный материал:

Статья Ю. Жедилягина в "Посеве" № 7 за 1984 год.

Материалы по истории НТС, составленные Л. Раром и А. Оболенским.

Магнитофонная запись рассказа Ю. Жедилягина и устные рассказы А. Ширинкиной и В. Молчанова.

Общественный комитет имени Александра Трушновича в Москве

"Мы, представители средств массовой информации демократического крыла и народные депутаты России и Москвы – блока "Демократическая Россия", заявляем о создании в Москве **Общественного комитета имени Александра Трушновича** (...) похищенного агентами советских спецслужб в 1954 году из западного сектора Берлина" – говорится в "Декларации о самоучреждении" Комитета, помеченной 3-м сентября 1991 г. Председатель Комитета – доцент Михаил Викторович Горбаневский, публицист, филолог, кандидат филологических наук, московский корреспондент "Посева".

"Основная цель Комитета, – сказано в его "Временном положении", – выяснение судьбы выдающегося деятеля Народно-Трудового Союза российских солидаристов Александра Трушновича (...). В дальнейшем Комитет намерен собирать и исследовать материал о террористических акциях советских органов госбезопасности против активной российской эмиграции (...) с последующей передачей этих материалов и комментариев к ним в средства массовой информации."

Многолетний автор "Посева", член Совета НТС доктор Александр Рудольфович Трушнович с осени 1950 г. был председателем Комитета помощи русским беженцам в Западном Берлине, а также одним из основателей Общества русско-немецкой дружбы и русским его сопредседателем (немецкий сопредседатель – обербургомистр Западного Берлина Эрнст Ройтер).

13 апреля 1954 г. А. Р. Трушнович был похищен агентами советской госбезопасности при активном содействии агентов ГДР (и, по всей вероятности, агента Польской военной миссии в Западном Берлине).

После этого группа членов НТС, работников Комитета, переименовала его в Беженский комитет имени доктора А. Трушновича. Комитет продолжал свою деятельность до конца 1961 года. После того, как "демократическая" Германская республика отгородилась Берлинской стеной, работа Комитета потеряла смысл.

21 ноября 1991 г. председатель новообразованного Комитета М. Горбаневский, руководитель информационного агентства "Взгляд" В. Елисеенко и член Исполнительного бюро НТС, главный редактор журнала "Грани" Е. Брейтбарт-Самсонова встретились с заместителем начальника Центра общественных связей полк. А. Кондауровым и передали ему официальный запрос о судьбе А. Трушновича, адресованный председателю межреспубликанской службы безопасности В. Бакатину. Полк. А. Кондауров заявил, что не видит препятствий для проведения расследования дела о похищении А. Трушновича и незамедлительно доложит об этом В. Бакатину.

*Адрес председателя Комитета имени Александра Трушновича:
117602 Москва, Олимпийская деревня д. 15, кв. 90. М. В. Горбаневскому.*

Фонд Свободной России

Адрес для переписки:

T. Slavinsky
Flurscheideweg 15
D-6230 Frankfurt a.M.80

Банковский счет:

Schweizerischer Bankverein, CH-4002 Basel
Freies-Russland Fond, Konto Nr 10-461,971.0

Фонд Свободной России был создан решением Совета НТС в 1966 году. Движение за установление правового строя в России нуждается, в частности, в материальной поддержке - как со стороны российской эмиграции, так и иностранных друзей России.

Пожертвования на 1 декабря 1991 г.

"Единение" (Австралия)	ав. долл.	500,00
Собрано О. Перекрестовым по подписному листу	ав. долл.	90,00
Собрано на работу НТС в России во время показа видеофильма в Мельбурне (Австралия)	ав. долл.	29,00
Д-р А. Кескевич на работу НТС в России (Австралия) 2 взноса	ав. долл.	200,00
С. А. и В. Н. Зезины (Австралия)	ав. долл.	1.000,00
Д-р В. А. Нотенко (Австралия)	ав. долл.	100,00
Г-н Совасько (Австралия)	ав. долл.	10,00
Б. и Е. (Австралия)	ав. долл.	325,00
От продажи полудрагоценных камней (Австралия)	ав. долл.	100,00
А. А. Коновец (Австралия)	ав. долл.	50,00
А. А. Коновец (Австралия)	н. м.	25,18

В.Н.З. (Австралия)	н. м.	100,00
З. Мендюк на работу НТС в России (США)		
2 взноса	ам. долл.	400,00
Г. Г. Вербицкий (США)	ам. долл.	50,00
Советский моряк	ам. долл.	100,00
М. Н. Залевский (Германия)	шв. фр.	5.000,00
Д-р Р. Райххельм (Германия)	н. м.	300,00
С.Ф.К. (Германия) 2 взноса	н. м.	40,00
М. Девернья (Франция) 2 взноса	фр. фр.	400,00
Е. Фритче на работу НТС в России (Франция)	фр. фр.	300,00
Французские друзья через В.П. 3 взноса	фр. фр.	600,00
В. П. (Бельгия) 2 взноса	бельг. фр.	500,00
В. П. (Бельгия)	н. м.	30,00
Александр через В.П.	фр. фр.	100,00
Ирина (Бельгия) через В.П.	бельг. фр.	500,00
А. Троепольский (Бельгия)	н. м.	110,00
А. Троепольский (Бельгия)	гульд.	50,00
Финский друг через В.П. 3 взноса	фин. марки	300,00
Всего пожертвований в швейц. франках		10.092,80

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

А. И. Костин

20 января 1991 года, на сороковом году трагически оборвалась жизнь замечательного русского патриота, члена Народно-Трудового Союза российских солидаристов Андрея Костина.

Андрей Иванович Костин родился в Салехарде 25 февраля 1952 года в семье русских интеллигентов: мать была детским врачом, отец – инженером. В 1969 году Андрей закончил среднюю школу, работал грузчиком. В 1970 году был призван в армию, служил рядовым в войсках противовоздушной обороны. После демобилизации работал матросом на каботажных судах. В 1972 году поступил в Одесский институт инженеров морского флота. С 1973 по 1977 год плавал на разных судах по Средиземноморью.

Еще в школьные годы Андрей понял, что живет в стране, где властями созданы невыносимые условия для жизни народа. Еще тогда он понял, что нельзя сидеть сложа руки – с тоталитарной системой необходимо бороться. Через всю жизнь пронес Андрей Костин страстную искренность своего сердца, открытого для чужой боли, неистребимое желание помочь своему народу выбраться из того болота нищеты и ненависти, в которое завели его большевики.

В марте 1977 года корабль, на котором служил Костин, пришвартовывается в итальянском порту. Андрей принимает решение: бежать, чтобы бороться. Он получает политическое убежище и поселяется в США, где завершает свое образование, получает диплом оптика.

В 1979 году Андрей Костин вступает в Союз российских солидаристов, активно включается в союзную работу. Не раз он говорил, что пришел в НТС не только потому, что ему близко мировоззрение солидаризма, но в первую очередь потому, что он восхищен российскими солидаристами: принципиальными и жертвенными людьми, посвятившими свою жизнь строительству новой демократической и солидарной России.

Теперь эти слова полностью применимы к самому Андрею.

Его влечет и к людям его гордой профессии, к морякам. В 1981–82 гг. он работает в Греции, встречается с советскими моряками, беседует с ними и раздает духовную пищу – литературу. Многие моряки помнят этого, очень высокого человека с одухотворенным лицом, раздающего журналы, книги и брошюры в греческих портах.

С 1982 по 1984 год он живет в Соединенных Штатах, получает американское гражданство. С 1985 по 1991 год Костин на закрытой работе НТС во Франции. "Закрытый сектор" – это звучит почти детективно, но в действительности это утомительная, рутинная работа, связанная с отправкой политической и художественной литературы в тоталитарный Советский Союз. Андрей снаряжает в путь "орлов" – иностранцев, едуших в Россию и согласившихся доставить книги или журналы по указанному адресу. Работа эта опасна: противник – КГБ. За годы работы в закрытом секторе Андрей Костин укомплектовал литературой не одну российскую библиотеку, послал тысячи писем, сотни посылок. В редакции "Посева" и "Граней" привезены десятки прекрасных статей свободомыслящих авторов. Да и сам Андрей – автор журнала "Посев": под псевдонимом "Стрелецкий" он опубликовал ряд интересных статей.

Андрей тяжело заболевает, но, проявив редкое мужество и жизнелюбие, преодолевает тяжкий недуг.

Обстановка в стране меняется, и Костин начинает свои поездки на родину. Он создает фирму, участвует в отстройке свободной России.

Его любили не только друзья-союзнники, но и все те, кто когда-либо соприкасался с ним, добрым, милым человеком. Неизменно было уважение к нему, его неповторимой, яркой личности. Честный, доброжелательный человек по отношению к друзьям, резкий, принципиальный по отношению к врагам, Андрей Иванович пользовался большим авторитетом в Союзе. Он неизменный член Руководящего круга НТС, активный участник научно-практических конференций и семинаров.

Трагическая, преждевременная смерть Андрея Ивановича Костина – большая утрата для НТС и России. Мы навсегда сохраним в наших сердцах память о славном человеке, замечательном российском солидаристе, верном сыне России Андрее Костине.

Исполнительное Бюро Совета НТС

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОСЕВ"

Главный редактор: А. М. Югов
Ответственный секретарь Л. А. Крылова

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов, М. В. Горбаневский, Р. Б. Евдокимов,
Е. Р. Миркович, М. В. Назаров, Ф. Е. Незнанский,
А. В. Окулов, Б. С. Пушкарев,
Р. Н. Редлих, В. А. Сендеров

Адрес редакции:

Possev-Redaktion
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80
Tel.: (069) 34 18 19
Telefax: (069) 34 38 41

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора, не обязательно выражают мнение редакции. При перепечатке материалов "Посева" в свободных странах, в оригинале или в переводе, необходимо разрешение издательства и ссылка на источник. Перепечатка в российском Самиздате и в независимых изданиях всех социалистических стран - приветствуется, но ссылка на источник также обязательна.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИИ

ГОРБАНЕВСКИЙ М. В. 117 602 г. Москва, Олимпийская деревня д. 15,
кв. 90. Тел. 437 75 53

ЕВДОКИМОВ Р. Б. 191028 г. Санкт-Петербург, ул. Салтыкова-Щедрина
дом 5, кв. 24. Тел. 273 43 03

СЕНДЕРОВ В. А. 101000 г. Москва, Уланский пер., дом 14, кв. 54
Тел. 207 79 48

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1992 ГОД

Журнал "Посев" (6 выпусков в год)

Для заграницы:

Годовая подписка в издательстве:	60 нм
Годовая подписка через посредников:	70 нм
доплата за воздушную доставку:	
Северная Америка, Африка, Бл. Восток:	20 нм
Южная Америка, Дальний Восток:	30 нм
Австралия, Новая Зеландия:	40 нм

Если других указаний нет, подписка по истечении года автоматически продолжается. Подписки принимаются за календарный год и подлежат оплате по получении счета.

Для СССР, через Союзпечать (индекс 73308) 18 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПОСЕВ"

POSSEV-VERLAG, V. Gorachek KG
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. 80

Tel.: (069) 341265

Telefax: (069) 343841

Postscheckkonto: 33461-608 Ffm
Dresdner Bank AG BLZ 500 800 00, Kto 241275500

Ответственный издатель: М. В. Горачек
Директор: Е. А. Брейтбарт-Самсонова
Коммерческий директор: Л. А. Мюллер

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОСЕВ"

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore,
43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic., 3127

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Rd., London SE12 0JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094-Bruxelles 1

БРАЗИЛИЯ. O. Aleksandrow, Av. Lavandisca 648,
Moema, 04515 Sao Paulo

ВЕНГРИЯ. Bartók Béla, út 16. 1.em. H-1111 Budapest.
Tel.: /361/ 186-2527

ИТАЛИЯ. N. Timofejeff, Cassela Postale 630, Roma-
Centro

ПОЛЬША. Slawomir Nazaruk. 15-959 Bialystok 2.
Skr. Poszt. 117

США. GLOBUS, A Slavic Bookstore, 332 Balboa Street
San Francisco, CA 94118
"Possev" Representative, P.O.B. 695, Pacific Palisades
CA 90272
G. Valk, 501 5th Ave. Suite 1612, New York, NY 10017
A. Retivov, 4523 Maple Ave. Bethesda, MD 20814

ШВЕЙЦАРИЯ. G. Bruderer, Mösliweg 40, CH-3098 Köniz

ШВЕЦИЯ. Tidskriften "Possev", 15145 Evalundstad 5,
Södertälje

СВОБОДНОЕ СЛОВО – ДЛЯ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

К нашим читателям в России: впервые в истории страны – открытая подписка на журнал "Посев"

Друзья! После 46-летней борьбы и нелегального положения журнал "Посев" добился права на свободный доступ к отечественному читателю.

Но журнал мы можем выпускать пока ограниченным тиражом, и купить его в розничной продаже трудно. Как сделать так, чтобы журнал, за которым ранее охотилось специальное подразделение КГБ, попадал к вам на стол быстро и надежно?

Подписывайтесь на него!

**НАЧИНАЯ С 1992 ГОДА, ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА ЖУРНАЛ "ПОСЕВ" В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ**

Наш индекс по каталогу "Союзпечати" – 73308 (раздел "Журналы").

**СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ГОД – ВСЕГО 18 РУБЛЕЙ
НА ПОЛГОДА – 9 РУБЛЕЙ**

Журнал выходит шесть раз в год.

Редакция расположена во Франкфурте-на-Майне (Германия),
представительство и корреспондентские пункты –
в Москве, Санкт-Петербурге, других городах великой России.

"Посев" – это аналитические и дискуссионные, правдивые и острые материалы по вопросам политики, экономики, социальных проблем и культуры.

"Посев" – это изложение идей российских солидаристов, это – разговор о путях к солидарности и свободе.

"Посев" – это конструктивные предложения к обустройству России, это поиск путей служения Отечеству.

"Посев" – это пристальный и честный взгляд в прошлое России; без такого анализа нельзя строить ее будущее.

"Посев" – это правдивая информация об НТС, о его истории и его нынешней деятельности.

**Мы будем верны давно избранному девизу журнала –
"НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ!"**

Хотите быть нашими постоянными читателями?

Подписывайтесь на "ПОСЕВ"